

РУССКАЯ МЫСЛЬ

№163/09–10 (5034)
СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ 2024

На русском
и английском языках

Журнал основан
в 1880 году
www.RussianMind.com

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА *1944 год*

КОД ПОБЕДЫ

границы. Началось освобождение от нацистов Восточной Европы: Польши, Румынии, Болгарии, Югославии...

Отсюда и темы нашего выпуска. Это и «десять сталинских ударов», и снятие блокады Ленинграда, и освобождение Правобережной Украины, и операция «Багратион», завершившая изгнание врага из Белоруссии. Не забыты и так называемые лейтенантские проза и поэзия. Борис Васильев, Юрий Бондарев, Виктор Урин... Творчество писателей-фронтовиков остается современным и сегодня.

Мы вспомним Михаила Лермонтова, чье 210-летие со дня рождения отмечается в этом году, и Николая Рериха в его 150-летний юбилей, а также прекрасного поэта есенинской эпохи Николая Клюева.

Одна из статей исторической части выпуска посвящена замечательному реформатору России Григорию Потемкину. Предусмотрен и ставший у нас традиционным «Православный вестник». Есть в журнале и литературные страницы, их авторами стали Алиса Даншох, Валерий Поляев и Евгений Чигрин.

Но главная тема нового выпуска журнала – события огневого сорок четвертого. Они развивались стремительно и определили на десятилетия историю как СССР, так и других стран. И трудно не согласиться с академиком Евгением Тарле, который писал, что «диалектика требует, чтобы мы смотрели на историю с точки зрения 1944 года».

Кирилл Привалов

Издательский дом «Русская мысль» выражает благодарность Фонду поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, за оказание поддержки и финансового содействия в выпуске специального номера журнала «Русская мысль», посвященного 80-летию освобождения территории СССР от немецко-фашистских захватчиков.

ПРИКАЗ

Верховного Главнокомандующего

7 ноября 1944 года № 220 г. Москва

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты, офицеры и генералы! Трудящиеся Советского Союза! Братья и сестры, насильственно угнанные на фашистскую каторгу в Германию!

От имени Советского Правительства и нашей большевистской партии приветствую и поздравляю Вас с 27-й годовщиной Великой Октябрьской Социалистической революции.

Двадцать седьмую годовщину Октябрьской революции мы празднуем в обстановке решающих побед Красной Армии над врагами нашей отчизны. Героическими усилиями Красной Армии и советского народа наша земля очищена от немецко-фашистских захватчиков.

В текущем году советские войска непрерывно обрушивали на врага удары, один сильнее другого. Зимой 1944 года Красная Армия одержала выдающиеся победы на Правобережной Украине и разгромила немцев под Ленинградом. Весной этого года Красная Армия очистила от немцев Крым. Летом 1944 года наши войска нанесли гитлеровской армии крупнейшие поражения, которые привели к коренному изменению обстановки на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Красная Армия сломала мощную оборону врага на Карельском перешейке, а также между Ладожским и Онежским озерами и выбила Финляндию из разбойничьего гитлеровского блока. В историческом сражении на белорусских землях войска Красной Армии в союзе с белорусскими войсками разгромили немецкую группировку в составе трех армий, перебив и пленив при этом 540 тысяч немецких солдат и офицеров. В битве на Юге Красная Армия окружила и полностью уничтожила группировку немецких войск в составе двух армий. При этом советские войска истребили и взяли в плен более 250 тысяч немецких солдат и офицеров. Красная Армия разгромила немцев в Румынии, вышвырнула их из Болгарии, бьет немцев на территории Венгрии. Наши войска сокрушили Прибалтийскую группировку гитлеровской армии. За летнюю кампанию 1944 года Красная Армия с боями прошла от Кишинева до Белграда — свыше 900 километров, от Жлобина до Варшавы — более 600 километров, от Витебска до Тильзита — 550 километров. Война перенесена теперь на территорию фашистской Германии.

В ходе боев Красная Армия изгнала немецко-фашистских захватчиков со всей территории советской Украины и Белоруссии, Карело-Финской, Молдавской, Эстонской, Латвийской и Литовской советских республик. Низвергнуто трехлетнее фашистское иго на временно захваченных немцами землях наших братских советских республик. Красная Армия вернула свободу десяткам миллионов советских людей. Советская государственная граница, вероломно нарушенная гитлеровскими полчищами 22 июня 1941 года, восстановлена на всем протяжении от Черного до Баренцева моря.

Таким образом, истекший год явился годом полного освобождения советской земли от немецко-фашистских захватчиков.

Завершив освобождение родной земли от гитлеровской нечисти, Красная Армия помогает теперь народам Польши, Югославии, Чехословакии разорвать цепи фашистского рабства и восстановить их свободу и независимость.

В зимних и летних сражениях истекшего года Красная Армия показала возросшее воинское мастерство. Воины Красной Армии умело взламывали укрепленные

полосы противника, стремительно преследовали, окружали и уничтожали врага. В наступательных боях проявилось четкое взаимодействие всех родов советских войск, высокое искусство маневра. Советские воины закалялись в сражениях, научились громить и побеждать врага. Красная Армия выросла в грозную силу и превосходит врага своими воинским умением и боевой техникой.

Силы Красной Армии многократно умножаются слаженной работой советского тыла. Рабочие, колхозники, интеллигенция с честью выполняют свой долг перед Родиной, героически преодолевают трудности военного времени, бесперебойно снабжают Красную Армию вооружением, огнеприпасами и продовольствием. Советское хозяйство беспрестанно наращивает свои силы и оказывает все возрастающую помощь фронту.

Красная Армия и советский народ готовы нанести новые уничтожающие удары по врагу. Дни гитлеровского кровавого режима сочтены. Под ударами Красной Армии окончательно развалится фашистский блок, гитлеровская Германия лишится большинства своих союзников. Мастерски проведенные армиями наших союзников крупные операции в западной Европе привели к разгрому немецких войск во Франции и Бельгии и освобождению этих стран от фашистской оккупации. Союзные войска перешли западную границу Германии. Совместные удары Красной Армии и англо-американских войск по гитлеровской Германии приближили час победоносного окончания войны. Завершается окружение гитлеровской Германии. Логово фашистского зверя обложено со всех сторон и никакие ухищрения врага не спасут его от неминуемого полного разгрома.

Красная Армия и армии наших союзников заняли исходные позиции для решающего наступления на жизненные центры Германии. Задача сейчас состоит в том, чтобы стремительным натиском армий Объединенных наций в кратчайший срок сокрушить гитлеровскую Германию.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты, офицеры и генералы! Трудящиеся Советского Союза!

В Великой Отечественной войне мы отстаивали свою Родину от захватчиков, окончательно ликвидировали угрозу порабощения народов СССР фашистскими извергами и стоим теперь накануне полной победы.

В ознаменование исторических побед Красной Армии на фронте и великих успехов рабочих, крестьян, интеллигенции в тылу, в честь освобождения советской земли от немецко-фашистских захватчиков, — ПРИКАЗЫВАЮ:

Сегодня, в день 27-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции, в 20 часов произвести салют в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Петропавловске, Таллине, Риге, Вильнюсе, Кишиневе, Тбилиси, Севастополе, Львове двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами.

Да здравствует 27-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции!

Да здравствует наше свободное советское отечество!

Да здравствует наша Красная Армия и Военно-Морской Флот!

Да здравствует великий советский народ!

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. СТАЛИН.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Анатолий Адамишин
Митрополит Антоний
Ренэ Герра
Александр Трубецкой
Дмитрий Шаховской
Петр Шереметев
Сергей Ястржембский

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Кирилл Привалов
kp@russianmind.com

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Карина Энфенджян
karina@russianmind.com

РЕДАКТОР ОТДЕЛА ПОЛИТИКИ

Вячеслав Катамидзе

ДИРЕКТОР ПО РАЗВИТИЮ

Александр Машкин
am@russianmind.com

КРЕАТИВНЫЙ ПРОДЮСЕР

Василий Григорьев
cr@russianmind.com

ДИЗАЙН

Роман Малофеев
design@russianmind.com

ПЕРЕВОДЧИКИ

Лилия Сергеева, Дмитрий Лапа

ПО ВОПРОСАМ

РАЗМЕЩЕНИЯ РЕКЛАМЫ:
sales@russianmind.com

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

distribution@russianmind.com

ПОДПИСКА:

subscription@russianmind.com

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Улица Юрия Гагарина 231, 11073,
Белград, Сербия

ОБЛОЖКА:

Валентин Волков. «Минск. 3 июля 1944 года». 1946–1953; «Граница СССР восстановлена!». Фото Виктора Темина. 1944

ПРИ ПОДГОТОВКЕ НОМЕРА БЫЛИ
ИСПОЛЬЗОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ
ИСТОЧНИКИ:

culture.ru, pravmir.ru, taragorod.ru,
bakhruhinmuseum.ru, wikipedia.org, en.wikipedia.org,
litfund.ru; фото: wikimedia.org/wikipedia/commons,
commons.wikimedia.org, ozone.ru, unsplash.com

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в сообщениях информационных агентств, рекламных материалах и объявлениях. Редакция не имеет возможности вступать в переписку и не возвращает рукописи и иллюстрации. Редакция не предоставляет справочной информации. Перепечатка материалов из журнала «Русская мысль» — только по согласованию с редакцией. О случаях отсутствия в продаже журнала «Русская мысль», нарушениях сроков доставки и других недостатках в нашей работе сообщайте по номеру +44 (0) 203 205 0041 или пишите на e-mail: rmo@russianmind.com

ТИРАЖ: 7000 ЭКЗ.

ТЕМА НОМЕРА

6 ГОД СВОБОДЫ

Утверждения о второстепенной роли СССР в победе над нацизмом можно легко опровергнуть, обратившись к историческим хроникам и статистике.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ:
ОСВОБОЖДЕНИЕ СССР

12 ДЕСЯТЬ УДАРОВ

В 1944 году воины Красной армии вышли к границам Советского Союза, изгнав из страны оккупантов, готовивших советскому народу гибель или рабство.

18 БЛОКАДНЫЙ ЛЕНИНГРАД: ТРАГЕДИЯ И ГЕРОИЗМ

Татьяна Соловьева: «В моих воспоминаниях не сохранилось игрушек...»

22 БИТВА ЗА ПРАВЫЙ БЕРЕГ

Днепровско-Карпатская стратегическая операция.

24 ОПЕРАЦИЯ «БАГРАТИОН»: КАНУН ПОБЕДЫ

Исполнилось 80 лет со дня начала военно-стратегической операции «Багратион», ставшей прелюдией к завершению Великой Отечественной войны.

30 ОТКРЫТИЕ ВТОРОГО ФРОНТА: ОПЕРАЦИЯ «ОВЕРЛОРД»

До Нормандской операции основная тяжесть войны с нацистской Германией лежала на плечах СССР.

ЛИТЕРАТУРА

32 ГОЛОСА ПИСАТЕЛЕЙ-ФРОНТОВИКОВ

На 2024 год пришлось 100-летие юбилей многих писателей, чьи судьбы переплелись с войной.

38 СТИХИ, РОЖДЕННЫЕ ВОЙНОЙ

Поэзия времен Великой Отечественной войны и поэзия фронтовиков – живая страница русской литературы.

44 БРАТ ВСЕХ ГОНИМЫХ

К 210-летию со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова.

48 КОСМИЧЕСКИЙ СКИТАЛЕЦ

К 140-летию со дня рождения Николая Клюева, представителя новокрестьянского направления в русской поэзии XX века.

50 ПОЛУОСТРОВОВ СОКРОВИЩ СЕН-ЖАН-КАП-ФЕРРА

Глава из книги Алисы Даншо «Истории из пропавшего чемодана».

56 Я ПОМНИЛ ТО, ЧТО СТАЛО ЗАЗЕРКАЛЬЕМ...

Представляем вниманию читателей подборку новых произведений поэта и эссеиста Евгения Чигрина.

ИСТОРИЯ

58 РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: ВОЙНА С ТУРЦИЕЙ 1877-1878 ГОДОВ

Решив не усложнять обстановку, русское правительство остановило свои войска в Сан-Стефано, в 12 верстах от Константинополя.

70 ВЕЛИКИЙ ПАТРИОТ И МУДРЫЙ ПОЛИТИК

К 285-летию со дня рождения Григория Потемкина-Таврического.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЕСТНИК

76 ОСЕННИЙ НОВЫЙ ГОД ЦЕРКВИ

Подлинной добродетелью было бы превратить каждый день календаря в воспоминание о святом.

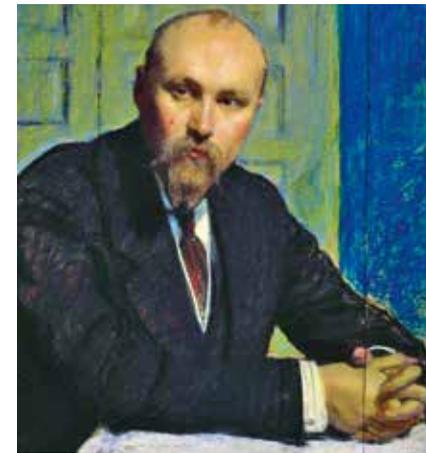
НАШИМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

82 КНЯЗЬ ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ТРУБЕЦКОЙ

Путь дипломата, политика и церковного деятеля в России и русском зарубежье (продолжение).

КУЛЬТУРА

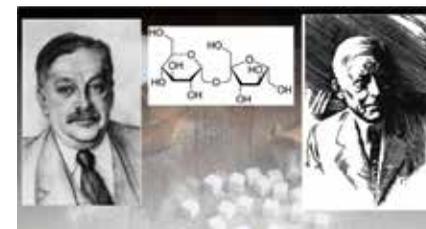
88 НИКОЛАЙ РЕРИХ: ХУДОЖНИК И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Он призывал все народы объединиться во имя создания мира красоты и знания.

ДИСКУССИЯ

94 ПИСАТЕЛИ-ХИМИКИ

«Chimistes et écrivains: Марк Алданов, Борис Пантелеймонов и другие».

ТОЛЬКО У НАС

102 ОДИНОКИЙ «ЮНКЕРС»

Мы продолжаем публикацию повести Валерия Поволоева.

МИР КИНО

109 ВЕЛИКИЙ МАСТЕР СОВЕТСКОГО КИНО

Татьяна Лиознова: «Кто пережил войну, никогда ее не забудет – вечная боль и рана».

СОБЫТИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

110 МАЛОМУ ТЕАТРУ РОССИИ 200 ЛЕТ

110 ВЫСТАВКА БАХРУШИНСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ В ПАРИЖЕ

ЧИТАЙТЕ В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

ГОД СВОБОДЫ

Утверждения о второстепенной роли СССР в победе над нацизмом можно легко опровергнуть, обратившись к историческим хроникам и статистике

КИРИЛЛ ПРИВАЛОВ

Советские и югославские бойцы с национальными флагами в освобожденном Белграде в октябре 1944 года

Фото: Э. Халдей

Звучное слово «юбилей» у нас употребляют сегодня где ни попадя. Недавно я увидел даже объявление о «годовом юбилее» компании имярек. На самом же деле «юбилей» – это празднование по поводу пятидесятилетия, столетия, тысячелетия... В крайнем

случае памятная дата должна делиться на 25. Скажем: 25-летний или 75-летний юбилей.

Дело в том, что сам термин «юбилей» пришел к нам из глубокой древности. «Юбилей» – производное от «йовель». Древнееврейское слово «йовель», или «ювель»,

означало «бараний рог», позже – «год свободы». Так называли установленный пророком Моисеем 50-й год, когда проданные и заложенные земли возвращались прежним владельцам, рабы получали свободу, прощались долги должникам, Закон (Тора) читался народу и земля

отдыхала от полевых работ. Этот «год свободы», который объявлялся звуками того самого бараньего рога, то есть «ювеля», наступал каждые пятьдесят лет, после семи седмиц, то есть семи семилетий... 80-летие это, конечно, не юбилей.

СССР – именно такая дата. Ведь к исходу 1944 года советские войска очистили от немецко-фашистских захватчиков территорию страны и вышли на ее государственные границы. Началось долгожданное освобождение от нацистов Восточной Европы – Польши, Румынии, Болгарии, Югославии... Впрочем, не только Восточной, если вспомнить о северных районах Норвегии.

Кто не представляет своего прошлого, рискует вскоре пережить его вновь. Это аксиома. Поэтому и бережем мы благодарную память о наших предках. В том числе о тех, кто погиб в 1944-м, и о тех, кто сумел выжить в горниле самой страшной из войн.

Храним и «черную» память о варварах, которые посягнули на нашу страну и пробовали ее завоевать. Не зря писал Александр Твардовский: «Куда ни взгляну, ни пойду я – жестокая память жива».

«Диалектика требует, чтобы мы смотрели на историю с точки зрения 1944 года», – утверждал известный советский историк, академик Евгений Тарле. Оставим в стороне стилистику этого высказывания (у мер времени глаз, как известно, не бывает) и обратим внимание на главное. Тот, кто мог сочинить (спасибо Самуилу Яковлевичу Маршаку) «огромный том о каждом Карле и о Людовике любом», дал четкую оценку произошедшему на фронтах войны в четвертый ее год. Ибо в наши дни осмысление истории Великой Отечественной войны не только остается важнейшим направлением исторической науки, но и формирует национальное сознание.

Однако значение для нас такой даты от этого отнюдь не уменьшается. Ибо с приближением важной памятной даты, особенно круглой, обостряется память не только отдельных людей, но и целой нации.

80-летие освобождения национальной территории

СССР – именно такая дата. Ведь к исходу 1944 года советские войска очистили от немецко-фашистских захватчиков территорию страны и вышли на ее государственные границы. Началось долгожданное освобождение от нацистов Восточной Европы – Польши, Румынии, Болгарии, Югославии... Впрочем, не только Восточной, если вспомнить о северных районах Норвегии. Кто не представляет своего прошлого, рискует вскоре пережить его вновь. Это аксиома. Поэтому и бережем мы благодарную память о наших предках. В том числе о тех, кто погиб в 1944-м, и о тех, кто сумел выжить в горниле самой страшной из войн. Храним и «черную» память о варварах, которые посягнули на нашу страну и пробовали ее завоевать. Не зря писал Александр Твардовский: «Куда ни взгляну, ни пойду я – жестокая память жива». «Диалектика требует, чтобы мы смотрели на историю с точки зрения 1944 года», – утверждал известный советский историк, академик Евгений Тарле. Оставим в стороне стилистику этого высказывания (у мер времени глаз, как известно, не бывает) и обратим внимание на главное. Тот, кто мог сочинить (спасибо Самуилу Яковлевичу Маршаку) «огромный том о каждом Карле и о Людовике любом», дал четкую оценку произошедшему на фронтах войны в четвертый ее год. Ибо в наши дни осмысление истории Великой Отечественной войны не только остается важнейшим направлением исторической науки, но и формирует национальное сознание.

Трудно возразить против еще одного тезиса Тарле, кстати, уроженца Украины, киевлянина, о том, что «в критические моменты, когда создается реальная угроза существованию нации или обществу, происходит неизбежная мобилизация исторической памяти».

Семейная история

Два с половиной миллиона наших солдат полегло, освобождая от гитлеризма страны Европы. Всего же мы заплатили за Победу над фашизмом двадцатью шестью миллионами жизней – и военных, и больше гражданских. Помнится, как-то я оказался в Санкт-Петербурге одновременно с двумя моими швейцарскими давними знакомыми. Они попросили меня показать им город на Неве. Признаюсь, я растерялся: одно дело – Москва, моя родная столица с ее Арбатом, замоскворечьем и Хамовниками, совсем другое – Питер... Выручил местный коллега. Он, коренной петербуржец в четвертом поколении, согласился провести нас по маршруту, который представил как «ленинградский, семейный». Мы шли от здания к зданию, от дворца к дворцу, и мой друг, успевая рассказывать о великолепных достопримечательностях Санкт-Петербурга, сопровождал прогулку далеко не жизнерадостными комментариями: «В этом доме умер от голода в блокаду мой дядя... А здесь от немецкой бомбежки в сорок третьем погибла моя двоюродная бабушка...»

Проходя по улице с трафаретной исторической надписью на стене: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна», швейцарцы, словно на зимнем сквозняке, дружно поежились, а на подступе к Пискаревскому кладбищу окончательно «сдались»: «И надо было переносить все эти жуткие лишения на протяжении 872 дней и ночей, чтобы потерять полтора миллиона людей!.. Это же в восемь раз больше населения Женева!.. Не проще ли было сдать немцам город ко всем чертям и тогда остаться в живых?...» Мой питерский друг ничего на это не ответил, только разочарованно посмотрел на альпийских визитеров долгим, тяжелым взглядом.

Жители Праги приветствуют маршала И. С. Конева 9 мая 1945 года

К слову, и Ленинград, изнуренный, измученный, но не покоренный, был окончательно освобожден тоже в том самом памятном сорок четвертом.

Для моей же семьи тот год оказался страшным, проклятым, траурным. От стремительного туберкулеза и недостатка лекарств умер в Подмоскowie в шестнадцать лет младший брат матери, мой так и не состоявшийся дядя. Очередная тыловая жертва войны...

Как известно, практически нет у нас в стране такой семьи, которая бы не потеряла кого-то из своих членов в дни Великой Отечественной. В нашей многонациональной родне первым погиб мой другой дядя, двоюродный. Борис Хигрин был артиллеристом, служившим на западных границах, и в первые же дни войны встретил танки с паучьими крестами в Белоруссии. Под городом Бельниччи он лично

подбил четыре гитлеровские бронированные машины и пал смертью храбрых. Посмертно был награжден звездой Героя Советского Союза. Позднее, после Победы, журналисты назовут его «огненным капитаном». Не скрою, мне было приятно, когда я увидел его имя в скрижалях мемориала «Яд Вашем» в Израиле. Памятник Борису Хигрину поставлен и в Белоруссии.

Вспомнились слова Марины Цветаевой: «Родина есть не условность территории, а непреложность памяти и крови... В ком она внутри, он потеряет ее вместе с жизнью».

В цепи Истории

К лету 1944 года Советский Союз фактически в одиночку сломал хребет отменно отлаженной военной машине вермахта. Красная армия сорвала блицкриг в ходе

Московской битвы, разрушив миф о непобедимости гитлеровских армий, вынудила Германию перейти к стратегической обороне после Сталинграда, завершила коренной перелом во Второй мировой под Курском и в результате форсирования Днепра открыла дорогу для освобождения Европы.

Великий освободительный поход по захваченным противником территориям СССР начался в 1943 году и набрал свою непреодолимую силу в 1944-м. Ведь в декабре сорок третьего закончилась знаменитая битва за Днепр. В ее результате были освобождены земли Левобережной Украины и «мать городов русских» – Киев. Благодаря этой битве советские войска создали себе плацдарм для дальнейшего освобождения родных земель, которое и продолжилось в 1944 году. Зимой и весной Красная армия провела целый ряд

успешных операций. В результате четырехмесячного наступления была разгромлена группа гитлеровских армий «Юг», освобождены области Правобережной и Западной Украины: Черновцы, Николаев, Кривой Рог, Луцк, Ровно... Советские войска вышли к границам с Венгрией и Румынией. В это же время был освобожден Новгород, и Красная армия смогла перейти к изгнанию врага из Прибалтики. 10 апреля была освобождена Одесса, а 9 мая – ровно за год до Победы – Красная армия освободила Севастополь и Крым.

Глубокой осенью 1944 года немцев выбили с последних территорий СССР. Этот год вошел в историю как год «десяти сталинских ударов».

Очевидная возможность выхода Красной армии за рубежи СССР вынудила Британию и США ускорить открытие второго фронта – состоялась высадка союзников на севере Франции. (Ранее «вторым фронтом» советские люди называли тушенку и шоколад, приехавшие по ленд-лизу). Это событие произошло 6 июня 1944 года. Ощутимо ухудшилось положение вермахта, который вынужден был теперь перебрасывать войска на западный фронт.

Но исход войны, по большому счету, был определен уже за полгода до десанта в Нормандии. Утверждения о второстепенной роли СССР в победе над нацизмом можно легко опровергнуть, обратившись к историческим хроникам и статистике. Судите сами: на Восточном фронте Гитлер потерял 507 дивизий, в то время как на всех остальных – 176, получается, в три с половиной раза меньше. Именно в боях с Красной армией немцы лишились трех четвертей своей авиации, танков, артиллерии, боевых кораблей и транспортных судов. Факты сами говорят за себя, напрасное занятие переживать их.

Советские лыжные войска в Ленинграде. 1943

Впрочем, нельзя не отдать союзникам должного. Военная техника, которую США передали СССР, стала для воюющей Красной армии важным подспорьем.

«Без поставок по ленд-лизу мы бы наверняка еще 1–1,5 года лишние провоевали, – писал Анастас Микоян, курировавший в годы

войны семь советских наркоматов, то есть министерств. – Американская тушенка, комбижир, яичный порошок, мука, другие продукты – это очень весомые калории для солдат и рабочих в тылу. Машины: почти 400 тыс. «Студебеккеров», «Фордов», «Виллисав». Вся наша армия фактически была поставлена

Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков в 1944 году.

Фото: РИА Новости

на колеса ленд-лизом! Это повысило ее маневренность и способности».

О том же говорил и Сталин: «Без поставок по ленд-лизу нам бы пришлось очень туго. Это была исключительно серьезная поддержка в нашей громадной и трудной борьбе».

Однако преувеличивать значение западной помощи тоже не стоит – на нашу страну приходилась только пятая часть всех американских поставок по ленд-лизу, тогда как две трети – на Великобританию

и ее колонии. Известно, что экс-президент США Герберт Гувер как-то саркастически заметил: «Советская страна остановила немцев до того, как ленд-лиз дошел до нее». Да, тут не возразишь! А вот что сказал сам президент Соединенных Штатов Франклин Делано Рузвельт: «Трудно уйти от того очевидного факта, что русские армии уничтожают больше солдат и вооружения противника, чем все остальные 25 государств Объединенных

Наций, вместе взятых». Не отмолчался и Шарль де Голль. Генерал отметил: «Французы знают, что сделала Советская Россия, и знают, что именно Советская Россия сыграла главную роль в их освобождении».

23 июня 1944 года, через три года после нападения немцев на СССР, Красная армия начала грандиозную операцию по освобождению Белоруссии под названием «Багратион». В ней было задействовано почти 1,7 миллиона солдат и офицеров, почти 6 тысяч танков и более 5 тысяч самолетов. Она длилась более двух месяцев, до 29 августа, и в результате ее были освобождены от немцев вся Белоруссия, большинство территории Прибалтики и начато освобождение Польши. В ходе операции «Багратион» в плен попало около 150 тысяч немцев, из них 57 тысяч прошли маршем по московским улицам 17 июля 1944 года. В историю это событие вошло под названием «парада победленных». Его целью было доказать западному миру, который не спешил поверить в успехи Красной армии, масштаб ее побед.

Практически полностью очистив советскую землю от фашистских оккупантов, Красная армия двинула свои силы на освобождение европейских государств и покорение союзников Гитлера. Многие из них поспешили объявить Германии войну и сдаться на милость победителей. Несмотря на быстрое продвижение, советские солдаты встречали жесткое сопротивление немцев в этих странах. Ожесточенные бои шли за Варшаву, Будапешт, Белград и другие города Европы. Их жители восторженно встречали советских солдат как освободителей. 8 сентября 1944-го вооруженные силы СССР пересекли румыно-болгарскую границу.

«Не прошло и получаса, – писал в своих мемуарах маршал Георгий Жуков, – как командующий 57-й армией доложил, что одна

из пехотных дивизий болгарской армии, построившись у дороги, встретила наши части с развернутыми красными знаменами и торжественной музыкой. Через некоторое время такие же события произошли и на других направлениях. Командармы доложили, что идет стихийное братание советских воинов с болгарским народом».

Участовавший в освобождении Чехословакии старший сержант М. С. Александров в своих воспоминаниях пишет: «У меня не хватит слов, чтобы описать, как нас встречали. Везде мы просто тонули в восторженных толпах людей, которые стекались изо всех соседних сел посмотреть на нас. Везде заваливали цветами, девушки бросались нам на шею, обнимали, что-то взволнованно говорили на своем языке... В моем взводе был один пожилой солдат: он всю войну был очень собранным и хладнокровным. А тут, в Чехословакии, он плакал и смеялся».

80 лет, прошедшие с той поры, – много это или мало? Для Истории – капля в море, пылинка в космосе. А для нас, русских людей, это лишь одно рукопожатие, разделяющее сегодняшнее поколение с отцами и дедами. Крепкое, горячее рукопожатие с теми, кто стоит в непрерываемой цепи славной русской истории. В этой многовековой российской цепи отцов и детей, внуков и дедов, правнуков и прадедов – Александр Невский и Петр Великий, Дмитрий Пожарский и Федор Ушаков, Александр Суворов и Михаил Кутузов, Георгий Жуков и Константин Рокоссовский...

Великие герои нации – рядом с нами. Эстафета эта никогда не прервется. Мы в это верим. Мы это знаем. Потому что понимаем: опускаясь в славное прошлое, мы получаем драгоценный шанс вынырнуть в достойном памяти самоотверженных пращуров будущем. И многие юбилеи у нас еще впереди.

Мемориал на площади Победы в Ленинграде (Санкт-Петербург), возведенный 2012 июня 2012

ДЕСЯТЬ УДАРОВ

В 1944 году воины Красной армии вышли к границам Советского Союза, изгнав из страны оккупантов, готовивших советскому народу гибель или рабство

АРСЕНИЙ ЗАМОСТЬЯНОВ,

заместитель главного редактора журнала «Историк»

«Наша земля очищена от немецко-фашистских захватчиков», – с уверенностью заявил Сталин 6 ноября 1944 года, на выступлении, посвященном очередной революционной годовщине. А потом перечислил десять основных операций, в ходе которых воины Красной армии вышли в 1944 году к границам Советского Союза, изгнав из страны оккупантов, готовивших советскому народу гибель или рабство.

Символично, что о необходимости водрузить Знамя Победы над Рейхстагом Сталин впервые заявил именно в этом докладе.

Конечно, сам Верховный главнокомандующий не называл десять наступательных операций Красной армии «сталинскими ударами». Такое название появилось в прессе и перешло в учебники истории.

После смерти Сталина и развенчания культа его личности стал использоваться термин «десять ударов».

Наука побеждать

Что объединяет эти операции? Готовность Красной армии атаковать, отбросив тактику выжидания. Решающая роль в разработке «десяти ударов» принадлежала начальнику Генерального штаба, маршалу Александру Василевскому и генералу армии Алексею Антонову, возглавлявшему Оперативное управление Генштаба. Во взаимодействии с членами Ставки Верховного главнокомандования и с командующими

фронтами они разрабатывали направления ударов, которые привели к разгрому оккупантов на советской земле.

В первые два года войны Красной армии удалось сорвать блицкриг и навязать гитлеровцам затяжную войну. Но стратегическая инициатива оставалась в руках вермахта. Это время стало своеобразным университетом и для советского генералитета, и для Сталина. Армия и ее командование научились воевать против самой отлаженной и опытной военной машины в мире.

Во время разработки наступательных операций 1944 года Сталин уже доверял военным профессионалам и в то же время проводил «политическую линию», которая всегда важна на большой войне. Подчас от направлений атакующих ударов зависели и очевидные, и потаенные действия союзников СССР по антигитлеровской коалиции.

Ход войны изменился – это чувствовал каждый солдат-окопник. «После разгрома гитлеровских войск на Курской дуге стратегическая инициатива находилась полностью в руках Верховного главнокомандования Красной армии, и поэтому уже мы решали, где, когда и какими силами проводить те или иные наступательные операции», – вспоминал маршал авиации Александр Голованов.

Чтобы приступить к наступательным операциям, Генеральный штаб должен был ощущать надежную поддержку тыла. Промышленность, потерявшая из-за оккупации множество крупных производственных центров, работала с нечеловеческим

перенапряжением, но сумела добиться преимущества перед гитлеровцами по многим параметрам, хотя на Третий рейх работали такие промышленно развитые страны, как Австрия, Франция и Чехословакия. Красная армия все еще уступала немцам по количеству тяжелых танков и самоходок – таких, как «Пантеры» и «Фердинанды». Но как раз в 1944 году на вооружение поступил тяжелый танк ИС-2. Ну а Т-34 оставался лучшим в своей – легкой – категории. В «десяти ударах» принимала участие и его модернизированная модель – Т-34-85. Потери бронетехники в Красной армии и «панцирваффе» практически выровнялись. А в небе советские асы стали хозяевами положения. В том числе благодаря новинкам 1944 года – истребителям Ла-7 и Як-3. Советской экономике удалось переиграть немецкую и по части добычи и доставки на фронт горючего, хотя на Германию работали богатые румынские нефтепромыслы.

Таков был фундамент побед 1944 года, когда немцам уже не удавались наступательные операции.

От Волхова до Буга: первый и второй удары

Первым ударом в этой славной череде стала Ленинградско-Новгородская стратегическая операция. Она началась 14 января 1944 года. За несколько недель Красная армия прорвала оборону, которую немцы выстраивали два

Решающая роль в разработке «десяти ударов» принадлежала маршалу А. М. Василевскому и генералу армии А. И. Антонову

года, и нанесла поражение группе армий «Север». К концу февраля наши войска продвинулись на 270–280 км, полностью освободив Ленинград и от блокады, и от угрозы нападения. В великом городе прозвучал салют. К 1 марта от оккупантов удалось очистить и Ленинградскую область, и Новгород. Там воины-освободители увидели осколки памятника Тысячелетию России. Немцы хотели уничтожить и его, и древний Кремль – Детинец. К счастью, все это удалось восстановить – по крупицам, по камушкам. Освобождение Новгорода ясно показало, что отныне Красная армия готова навязывать свою волю противнику по всей линии фронта.

Второй удар враг получил вдалеке от Невы и Волхова – на берегах Южного Буга. Днепровско-Карпатская

операция оказалась для немецкого командования неожиданностью из-за отвлекающих маневров советских войск. В результате к концу марта 1944 года части 2-го Украинского фронта вышли на довоенную границу СССР. 26 марта красноармейцы перешли советско-румынскую границу. В Москве эти события встретили народным ликованием и салютом в 24 залпа, который с 1943 года традиционно устраивали по случаю освобождения каждого крупного города.

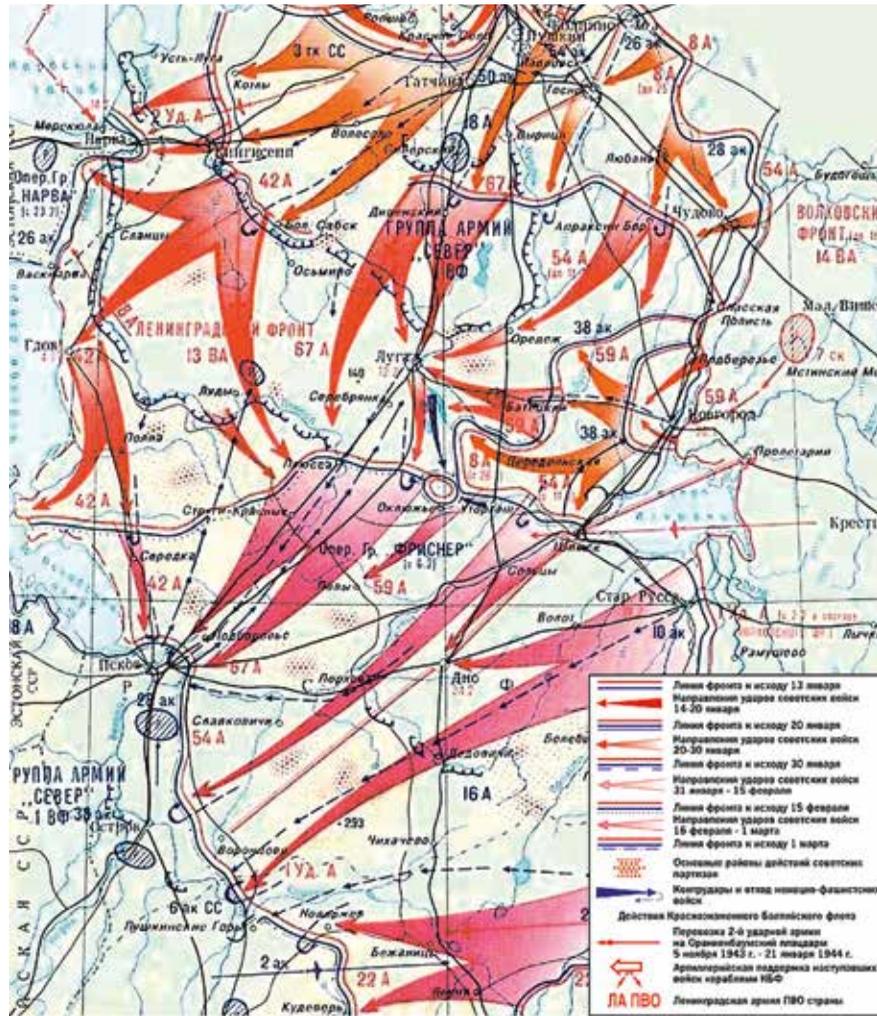
От Крыма до Карелии: удары третий и четвертый

Третий удар объединил две крупные операции – Одесскую и Крымскую.

В освобождении всех городов Крыма участвовали партизаны. 10 апреля войска Отдельной Приморской армии генерала Андрея Еременко пошли в наступление на Керченском полуострове. Гитлеровские части, превратившие захваченные города и посёлки в крепости, были сметены. Одновременно части 4-го Украинского фронта, которым командовал генерал армии Федор Толбухин, прорвали оборону врага на Перекопском перешейке. Освобождение Севастополя 9 мая 1944 года – ровно за год до Великой Победы – стало незабываемой кульминацией битвы за Крым.

Четвертый удар – это Выборгско-Петрозаводская операция.

Тогда, прорвав «неприступную» линию Маннергейма, красноармейцы освободили Выборг и Петрозаводск и летом 1944 года вынудили

Ленинградско-Новгородская стратегическая наступательная операция советских войск (14 января – 1 марта 1944)

Крымская наступательная операция (8 апреля – 12 мая 1944)

Финляндию начать переговоры о мире. Гитлер лишился важного союзника, который сковывал действия советских фронтов под Ленинградом и в Карелии. Балтийский флот получил свободу действий в восточной части Финского залива и стал базироваться на Бьеркских (Березовых) островах.

Пятый удар: операция «Багратион»

Крупнейшей победой Красной армии стал пятый удар. Операция, получившая название «Багратион», началась 23 июня 1944 года. На следующий день разведка боем переросла в мощный удар. Особенно трудным было наступление 1-го Белорусского фронта: войскам Константина Рокоссовского пришлось действовать в лесисто-болотистой местности, а для окружения вражеской группировки было необходимо подтянуть к театру военных действий танки... Рокоссовскому ценой невероятных усилий удалось продвинуть к Бобруйску механизированные части и окружить 9-ю немецкую армию. Лишь немногие гитлеровцы смогли прорваться из стального кольца.

К концу августа разрушенная, израненная, окровавленная Белоруссия была свободна. И вся страна помогала республике возродиться. Вместе сражались, а потом вместе отстраивали искалеченные города. Итоги операции превзошли ожидания советского командования. Гитлеровская группа армий «Центр», которая топтала белорусскую землю с первых дней войны, а потом принимала участие в Курской битве, перестала существовать. Из 97 немецких дивизий и 13 бригад, участвовавших в боях в Белоруссии, 17 дивизий и три бригады были полностью уничтожены. 50 дивизий понесли потери от 60 до 70% личного состава.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский принимает капитуляцию генерал-лейтенанта Альфонса Алоиса Хиттера. Витебск. 28 июня 1944 года

Самоходное орудие СУ-76 на исходной позиции в предгорьях Карпат

И это – почти сплошь опытные, боеспособные войска. По большому счету, гитлеровская Германия не смогла оправиться от таких потерь. Именно этих дивизий вермахту критически не хватало в 1945-м. (Подробно об операции «Багратион» читайте на с. 24–29 настоящего выпуска. – Прим. ред.)

Шестой удар: Львовско-Сандомирская операция

Шестой удар Красная армия нанесла по врагу на Западной Украине, в Карпатах.

В районе города Броды советские войска окружили восемь дивизий противника. Выбраться из котла гитлеровцам не удалось. На львовском направлении немцы подготовили мощную оборонительную систему: три полосы укреплений глубиной до 50 км. Преодолеть эти рубежи было непросто – достичь побед удалось только благодаря согласованным действиям танковых и стрелковых частей, а также боевой авиации. Первым во Львов ворвался 10-й гвардейский танковый корпус генерала Евтихия Белова. Ожесточенные бои в городе завершились 27 июля.

Разгромив немецкие дивизии подо Львовом, части Красной армии форсировали Вислу и заняли плацдарм западнее польского города Сандомир, вбив клин в немецкие позиции. После успеха этой операции немцам стало гораздо сложнее маневрировать резервами: отныне связь между северной и южной частями вермахта проходила через Чехословакию и Венгрию.

Седьмой удар: Яско-Кишиневская и Бухарестско-Арадская операции

В августе – октябре 1944 года были проведены Яско-Кишиневская и Бухарестско-Арадская наступательные операции. В «котел» попали 25 из имевшихся на стратегическом направлении 47 дивизий и 5 бригад противника. Большинство из них не сумели вырваться из окружения.

Молниеносное наступление Красной армии в Молдавии и Румынии стало важным звеном в цепи побед, которые привели Красную армию к Берлину. Задачу удалось выполнить на удивление быстро: главные силы группы гитлеровских армий «Южная Украина» были разгромлены, и перед воинами-освободителями открылся путь на Балканы, где уже вели борьбу с нацистами местные партизаны и где многое зависело от Красной армии.

Одной из вершин военного искусства стало окружение сильнейшей 6-й немецкой армии в районе города Хуши.

Советские войска вошли в Бухарест 31 августа 1944 года

В Советском Союзе салютовали освобождению южной республики – Молдавии, разграбленной, но не уничтоженной оккупантами, которые орудовали там с августа 1941 года. Отныне румынская нефть стала снабжать Красную армию, которая развивала наступление на Венгрию и Германию. Для этой цели даже удалось оперативно построить трубопровод, и немцы не смогли помешать этому проекту.

От Балтики до Балкан: удары восемь и девять

Восьмым разящим ударом по врагу стала Прибалтийская стратегическая операция, которая продолжалась больше двух месяцев – с 14 сентября по 24 ноября.

Там у освободителей не было заметного численного превосходства. Гитлеровцы боролись за балтийский берег отчаянно. Немецкие армии, оборонявшие Ригу, получили приказ: «Держаться до последнего солдата и не сдавать без боя ни одной позиции, расстреливать на месте каждого солдата, обнаруженного в тылу».

К 10 октября части Красной армии после упорных боев отрезали немецкие войска группы армий «Север» от других частей, заняв коридор между Восточной Пруссией и Курляндией. Немцы в Литве оказались в ловушке.

Девятым ударом принято называть Восточно-Карпатскую и Белградскую операции.

На Балканах Красная армия действовала совместно с партизанской Народно-освободительной армией Югославии и болгарскими войсками. Решающий вклад в освобождение Югославии внесли как раз части 3-го Украинского фронта, которым командовал Федор Толбухин, к тому времени заслуженно получивший маршалский жезл. 14 ноября начался штурм Белграда – города,

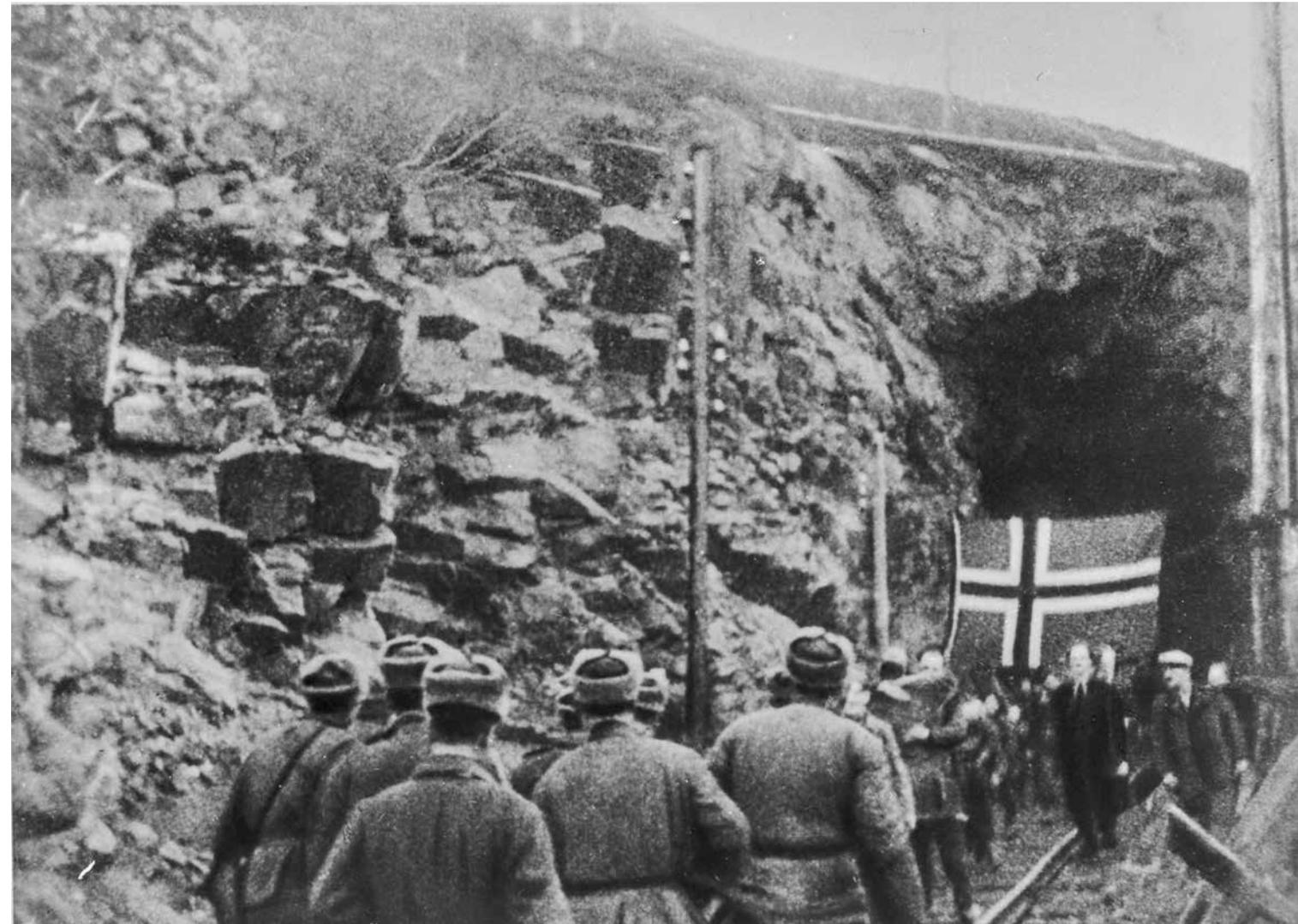
который оккупанты постарались превратить в крепость. Гитлеровцев приходилось выкуривать из их укрытий орудиями, предназначенными для стрельбы прямой наводкой, гранатами, огнем автоматов. Жители города подсказывали солдатам, где расположены немецкие огневые точки. Немцы обустроили в Белграде «неприступные» бетонные доты, подготовили к обороне десятки домов и целые кварталы. Но красноармейцы уже имели богатый опыт городских сражений и были готовы к преодолению таких преград.

После недели упорных боев столицу Югославии очистили от немцев и их союзников, которые потеряли 25 тысяч убитыми и пленными. Первый памятник красноармейцам, погибшим в боях за Белград, открыли в сербской столице через месяц после освобождения. После такого удара немцам оставалось только навсегда распрощаться с мечтой о контроле над Балканами. Они потеряли коммуникацию со своими частями, расположенными в Греции.

Последний удар

Десятый удар был осуществлен в октябре. Это Петсамо-Киркинесская операция.

Преодолев глубоко эшелонированную немецкую оборону в болотистом и скалистом краю, войска Карельского фронта генерала Кирилла Мерецкова смогли освободить Заполярье от оккупантов и к концу октября вступили на норвежскую территорию. Героически проявил себя в этой операции Северный флот, поддерживавший армию огнем и высаживавший десанты. Три года немцы возводили в этом краю «гранитный» Лапландский вал. Главный удар части 14-й армии генерал-лейтенанта Владимира Щербакова нанесли из района озера Чап (Чап)

Прятавшиеся в пещере от оккупантов норвежцы встречают советские войска

в направлении Луостари и Петсамо (Печенга). Освободить Печенгу удалось ценой нечеловеческих усилий. «Ровно в 24:00, проклиная на чем свет стоит гитлеровцев и непогоду, солдаты рванулись вперед, и на этот раз фашисты не выдержали», – вспоминал Мерецков.

Высокий героизм проявили десантники и разведчики и при освобождении порта Линахамари. 12 октября советские войска вышли на подступы к Петсамо. Там немецкий гарнизон оказался в окружении. Получив разящие удары, немцы начали спешное отступление

в Норвегию, к Киркенессу – крупнейшему немецкому форпосту на Баренцевом море. Войска Красной армии преследовали их. Мерецков получил санкцию Сталина продолжить операцию и на территории Норвегии.

Отступая из Киркенесса, гитлеровцы постарались оставить освободителям только руины. Взорвали порт и большинство основательных городских зданий. Однако контроль над Скандинавским полуостровом гитлеровцы потеряли, а над немецкими балтийскими портами нависла

опасность нового сокрушительного удара.

Время Освобождения

Год освобождения показал зрелость советской военно-стратегической мысли. Генеральный штаб научился предвосхищать действия противника, вовремя и скрытно сосредотачивать силы. Десятки раз немецкие дивизии попадали в окружение. Фронты и армии показали способность действовать быстро и согласованно.

Наступление от Баренцева моря до Черного произвело сильное впечатление и на противников, и на союзников.

В десяти наступательных операциях Красной армии 1944 года погибли 136 гитлеровских дивизий, из них 70 удалось окружить и уничтожить. Румыния, Финляндия и Болгария перешли на сторону антигитлеровской коалиции. Теперь ничто не могло преградить советским воинам путь к освобождению Европы, путь на Берлин.

1944 год заканчивался. «Низвергнуто трехлетнее фашистское иго», – эти слова в те дни повторяли многие. Страшное понятие «оккупация» ушло в историю, оставив пожарища на месте сотен деревень, разрушенные города и освобожденные концлагеря.

В июне войска генерала Андрея Радзиевского с боями прорвались к немецкой «фабрике смерти» в Майданеке, под Люблином. До этого достоверных сведений о гитлеровских лагерях смерти почти не было. О зверствах в концлагерях ходили слухи, часто казавшиеся невероятными. Но реальность превзошла самые ужасные слухи. Расследование военных преступлений нацистов началось незамедлительно.

Несмотря на пасмурные дни поздней осени и декабрьскую темень, в душах советских людей разгоралась весна Победы. После стольких нестерпимо черных дней войны этот год принес стране Освобождение. Бой уже разворачивались в Европе, армия-освободительница сражалась на Балканах, в Польше, в Венгрии, прорываясь к логову нацизма – Берлину. В наступающем году еще предстояло больше четырех месяцев упорных сражений. Новые потери – до последних часов войны.

Но и в армии, и в тылу дышалось легче: немецкий сапог больше не топтал нашу Родину.

БЛОКАДНЫЙ ЛЕНИНГРАД: ТРАГЕДИЯ И ГЕРОИЗМ

«В моих воспоминаниях не сохранилось игрушек ...»

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА,
писатель, историк, искусствовед

Полное освобождение Ленинграда от блокады. Жители города закрашивают надпись на стене дома, предупреждающую об артобстрелах

Я издала немало книг и понимаю, что нужно рассказать и о блокаде, но каждый раз, как я садились за компьютер и начинала вспоминать свое детство, не могла сдержать нахлынувших чувств. И уходила от прошлого...

До войны мы жили в большой коммунальной квартире из восьми комнат. В каждой комнате проживала семья. Когда началась война,

в квартире осталось лишь пять семей. Вскоре две семьи с детьми уехали из города. В двух комнатах жили женщины, у которых мужья ушли на фронт. В одной, самой большой комнате этой квартиры проживали мы: мама, я и мой брат (двойняшки), бабушка и дедушка – родители мамы.

Наш папа ушел на фронт добровольцем. В моей памяти

сохранилось воспоминание, как его вдруг не стало. Мы спали на железных кроватках, у которых были завинчивающиеся шары. Однажды, когда я проснулась, у моей кровати вместо шаров были примотаны любимые нами леденцы – петушки. Я очень обрадовалась этому. Но мама с заплаканными глазами сказала, что это прощальный подарок

папы, который, пока мы спали, ушел на фронт...

В первые дни блокады, пока еще оставались кое-какие запасы еды, все шло по заведенному порядку. Но запасы очень скоро закончились, наступило голодное время, к которому прибавились большие холода. К нам переехали родители папы и родная сестра мамы. Мы разместились в нашей большой комнате, так как решили, что вместе жить теплее. В один из дней родители папы пошли взять какие-то вещи из своей квартиры и посмотреть, нет ли по их адресу писем от сына. Мы долго ждали, но их все не было. Наша вторая бабушка пошла узнать, что же случилось. Когда она подошла к их дому, то увидела вместо него кучу кирпичей и прочего мусора. Она поняла, что, когда родственники находились в доме, туда попала бомба и они оказались под грудой камней...

Потом от голода умерла сестра мамы, которой прочили большое будущее, потому что у нее был замечательный голос – бархатное меццо-сопрано. Мне запомнились ее большие карие, почему-то всегда грустные глаза. Она умерла во сне. Перед глазами стоит картина – когда я проснулась, то, взглянув на свою красивую тетю, увидела ее бледное лицо, по которому бежали вши.

Затем умер дедушка. Одна за другой ушли одинокие женщины, оставшиеся жить в своих комнатах нашей квартиры. Их трупы вывезли какие-то незнакомые люди. Пока оставалась в живых одна из наших бабушек, мама работала и приносила что-то из еды.

Однажды она принесла клейстер. Бабушка обрадовалась и сварила из него суп. И, пока мы его ели, внезапно к нам нагрянули проверяющие с завода, где работала мама. Очевидно, кто-то увидел, как она прятала клейстер, и доложил об этом. Мама испугалась – за это

полагался расстрел. Но когда проверяющие увидели двух маленьких голодных детей, жадно уплетающих суп из клея, они сделали вид, что ничего не заметили. И ушли. Проверяющие люди нас пожалели, но больше мама не приносила ничего. Вскоре умерла бабушка, и мы – я и брат – остались с мамой.

БИТВА ЗА ЛЕНИНГРАД

В развернувшейся в 1944 году широкомасштабном наступлении Красной армии одной из важнейших была операция по разгрому немецко-фашистских войск под Ленинградом.

Блокада Ленинграда, вошедшая в историю как один из самых трагических и героических эпизодов Великой Отечественной войны, началась 8 сентября 1941 года, когда немецкие войска группы армий «Север» при поддержке финских и испанских сил замкнули кольцо вокруг города.

Единственным путем снабжения оставалось Ладожское озеро, которое в зимний период превращалось в «Дорогу жизни», по которой перевозили грузы и эвакуировали людей по льду. Однако и этот путь находился под постоянным обстрелом артиллерии и авиации противника. На долю ленинградцев выпали тяжелые испытания: голод, холод и постоянные бомбардировки унесли жизни более одного миллиона человек.

Перелом в ходе блокады произошел 12 января 1943 года, когда войскам Ленинградского и Волховского фронтов под командованием генералов Леонида Говорова и Кирилла Мерецкова удалось прорвать блокаду, создав узкий коридор шириной 8–10 километров, позволивший частично наладить снабжение города. Но освобождение Ленинграда было еще впереди.

Полное снятие блокады стало возможным только в январе 1944 года, благодаря успешному наступлению советских войск 14 января в ходе операции «Январский гром» – одного из этапов Ленинградско-Новгородской операции. И уже 27 января немецкие войска были окончательно отброшены от Ленинграда. Блокада, продолжавшаяся 872 дня, была снята. И вечером в честь этого события в Ленинграде прозвучал праздничный салют.

Маме нужно было ходить на завод, где она работала на станке, хотя являлась дипломированным специалистом в области химии. Мы, четырехлетние, оставались одни в большой коммунальной квартире. Все время хотелось есть, и мы все искали какой-либо еды. В один из дней мама пришла с работы и не узнала нас. Мы были с ног до головы в черной саже, так как от голода залезли в печку и съели из нее всю золу.

Пришло время, когда мы уже от голода не могли вставать. И тут

нам повезло: на маминой работе подошла очередь к эвакуации. На помощь маме выделили двух женщин, которые помогли собраться и повезли нас на санках к машине.

Машина была с закрытым верхом и вся нагружена людьми. Мы были последними, кто в нее влез. От людей шло тепло. Мы отогрелись

и находились в каком-то полубытьи. Не помню, как мы тронулись, но, когда оказались на замерзшем Ладожском озере, я пришла в себя от неестественной тишины. Люди боялись разговаривать, им казалось, что от этого машина свалится в воду, – мы уезжали в начале марта, когда уже лед был не такой надежный.

Не помню, сколько времени мы находились в таком состоянии, но вдруг кто-то воскликнул, что нужно остановиться и взять

Почтовый блок марок СССР 1944 года

со льда мокрых детей. Но оставаться было запрещено, так как машина могла провалиться, да и мест в ней не было. Я через дырочку видела этих мокрых замерзающих одиноких мальчишек, которым удалось выбраться из едущей впереди машины, ушедшей под лед. Не знаю, что с ними дальше случилось, но в моей памяти они сохранились до сих пор. Иногда они сняты мне по ночам...

От тишины и страха за жизнь мне казалось, что время шло очень медленно. Когда мы все же добрались до берега, незнакомые люди нас стали пересаживать

в «тепушки» – как тогда называли теплые вагоны поезда. Поскольку мы не ходили, нас определили на верхние полки. Очевидно, мы дошли до высшей стадии истощения, так как уже не хотелось ни есть, ни пить – только спать. Но спать не дала мама. Она достала воды и напоила нас. В руках у нее оказались ломтики черствого хлеба. По маленькому кусочку она засунула нам их в рот, и только тогда мы как бы пришли в сознание. То, что я увидела, заставило меня заплакать.

В дверях теплушки стоял военный с ружьем и отгонял людей, пришедших с хлебом, которые, узнав,

что здесь находятся вырвавшиеся из блокады ленинградцы, пришли к поезду с хлебом, картошкой и другой давно не виданной нами едой. Маленький кусочек был рассосан и проглочен. Захотелось еще. Я заплакала, видя хлеб и невозможность его достать. Только потом мне объяснили, что первые приехавшие из Ленинграда люди, увидев еду, набрасывались на нее и тут же умирали от заворота кишок. Тогда местные власти обратились к военным, и те выделили солдат для того, чтобы оградить голодных прибывающих из осажденного города людей...

Так мы оказались в Куйбышеве, где постепенно приходили в себя. Самым любимым блюдом были картофельные котлеты. Еще очень запомнился день, когда мы возвратились в Ленинград в 1944 году. Все было необычно: и пологая каменная лестница, по которой мы поднимались, и огромная комната с большими окнами. В окна я часто видела пленных немцев, которые проходили мимо нашего дома. Их выводили на работу по восстановлению разрушенных зданий...

Но ярче всего в памяти возникает замечательный салют в честь Победы. Это было настоящее всеобщее чувство восторга от свершившегося события. Потому и салют, проходивший над Невой, казался каким-то волшебством. Затаив дыхание мы считали каждый залп и любовались разноцветной россыпью огней. Тот салют навсегда остался одним из самых ярких и запоминающихся моментов.

Но потом наступила повседневная жизнь. У всех она протекала по-разному. Сегодня я понимаю, как искалечили война и блокада мое детство и юность. Я не знала, что такое мужчина в семье. Папу не помнила. Мама работала по специальности химиком-экономистом. Ее зарплата была небольшая. В моих воспоминаниях не сохранилось игрушек. Денег едва хватало только на еду...

Памятник детям блокадного Ленинграда. Скульптор Галина Додонова, архитектор Владимир Реппо. Санкт-Петербург. 2010

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ: ОСВОБОЖДЕНИЕ СССР

БИТВА ЗА ПРАВЫЙ БЕРЕГ

Днепровско-Карпатская стратегическая операция продолжалась с 24 декабря 1943-го по 17 апреля 1944 года

АНДРЕЙ БУРОВСКИЙ,
историк, писатель, доктор философских наук, профессор

В освобожденном украинском селе. 1944

В советской исторической науке Битва за Правобережную Украину занимала особое и почетное место. Днепровско-Карпатская стратегическая операция продолжалась почти четыре месяца: с 24 декабря 1943-го по 17 апреля 1944 года. В ней выделяют до восьми особых самостоятельных операций, и каждая из них выглядит как самостоятельная война.

Днепровско-Карпатская операция поражает масштабом: в ней участвовали войска пяти советских фронтов. Они

насчитывали 2086 тысяч солдат и офицеров, 31 530 орудий и минометов, 1908 танков и самоходно-артиллерийских установок, около 2370 боевых самолетов.

Историки частенько упрощают, говоря о войне «русских» с «немцами». В составе Красной армии были солдаты и офицеры более ста национальностей, в том числе немцы, венгры, румыны, поляки и уж, конечно, украинцы. Советским войскам, громадной миллионной армии, противостояли войска двух групп армий Третьего рейха,

Италии, Венгрии и Румынии: около 1,8 млн. человек, 2200 танков и штурмовых орудий, 21 820 орудий и минометов, 1560 боевых самолетов. В составе войск вермахта были добровольцы польского, украинского, датского, австрийского, французского происхождения.

Битву под Лейпцигом 16–19 октября 1813 года называли Битвой народов. Битва за Правобережную Украину заслуживает этой характеристики гораздо больше.

Это была битва знаменитых полководцев: войска Третьего рейха

вели генералы-фельдмаршалы Эрих фон Манштейн и Пауль фон Клейст. Сменивший их Вальтер Модель остановил советские войска под Тернополем.

Советскими военачальниками были Родион Яковлевич Малиновский и Иван Степанович Конев. Командующий 1-м Украинским фронтом Николай Федорович Ватутин в ходе операции погиб. И как погиб!..

29 февраля 1944 года Ватутин с близкими ему офицерами выехал на двух машинах в расположение 60-й армии. Маршрут был почти не известен, взвод охраны отправился по другой дороге. За несколько часов до появления машины командующего дорогу перехватил отряд Украинской повстанческой армии (УПА). Кстати, все группы украинских националистов часто именуют «бандеровцами», но многие из них к Степану Бандере не имели ни малейшего отношения.

Дорогу перехватил отряд из 80–100 человек, который перед этим уже расстрелял обоз с минами и грузовик.

Движение штабной группы без охраны по незнакомой дороге – фантастика. Не меньшая фантастика – вступление штабной группы в бой с многократно превосходящим по численности противником.

Пуля перебила Ватутина бедренную кость – сквозное ранение бедра. Началась газовая гангрена. В киевском госпитале Ватутин отказался от единственного шанса остаться в живых – от ампутации ноги. Есть сведения, что ногу все же ампутировали – уже у потерявшего сознание. Но спасать было поздно.

Для моего поколения (родившихся в пятидесятые-шестидесятые прошлого столетия) участники Днепровско-Карпатской операции – или немолодые папы, или дедушки. Ватутин моложе моего деда – дед родился в 1890 году,

Ватутин – в 1901-м. Старшие современники. Но эти люди думали и чувствовали совершенно иначе, чем мы. Невероятный риск, ранения и смерть были их повседневной реальностью.

История Николая Федоровича имеет неожиданное продолжение. В январе 1948 года на его могиле установили памятник: барельеф работы Е. В. Вучетича, высотой 8,55 метра с надписью на украинском: «Генералу Ватутину от украинского народа». Этот памятник демонтирован и разрушен в феврале 2023-го. Сносившие его тоже думали

и чувствовали совсем иначе, чем те, кто устанавливал этот памятник. По крайней мере, английские и французские кладбища в Крыму, времен Крымской войны, я видел собственными глазами. И кладбища советских воинов в Германии.

Битва за Правобережную Украину – последняя битва на территории СССР, оккупированной нацистами. В ходе этой операции наступали все шесть советских танковых войск. И вообще, стратегическая инициатива полностью была на стороне Красной армии. Германские войска почти не переходили в контрнаступление. Упорно бились венгерские части, но тем не менее отступали и сдавались.

Италия капитулировала еще 8 сентября 1943 года. Часть итальянцев отказалась перейти в войска Третьего рейха, и тогда нацисты просто сняли их с довольствия. Многие умерли от голода.

Маршал Советского Союза, Родион Яковлевич Малиновский

Итальянцы сдавались в плен «пачками». Но и в румынах что-то сломалось; румынские части бежали, оказывая слабое сопротивление.

Фронт протяженностью около 1400 километров продвинулся на запад от 250 до 450 километров. За неполные четыре месяца освободили важные экономические районы с населением в десятки миллионов человек.

5 марта – 17 апреля 1944 года войска 2-го Украинского фронта разгромили 8-ю армию вермахта.

Битва за Правобережную Украину – была одной из последних битв на территории СССР, оккупированной нацистами.

26 марта 1944 года советские войска вышли на государственную границу СССР и ступили на территорию Румынии.

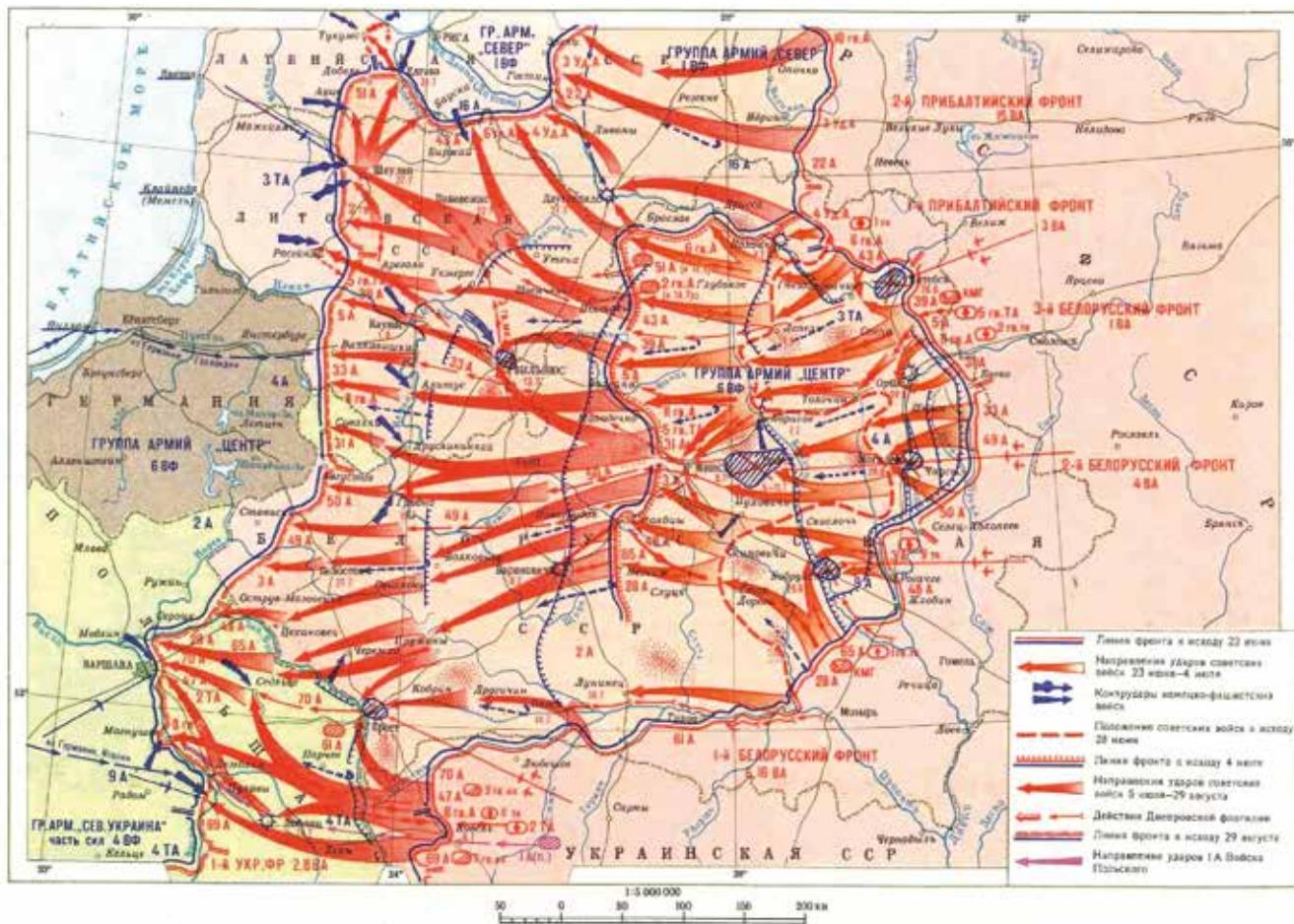
Создавались условия для освобождения всей Центральной и Юго-Восточной Европы.

ОПЕРАЦИЯ «БАГРАТИОН»: КАНУН ПОБЕДЫ

Исполнилось 80 лет со дня начала военно-стратегической операции «Багратион», ставшей прелюдией к завершению Великой Отечественной войны

СЕРГЕЙ РАЦ,

кандидат политических наук, доцент, член Союза писателей России

Белорусская наступательная операция 23 июня — 29 августа 1944 года

Операция «Багратион», приблизившая долгожданную Победу, была названа в честь героя Отечественной войны 1812 года князя Петра Багратиона, прославившегося острым умом стратега и решительными действиями.

Фронт операции, в которой приняли участие свыше двух миллионов военнослужащих Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) в составе четырех фронтов, составлял 1100 километров. Операция «Багратион» явилась апофеозом стратегического мышления

Генерального штаба Красной армии: нацистской Германии был нанесен серьезный урон, после которого вермахт не смог оправиться.

Согласно основной идее Генерального штаба РККА, войска четырех фронтов-участников должны были полностью уничтожить

группу армий вермахта «Центр». Это была поистине масштабная задача, не имевшая в истории современных войн аналогов.

В операции «Багратион» приняли участие выдающиеся военачальники Великой Отечественной войны: командующий 1-м Белорусским фронтом К. К. Рокоссовский, командующий 2-м Белорусским фронтом Г. Ф. Захаров, командующий 3-м Белорусским фронтом И. Д. Черняховский, командующий 1-м Прибалтийским фронтом И. Х. Баграмян.

Советским войскам на данном участке фронта противостояла группа армий «Центр», в которую входили 4-я и 9-я полевые армии и 2-я и 3-я танковые армии общей численностью около одного миллиона человек.

Командующий 1-м Белорусским фронтом К. К. Рокоссовский предложил нанести двойной удар в сторону Бобруйска и Слуцка. Оба удара должны были стать основными, что расходилось с концепцией наступления РККА. Рокоссовскому пришлось упорно доказывать эту идею во время нескольких совещаний в Ставке Верховного главнокомандования.

Из воспоминаний Рокоссовского: «Мне дважды было предложено товарищем Сталиным выйти в соседнюю комнату и еще раз обдумать мое предложение. В конце концов Сталин сказал: «Настойчивость командующего фронтом доказывает, что операция подготовлена тщательно, а это залог успеха». В результате идея Рокоссовского была положена в основу разработки Генеральным штабом Красной армии операции «Багратион».

По данным историка А. В. Исаева, в Ставке шла достаточно жесткая дискуссия о направлении главного удара. Возобладала наиболее рациональная точка зрения Рокоссовского. По воспоминаниям маршала И. Х. Баграмяна, ее поддержал

Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский

заместитель начальника Генерального штаба РККА генерал А. И. Антонов, который также настаивал на том, чтобы нанести главный удар по частям вермахта, находящимся на территории Белоруссии. Эта точка зрения расходилась с мнением Сталина, который настаивал на южном направлении главного удара. Окончательно был принят план, разработанный генералом Антоновым: нанести главный удар по частям вермахта на территории Белоруссии.

Операция «Багратион» велась с 23 июня 1944 года по 29 августа 1944 года на территории Белоруссии на Восточном фронте Второй мировой войны. С этого момента нацистской Германии пришлось активно сражаться на двух фронтах, так как 6 июня уже была начата операция «Оверлорд» по высадке войск западных союзников в Нормандии.

За период проведения операции «Багратион» Красная армия уничтожила 28 из 34 дивизий группы армий «Центр» и полностью разрушила линию фронта Германии. Это был крупнейший разгром нацистских войск за весь период Второй мировой войны. Германия потеряла 450 тысяч солдат и офицеров и 300 тысяч военнослужащих оказались в Курляндском котле. К 28 июня немецкая 4-я армия была уничтожена вместе с большей частью 3-й танковой и 9-й армий. Это эффективное наступление позволило окружить немецкие формирования в окрестностях Минска и уничтожить их.

4 июля столица Белоруссии город Минск был освобожден. Уничтожив ядро группы армий «Центр», Красная армия продолжила наступление на Литву, Польшу, Румынию, создав угрозу наступления на Берлин.

Высадка войск западных союзников по антигитлеровской коалиции в Нормандии. 6 июня – 25 августа 1944 года

К лету 1944 года стратегическая разведка нацистской Германии не располагала данными о возможном наступлении Красной армии. За три дня до его начала командующий группой армий «Центр» Эрнст Буш даже уехал в отпуск в свое имение.

Главное управление контрразведки «Смерш» Народного Комиссариата Обороны (НКО) участвовало через агентуру в радиоиграх, массово передавало дезинформацию руководству вермахта о «стратегических планах РККА на период летней кампании 1944 года», что надежно скрывало истинные намерения Верховного главнокомандования СССР.

В этой связи Верховное командование сухопутных войск Германии (ОКХ) сделало ошибочный вывод: южное направление станет главным плацдармом летнего наступления

1944 года. Несмотря на то, что армейская разведка группы армий «Центр» давала информацию о значительной концентрации сил противника, стратегический резерв Красной армии на данном участке не был выявлен.

Генерал-фельдмаршал Вальтер Модель убедил Гитлера в целесообразности переброски значительных сил на южное направление. В результате командование вермахта перебросило из группы армий «Центр» треть противотанковой артиллерии и 88% танков на юг, оставив ей всего 580 танков и самоходных артиллерийских установок. Немецкие рубежи были ослаблены настолько, что на один километр фронта приходилось 143 солдата. В результате наступления советских войск на Ковель командование группы армий «Центр» было вынуждено

отправить часть своих сил для укрепления правого фланга. Это означало, что группа армий фактически лишилась более 100 тысяч человек личного состава, 552 танков, штурмовых орудий, самоходных установок.

Советская разведка от агентурной группы «Кембриджская пятерка» и от резидента военной разведки РККА в Швейцарии Шандора Радо получила упреждающую информацию о стратегических замыслах противника, что дало военному руководству СССР дополнительный аргумент и, в конечном счете, позволило правильно выбрать направление главного удара.

Кроме стратегической разведки информацию о противнике добывала армейская разведка. Так, группами военной разведки 1-го Белорусского фронта было захвачено 80 «языков». Воздушная разведка

1-го Прибалтийского фронта засекала 1100 различных огневых точек, 300 артиллерийских батарей, 600 блиндажей. Благодаря военным разведчикам были подробно изучены силы и позиции подразделений вермахта.

Штаб партизанского движения при Ставке Верховного главнокомандования перед началом операции «Багратион» разработал и осуществил на территории Белоруссии удары по коммуникациям противника, начиная с 19 июня 1944 года, что в значительной степени тормозило переброску свежих частей в зону боевых действий вермахта. Способствовала этому и начатая еще в июле 1943 года операция «Рельсовая война», одним из разработчиков которой был полковник военной разведки Генерального штаба Красной армии И. Г. Ставинов.

Верховное главнокомандование СССР сосредоточило для проведения операции «Багратион» 1 670 300 военнослужащих, около 32 718 артиллерийских орудий и минометов, 5818 танков, 7799 самолетов.

Резерв Красной армии к июню 1944 года составил: танковая армия, 36 стрелковых и кавалерийских дивизий, 16 танковых и механизированных корпусов, 11 артиллерийских дивизий.

Группа армий «Центр» на данном участке имела 849 тысяч личного и вспомогательного персонала. В ее распоряжении было 3236 орудий, 495 танков, 40 самолетов. В составе частей вермахта находились также подразделения коллаборационистов, например полиция безопасности Литвы.

К началу операции «Багратион» СССР имел перевес в танках в 23 раза, в артиллерии в 9,4 раза, в авиации в 19 раз.

В своем конфиденциальном письме Сталин сообщил Уинстону Черчиллю, что наступление советских

войск начнется во второй половине июня 1944 года на одном из важных участков фронта. Даже союзнику по антигитлеровской коалиции Верховный главнокомандующий не сообщил точной даты и участка для нанесения удара, боясь перехвата информации противником.

Подготовка «Багратиона» шла в условиях полной секретности: все переговоры, касающиеся операции, даже в зашифрованном виде были категорически запрещены. Вдоль фронта постоянно барражировали группы самолетов советских Военно-воздушных сил с офицерами Генштаба, которые визуальным образом выявляли возможную расшифровку мероприятий по подготовке удара. В случае обнаружения нарушения условий маскировки, командирам частей немедленно предписывалось их устранять.

Был также установлен режим радиомолчания, переброска войск и перегруппировка велись исключительно в ночное время. Машины передвигались с потушенными фарами. Для ориентировки была разработана специальная система знаков.

За два дня до начала наступления саперами было снято в условиях повышенной маскировки 34 тысячи мин для открытия проходов частям РККА. Были присланы танки-тракторы, имеющие специальные саперные катки для прокладывания проходов через минные поля неприятеля.

В войсках проводились тренировки личного состава по отработке взаимодействия пехоты с артиллерией и танками, форсированию водных преград и преодолению болотистых мест.

Отработка тактических действий велась в условиях, приближенных к боевым с применением оружия. При танковых частях находились артиллерийские корректировщики и офицеры военно-воздушных сил для улучшения взаимодействия.

Подготовка к операции велась самым тщательным образом. Принятые меры зашифровки и маскировки позволили скрыть от противника гигантскую по масштабам операцию. К ее началу в Белоруссию было доставлено: 300 тыс. тонн горючего, 400 тыс. снарядов, 600 тыс. тонн продовольствия. Для этой цели фронтам ежедневно подавалось до ста составов.

Операцию планировали начать 19 июня 1944 года, однако она была перенесена на 23 июня, поскольку не удалось в срок доставить железнодорожным транспортом нужный объем боекомплекта.

Велика была роль советской авиации, которая на протяжении всего периода боев имела полное господство в воздухе, нанося удары как по тяжелой артиллерии, так и по войскам первого эшелона. Именно авиация разгромила немецкую артиллерию, тем самым подорвав основу немецкой обороны. Широко применялись эскадрильи ИЛ-2, наносившие сокрушительные удары по гаубичным батареям противника.

Как считают историки, вермахт понес тяжелейшие потери в том числе и оттого, что Гитлер многократно запрещал отступать своим войскам, вопреки мнению его генералов.

Операция «Багратион» позволила за короткий срок частям Красной армии выйти на окраины Варшавы, дать импульс для антинацистского вооруженного восстания, контролировать значительную часть территории Польши восточнее реки Висла.

В ходе обширного наступления были освобождены территории Белоруссии и восточной Польши, часть Прибалтики и полностью разгромлена группа армий «Центр».

В целом на фронте в 1100 километров советскими войсками было достигнуто продвижение вглубь до 600 километров. В Польше были

Маршал Советского Союза Иван Христофорович Баграмян

захвачены Магнушевский и Пулавский плацдармы на левом берегу Вислы, откуда в январе 1945 года началось наступление 1-го Белорусского фронта.

«Стальной вал» Красной армии уже невозможно было остановить.

Только за неделю боев под Витебском в плен было взято 17 тысяч военнослужащих. На четвертый день наступления под Бобруйском была уничтожена 9-я армия противника и было взято в плен 20 тысяч военнослужащих. На переправе

через реку Березина были уничтожены тысячи солдат вермахта. Отступающие колонны подвергались беспрестанным атакам с воздуха. События лета 1944 года в Белоруссии напоминали ситуацию июня 1941 года. Только теперь Красная армия гнала врага с советской земли. К концу первой недели боев 5-я гвардейская танковая армия П. А. Ротмистрова встретила с группировкой немецких танков, переброшенных с Украины, в том числе с батальоном «тигров». За два дня встречного

ожесточенного боя советские танкисты понесли большие потери, однако у противника из 159 танков осталось только 18 машин. Исход боев под Минском был предрешен. В образовавшемся котле погибли десятки тысяч солдат и офицеров вермахта из числа остатков трех немецких армий. В плен под Минском попало 35 тысяч солдат и офицеров, в том числе 12 генералов. Всего было уничтожено за две недели боев 7 корпусов из 9, 17 дивизий, 3 бригады. Безвозвратные потери вермахта в Белоруссии составили 409 тысяч человек, 150 тысяч военнослужащих попали в плен.

Операция «Багратион» стала крупнейшей в нескончаемой череде ударов по силам противника в период Великой Отечественной войны. Она поглотила немецкие резервы, ограничив возможности противника отбивать атаки Красной армии как на Восточном, так и на Западном фронтах. Дивизия «Герман Геринг», например, была переброшена из Италии на Вислу, «Великая Германия» была переброшена под Шауляй с Днестра и была лишена возможности участвовать в отражении удара Яссо-Кишиневской операции.

Потери с обеих сторон были огромные. Потери Красной армии достаточно точно известны и составляют 178 507 погибшими, пропавшими без вести и пленными, а также 587 308 ранеными.

Российский историк А. В. Исаев оценивает потери вермахта примерно в 500 тысяч человек. Пропавших без вести и попавших в плен – 399 102 человек.

По официальным данным, опубликованным Совинформбюро, потери немецких войск с 23 июня по 23 июля 1944 года оценивались в 381 тысячу убитыми и 158 480 пленными.

Высшее командование рейхсвера во главе с Гитлером испытало шок, узнав о потерях вермахта:

7 генералов погибло, 21 взят в плен, один пропал без вести, двое застрелились. Фактически группа армий «Центр» за два месяца боев прекратила свое существование.

По мнению Исаева, наиболее эффективно в рамках операции «Багратион» проявил себя 1-й Белорусский фронт под командованием Рокоссовского: «Во-первых, в окружении Бобруйска, во-вторых, в развитии второго этапа операции с выходом к Висле и Варшаве. 1-й Белорусский на огромном пространстве, в том числе на очень сложной местности, сумел разгромить противника, выйти к Минску, форсировать такие крупные водные преграды, как Висла и Буг, и захватить плацдармы на Висле».

В дальнейшем Константин Рокоссовский стал маршалом двух стран: СССР и Польши, кавалером ордена Победы, дважды Героем Советского Союза.

Весомую лепту в реализацию плана «Багратион» внес И. Д. Черняховский, командующий 3-м Белорусским фронтом, который благодаря блестящим качествам военачальника сумел прорвать оборону немцев в районе Орши и выйти в Восточную Пруссию. Части под его командованием сделали то, что не удавалось многим командирам. К сожалению, Черняховский, дважды герой Советского Союза, погиб 18 февраля 1945 года в возрасте 38 лет.

Велика заслуга командующего 1-м Прибалтийским фронтом маршала Баграмяна, дважды Героя Советского Союза.

Свою весомую лепту в успех операции «Багратион» внес командующий 5-й танковой армией, герой Советского Союза П. А. Ротмистров, ставший после Победы главным маршалом бронетанковых войск СССР.

Как наиболее эффективного военачальника операции «Багратион» следует назвать дважды Героя

В освобожденном Минске

Советского Союза генерала Ази Асланова, командира гвардейской танковой бригады. В первые дни операции «Багратион», когда части Красной армии еще находились в тактической глубине немецкой обороны, его бригада взяла в плен 150 немцев, а убитыми потеряла всего двух человек. Асланов работал и применил новаторскую тактику наступления.

Для того чтобы снять любое сомнение в западных кругах о масштабах поражения вермахта, партийно-советское руководство приняло решение провести демонстрацию 57 600 военнопленных, которых под конвоем провели по центральным улицам Москвы при стечении граждан столицы и представителей военных делегаций западных стран. Около трех часов колонна военнопленных шла по улицам Москвы. Это были военнослужащие вермахта, взятые в плен под Минском. За последней шеренгой пленных немцев двигались уборочные машины, омывая мостовые после марша «сверхлюдей».

Пропагандистская акция получила условное название «Большой вальс».

На сайте «Памяти народа» имеются документальные отчеты о результатах боев, которые часто авторы писали в повествовательной форме. Достаточно откровенно в сборнике воспоминаний «Освобождение Белоруссии» авторы делятся воспоминаниями об участии в операции «Багратион». В монографии «Великая Отечественная война» операции «Багратион» посвящена глава. В ней, в частности, говорится, что стратегическая операция «Багратион» явилась логическим продолжением таких успешных и масштабных операций, как битва за Москву, Сталинградская, Курская битвы, в которых ярко проявился талант таких народных полководцев, как Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев, К. Е. Ворошилов, К. А. Мерецков, А. М. Василевский, Р. Я. Малиновский, И. Х. Баграмян, Н. Н. Воронов, П. А. Ротмистров.

Интересно, что в западном кинематографе нет ни одного фильма, связанного со столь результативной операцией, ставшей прелюдией к завершению Великой Отечественной войны.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ: ОСВОБОЖДЕНИЕ СССР

ОТКРЫТИЕ ВТОРОГО ФРОНТА: ОПЕРАЦИЯ «ОВЕРЛОРД»

До Нормандской операции основная тяжесть войны с нацистской Германией лежала на плечах СССР

КАРИНА ЭНФЕНДЖЯН

Разгром немецких войск под Сталинградом и Курском радикально изменил стратегический баланс сил во Второй мировой войне: становилось все более ясно, что Советский Союз может одержать победу над гитлеровской Германией в одиночку, а этого США и Великобритания допустить никак не могли.

Кроме того, в результате героической борьбы советского народа с немецкими захватчиками международный авторитет СССР неизмеримо вырос, и вместе с этим в мире все большую популярность начали приобретать левые и коммунистические идеи. Открытие второго фронта стало для западных союзников по антигитлеровской коалиции острой необходимостью.

Переговоры между лидерами государств-союзников по вопросу открытия второго фронта начались еще в 1941 году. Более того, проведение этой операции планировалось уже в мае 1943 года, однако союзники решили перенести ее на 1944 год, несмотря на крайнее недовольство советского правительства.

До Нормандской операции основная тяжесть войны с нацистской Германией лежала на плечах Советского Союза. С самого начала Великой Отечественной СССР настаивал на необходимости открытия второго фронта в Западной Европе, чтобы облегчить

положение Красной армии, которая вела на Восточном фронте ожесточенные бои против лучших сил вермахта. И конечно, у советского руководства были опасения, что западные союзники будут выжидать, пока СССР исчерпает свои ресурсы, сражаясь в одиночку с Германией.

Между тем Великобритания и США оттягивали проведение Нормандской операции, не веря в ее успешность и считая, что Германия была еще слишком сильной. К 1942 году военно-промышленный потенциал вермахта был на самом пике, немецкие войска контролировали большую часть Западной Европы. Уинстон Черчилль, в частности, полагал, что сначала следует ослабить силы «оси», в том числе в Северной Африке и на Средиземноморье. Премьер-министр Великобритании даже выехал в СССР (кстати, впервые) и в ходе Второй Московской конференции стран антигитлеровской коалиции, проходившей с 12 по 17 августа 1942 года, лично сообщил Сталину о том, что второй фронт пока не будет открыт.

Интересно, что по завершении конференции Черчилль отправил своему заместителю Клементу Эттли следующее сообщение: «В целом, я определенно воодушевлен своим визитом в Москву. Уверен, что если бы разочаровывающая

новость, сообщенная мною лично, была бы передана любым другим образом, то это привело бы к очень серьезному охлаждению наших отношений».

Высадка союзников в Нормандии – операция «Оверлорд» (от англ. *overlord* «повелитель, владыка») – была осуществлена лишь 6 июня 1944 года. Она повлекла за собой серьезные стратегические изменения в планах немецкого командования, вынудив Германию перебросить значительное количество войск, техники и авиации с Восточного фронта на Западный для противостояния наступлению союзников.

Эта перегруппировка сильно ослабила немецкие оборонительные возможности на Восточном фронте, что позволило Красной армии ускорить свое наступление, в том числе во время крупных операций, таких как операция «Багратион» в Белоруссии летом 1944 года, которая совпала с открытием второго фронта и оказалась одной из самых успешных наступательных операций Советского Союза в Великой Отечественной войне.

Высадка союзников в Нормандии и их последующие действия по освобождению Франции значительно ускорили окончание войны в Европе. Германия оказалась в двухстороннем окружении советских и англо-американских войск.

Согласованность действий Восточного и Западного фронтов поставила Германию в безвыходное положение: пока вермахт был сосредоточен на отражении советских широкомасштабных наступлений летом 1944 года, союзные войска на Западе развивали успешное продвижение в Нормандии. Эта двусторонняя координация способствовала быстрому и окончательному разгрому нацистской Германии.

Операция «Оверлорд» оказала колоссальное влияние на ход Второй мировой войны, в том числе и на борьбу СССР с Германией. Она ускорила крах Третьего рейха, ослабила немецкие силы на Восточном фронте и сыграла важную роль в окончательной победе союзников. Открытие второго фронта имело также важные политические последствия, став первым шагом на пути установления послевоенного миропорядка, в котором Советский Союз сыграл одну из ключевых ролей. Готовность западных

Плакат времен Второй мировой войны: британские союзники приветствуют героических воинов Советского Союза

союзников разделить бремя войны на время ослабила политическую напряженность между Советским Союзом, США и Великобританией, несмотря на их идеологические разногласия.

Германия была оккупирована и разделена на зоны влияния, что позже стало основой для разделения Европы на социалистический Восток и капиталистический Запад во время так называемой холодной войны.

ГОЛОСА ПИСАТЕЛЕЙ-ФРОНТОВИКОВ

На 2024 год пришились 100-летние юбилеи многих писателей, чьи судьбы переплелись с войной

В своем творчестве писатели-фронтовики стремились осмыслить собственный опыт Великой Отечественной войны, показать ее максимально правдиво, без излишнего приукрашивания и пафоса, передать не только ее героизм, но и жестокость и трагизм через судьбы простых людей.

С любезного позволения редакции «Литературной газеты» представляем вниманию читателей фрагменты статей, посвященных 100-летию писателей, прошедших войну.

Борис Васильев

Так, как писал Борис Васильев (1924–2013), теперь уже не пишет никто. И дело здесь не в каком-то его особом стилистическом умении. Пожалуй, и о стиле как о чем-то отдельном в творческом облике писателя говорить не имеет смысла. Просто он выбирал слова для выражения того, что считал необходимым донести до других. Думаю, что главное внутреннее правило, которому следовал Васильев, заключалось в том, чтобы избежать лишнего, того, что может помешать читателю дойти до сути, даже если это лишнее красиво или по крайней мере словесно занимательно.

Внешняя красота – не задача литературы, по Борису Васильеву. Цель текста – создание на живых примерах системы нравственных ориентиров. Именно поэтому подлинный отклик в сердцах читающей публики он нашел тогда, когда в обществе, уставшем от культа силы и собранности, без которого нельзя было перенести тяготы войны и послевоенного восстановления, появилась острая нужда в другой системе ценностей. И Васильев, терпеливо ждавший того, чтоб

на жизнь текстами для КВН, для киножурналов. Но так было. А его первая пьеса «Танкисты», из которой впоследствии вырос сценарий знаменитого фильма «Офицеры», была запрещена советской военной цензурой. Но он не сдавался. Он, кадровый офицер, фронтовик, знал, что, свернув с выбранного пути, никогда не дойдешь до конца. А литературная судьба – это путь до конца. Иначе никак...

«А зори здесь тихие...» В чем секрет успеха этой повести? Я позволю себе предположить, что всех потрясло в ней. Автор, возможно, впервые в советской литературе были показаны на войне не супергерои, а простые, слабые, не очень умелые с военной точки зрения девушки с полным набором женских слабостей, немного даже беззащитные. Но они яростно и самозабвенно противостоят фашистам и, хоть и погибают все до единой, остаются непобежденными. Война Бориса Васильева – это не война эпическая и не война «лейтенантской прозы». Это война простых людей, оказавшихся в невыносимых обстоятельствах, но нашедших в себе ресурс справиться со своими страхами, со своим

его слышали, по крупницам собирал из себя писателя, строил себя сам, поскольку, не выстроив себя, невозможно показать это другим. Этого, кстати, не понимали многие советские либералы, что послужило одной из главных причин их духовного краха.

Сейчас сложно представить, что Борис Васильев зарабатывал себе

и самозабвенно противостоят фашистам и, хоть и погибают все до единой, остаются непобежденными. Война Бориса Васильева – это не война эпическая и не война «лейтенантской прозы». Это война простых людей, оказавшихся в невыносимых обстоятельствах, но нашедших в себе ресурс справиться со своими страхами, со своим

малодушием и остаться верным воинскому и человеческому долгу, но при этом выкорчевать из души ростки перманентной ненависти.

Эта же художественная линия продолжилась и в книге «В списках не значился», своеобразной кодой которой является эпизод, когда главный герой, лейтенант Плужников, не стреляет в безоружного немца, зная, что, уйдя, он наверняка выдаст места его схрона.

И в той, и в другой повести нет так психологически оправданного, но нереалистичного хеппи-энда. Это, кстати, тоже одно из неслыхаемых и неоспоримых убеждений Бориса Васильева. Сюжет должен развиваться не по законам литературы, не по законам читательских потребностей, а только согласуясь с правдой. Известно, что литературное начальство очень просило его оставить в живых хотя бы одну девушку из «А зори здесь тихие», но он отстоял свой замысел. Победа не в том, чтоб выжить. Победа в том, чтобы не сдать. Такой трагизм не фатален. И в нем, как это ни парадоксально, звучит куда больше надежды, чем в искусственно оптимистических финалах.

Эту же задачу он ставил в одном из лучших и самых щемящих своих произведений – «Завтра была война». Помню, как, будучи в возрасте васильевских героев, я смотрел в театре им. Маяковского спектакль по этой повести. Это был 1988 год. Общество кипело и еще не чуяло, чем пахнет его пар. Вспоминаю, как выступали слезы на глазах и кулаки сжимались от несправедливости.

Борис Васильев жил с убежденностью: искусство – мощнейший фактор в борьбе с ложью. Его воздействие сильнее любых деклараций. С его помощью можно сопротивляться злу не менее результативно, чем с помощью оружия.

Максим Замшев,
писатель, публицист, главный редактор «Литературной газеты»

Юрий Бондарев

Юрий Бондарев (1924–2020) как один из представителей «лейтенантской прозы» состоялся в годы хрущевской оттепели, находясь в одной шеренге с Григорием Баклановым, Константином Воробьевым, Василем Быковым, Виктором Курочкиным. Ему, как и другим писателям-фронтовикам, удалось вплавить вечную тему взросления в жестокие будни войны, вплести в суровый канат прозы цвета хаки светлые нити юношеских мечтаний о любви, правде, смысле жизни и справедливости, взвесить личность юного героя на весах жизни и смерти. В повестях «Юность командиров», «Последние залпы», «Горячий снег» Бондарев проявил себя как настоящий художник, способный задеть неизменно откликающиеся на то, что можно назвать военной романтикой, струны в душе читателя. Молодые офицеры Виктора Некрасова, Юрия Бондарева, Григория Бакланова, Владимира Богомолова стали едва ли не самыми чистыми и искренними, не заляпанными идеологией и прочими издержками соцреализма героями в русской советской

прозе. Их родила жестокая, но своя (ее не выбирают) мать-война. Этой правды и этой матери у Юрия Бондарева – офицера, фронтовика, героя (две медали «За отвагу») – никто не отнимет...

Когда Бондареву на дачу звонили вечером, жена часто отвечала, что он вышел из дома «посмотреть на звезды». Отойдя от литературной суеты, писатель обрел гармонию в малом. И умер в библейском (96 лет) возрасте.

Юрий Козлов,
писатель, публицист

Юлия Друнина

При воспоминании о Юлии Друниной (1924–1991) первое, что крупно и рельефно выступает из памяти, – это ее характер. Энергия готовности к немедленному действию, поступку, что вообще характерно для фронтового поколения. Как сказано в ее стихотворении: «Точка отсчета – солдатская дружба».

Творчество Друниной можно без преувеличения назвать поэзией человеческого достоинства. В ее

стихах нет зазора между автором и лирическим героем, между лирическим признанием и реальной жизнью. И тогда стихи становятся по-ступком. Перечитаем знаменитое, навсегда вписанное в русскую поэзию четверостишие Ю. Друниной:

*Я только раз видала рукопашный.
Раз – наяву. И сотни раз – во сне...
Кто говорит, что на войне
не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

1943 г.

Здесь все – правда, все – о себе. Даже дата под стихотворением – 1943 год – есть факт не только биографии, но и поэзии.

Друнина всегда знала, чего хотела. При всей романтичности характера, так естественно совпавшего с энтузиазмом ее ровесников, еще в 30-е годы собиравшихся сбежать в Испанию, чтобы там бороться с фашизмом, она не совершала небудуманных шагов. Ее порыв непременно соотносился с точным осознанием намеченной цели. Приняв решение, она уже не отступала. Так, московская школьница, выросшая в интеллигентной учительской семье, она, отринув все уговоры (и слезы) родителей, ушла в 1942 году из десятого класса на фронт. Ушла в самое пекло войны, в самый беспокойный род войск – в пехоту:

*... Школьным вечером,
Хмурым летом,
Бросив книги и карандаш,
Встала девочка с парты этой
И шагнула в сырой блиндаж.*

Ей предстояло пройти огненные версты батальонным санинструктором, санинструктором в самоходном полку... Будут два тяжелых ранения. В первый раз осколок прошел в двух миллиметрах от сонной артерии. Еще бы миг – и все могло окончиться фанерной звездой

над затерявшимся на полях сражений обелиском. Но после санбатов эта тоненькая девочка с глазами кинозвезды, так похожая на Любовь Орлову, вновь ушла добровольцем на фронт.

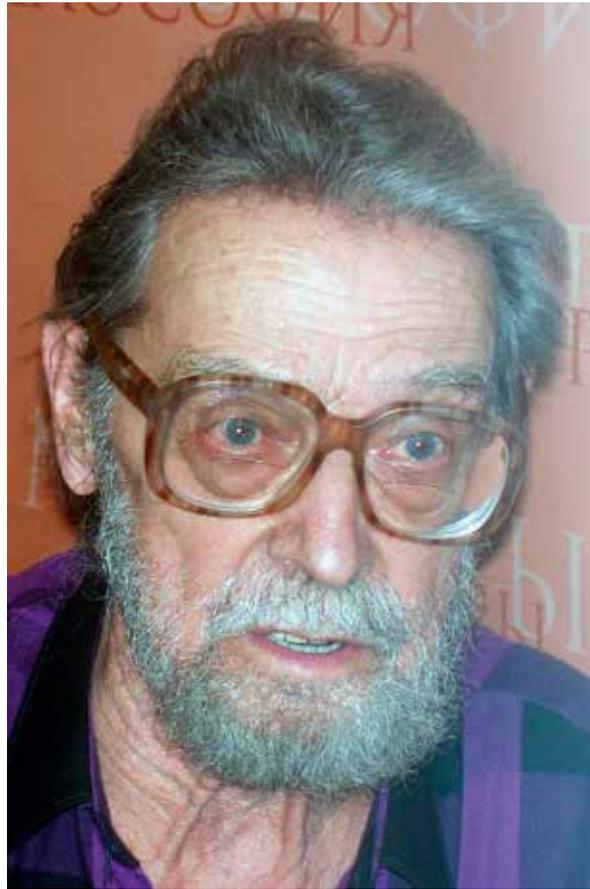
Юлия Друнина была награждена ни много ни мало орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Фронтовики знают, каков вес этих двух наград на войне, не каждый мужчина удостоивался таких наград. Лишь после второго ранения, в конце 1944 года, Друнину окончательно демобилизовали. Хотя демобилизованной из солдатской юности она никогда себя не считала. Как невозможно уйти в запас из личной судьбы: *Я порою себя ощущаю связанной // Между теми, кто жив // И кто отнят войной...*

Геннадий Красников,
поэт, публицист

Владимир Бушин

Кто-то Бушина любил, кто-то ненавидел, но побаивались и те и другие, стать объектом его критики было страшновато. Владимир Сергеевич яростно восстанавливал справедливость, боролся с фальсификацией истории СССР, в выражениях не стеснялся. Умер в 95, во сне. Говорят, так уходят праведники.

Владимир Бушин (1924–2019) окончил школу в 1941-м, прошел почти всю войну, завершив боевой путь в Маньчжурии. В Литинститут поступил в 1946-м, его сокурсники – Юлия

Друнина, Эдуард Асадов, Григорий Бакланов, Юрий Бондарев, Евгений Винокуров, Григорий Поженян, Владимир Солоухин... В ВКП(б) вступил на фронте, остался до конца верен партии.

В 2019-м мы говорили с Владимиром Сергеевичем по телефону незадолго до 9 Мая. Он получил приглашение на Парад Победы и, отпустив пару колкостей о задрапированном Мавзолее, сообщил, что пойдет на Красную площадь со знаменем СССР. Это была его традиция идти с красным знаменем, в верхнем левом углу которого серп и молот: «Это мое знамя, никакого другого для меня не существует».

Лично познакомиться с Бушиным довелось в 2013-м, Владимиру Сергеевичу было 89. Пришел к нему домой, чтобы взять интервью, но первый вопрос, прямо на пороге, адресовался интервьюируемому:

– А зачем вы, собственно, пришли? Можно ведь было по электронной почте обменяться вопросами-ответами?

– А вы пользуетесь компьютером?

– Естественно, – ответил Бушин сухо.

С тех пор мы в основном и общались по электронной почте, можно сказать, приятельствовали, иногда он хвалил за какую-то статью, иногда ругал. Не без ехидства, но в общем-то доброжелательно. Четко, в нужном объеме и оговоренные сроки Бушин писал по заказу редакции – о Симонове, Друниной, Годенко... Легко соглашался на сокращения – сам немало проработал редактором и на собственном опыте знал, что больше всех правке сопротивляются графоманы.

А на первом, очном интервью он поразил блестящей реакцией и феноменальной памятью. Сидел под книжными стеллажами, а когда цитировал кого-то по памяти, указывал ладонью куда-то в сторону книжных рядов – как будто подключался к первоисточникам телепатически.

Доставалось от Владимира Сергеевича всем, и живущим, и почившим, вне зависимости от лагеря, мировоззрения.

Мишенью хлесткой, остроумной критики Бушина становились либералы, консерваторы, коммунисты, почвенники. Он стал одним из самых ярких публицистов, отстаивающих идею несправедливости развала СССР.

Олег Пужнавцев,
журналист

Николай Панченко

Земляк знаменитых К. Циолковского, А. Чижевского, П. Филонова, уроженец Калуги, Николай Панченко (1924–2005) в 18 лет ушел на фронт. Служил в пехоте, затем, будучи младшим авиаспециалистом,

обслуживал аэродромы в составе 242-го авиаполка 321-й авиадивизии на Воронежском, 1-м и 4-м Украинских фронтах. Был дважды контужен и тяжело ранен. На фронте вступил в партию. Биография как у большинства его ровесников. Разве что при всей его внешней фактурности – рослого молодца-красавца (словно монументальный Александр Невский с картин Павла Корина) – в нем и в его стихах меньше советской романтики. Хотя с оглядкой на прошлое поэт все-таки внесет в свой словарь несколько возвышенный слог:

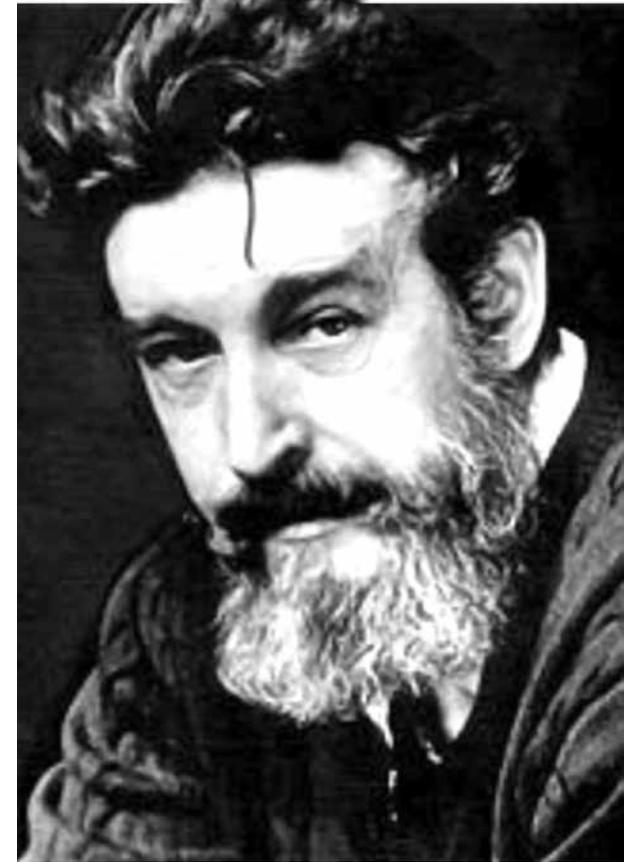
*«Шли безусые рыцари // сквозь дожди
и снега // и с открытой позиции //
разбивали врага».*

Свойственная русской философии антиномичность, вечное «грешу – каюсь» (по Флоренскому: истина всегда антиномична) – характерная черта многих стихов Панченко (да и всей его жизни). Вот стихотворение, состоящее из одних противоречий:

*Я в детстве любил воевать –
А в юности был невоинственный:
Мне слышался голос таинственный.
Он мне не велел воевать.*

*Но юность пришлась на войну.
И я воевал – что подделаешь? –
И я убивал – что подделаешь? –
Как гвозди в песок забивал.*

Откуда вдруг этот «голос таинственный»?.. Не тот ли это

удерживающий голос, который когда-то слышал Сократ? Не он ли продиктует поэту одно из самых знаменитых его стихотворений – «Балладу о расстрелянном сердце» (1944), единственное в своем роде во всей военной поэзии? Словно исповедуясь, поэт признается, говоря о врагах и о себе:

*На них кресты
и тень Христа,
на мне – ни Бога, ни креста:
– Убей его! –
И убиваю,
хожу, подковами звеня.
Я знаю: сердцем убиваю.
Нет вовсе сердца у меня.*

Не об этой ли неизбежной цене войны предупреждает «таинственный голос»?

На исходе жизни, в пору разочарований иными прошлыми

идеалами, в годы поиска и обретения новых, теперь уже вечных духовных опор и смыслов, душа все чаще просила сокровенных слов: «Утишишь мою, Господи, злобу, / Она не бывает права».

Тема войны становилась все трагичнее. В стихотворении с символическим названием «Родине» Панченко, не любивший высоких слов, униженный так называемыми святыми девяностыми, по праву старого солдата задается вопросом о том, какое будущее и какая страна останутся детям и внукам:

*Я был с тобою и – тобой! –
Опорной твердью голубой,
Что вдруг опоры
не находит ...*

*Ужель из памяти уходит
Последний бой,
Как первый бой?*

*Мы не дали тебя убить –
Сердце беспримесная плавка.
А кто не даст тебя пропить,
Проспать,
Продать из-под прилавка?!*

В стихотворении «Молитва» он напишет:

*Не пророк, не иудей,
Не работал под мессию.
Господи!
Спаси людей
И особенно Россию ...*

Когда я в последний раз позвонил поэту, чтобы поблагодарить за присланные книги и стихи для военной антологии к 65-летию Победы, мне ответили, что Николая Васильевича нет дома: «Он ушел кормить птиц...» Вскоре его не стало. В моем телефонном справочнике возле его имени навсегда осталась запись: «Ушел кормить птиц».

Геннадий Красников,
поэт, публицист

Константин Левин

Сергей Наровчатов отмечал: «Наше поколение не выдвинуло великого поэта, оно само по себе – все вместе – выдающийся поэт с поразительной биографией. И у нас есть свои герои, свои мученики, свои святые».

В полной мере эта чеканная формула относится и к творчеству Константина Левина (1924–1984). Писать об этом поэте непросто. Все как будто заслоняет его биография и одно знаменитое стихотворение, определившее его литературную судьбу...

*Нас хоронила артиллерия.
Сначала нас она убила.
Но, не гнушаясь лицемерия,
Теперь клялась, что нас любила.*

*Она выламывалась жерлами,
Но мы не верили ей дружно
Всеми обугленными нервами
В натруженных руках медслужбы.*

*За нас молились леди Англии
И маркизантки полковые.
Нас интервьюировали б ангелы,
Когда бы были таковы.*

*Мы доверяли только морфию,
По самой крайней мере – брому.
А те из нас, что были мертвыми –
Земле, и никому другому.*

*Тут все еще ползут, минируют
И принимают контрудары.
А там – уже иллюминируют,
Набрасывают мемуары ...*

*И там, вдали от зоны гибельной,
Циклюют и воцат паркетны,
Большой театр квадригой
вздыбленной
Следит салютную ракету.*

*А там по мановенью файеров
Взлетают стаи лепешинских,
И фары плавят плечи фрайеров
И шубки дамские в пушинках.*

*Бойцы лежат. Им льет регалии
Монетный двор порой ночью.
Но пулеметы обрыгали их
Блевотиною разрывною!*

*Но тех, кто получил полсажени,
Кого отпели суховеи,
Не надо путать с персонажами
Ремарка и Хемингуэя.*

*Один из них, случайно выживший,
В Москву осеннюю приехал.
Он по бульвару брел, как вытвиший,
И средь живых прошел, как эхо.*

*Кому-то он мешал в троллейбусе
Искусственной ногой своею.
Сквозь эти мелкие нелепости
Он приближался к Мавзолею.*

*Он вспомнил холмики размытые,
Куски фанеры по дорогам,
Глаза солдат, навек открытые,
Спокойным светятся упреком.*

*На них пилоты с неба рушатся,
Крестами в тучах застревают ...
Но не оскудевает мужество,
Как небо не устаревают.*

*И знал солдат, равны для Родины
Те, что заглотаны войною,
И те, что тут лежат, схоронены
В самой стене и под стеною.*

Нужна была немалая смелость, чтобы рассказать столь обжигающую правду о войне (тем более что стихи написаны 22-летним поэтом в 1946 году).

Главные события в жизни Левина относятся к его фронтовой молодости. После военного училища он командовал взводом сорокапяти-миллиметровых противотанковых пушек, прямой наводкой бивших по немецким «Тиграм» и «Фердинандам» со смертельно короткой дистанции. Выжить в такой артиллерии шансов было немного.

Левин был награжден орденами Отечественной войны I и II степеней, в 20 лет стал инвалидом,

получив ранения в голову, затем, у румынской деревни, разрывом мины ему оторвало ногу. Как напишет командир в справке о нем: «Тов. Левин за время прохождения службы в дивизионе показал себя исключительно бесстрашным офицером».

В 1945-м артиллерийский офицер становится студентом Литинститута. Как вспоминал Константин Ваншенкин: «... поражали его стихи – молодым мастерством, ранней зрелостью... Его поэму «Нас хоронила артиллерия» завороченно бормотали на каждом шагу».

Эти стихи, которые он не раз читал на литературных вечерах, вскоре пошлют первый звоночек его судьбе. Левин будет исключен из института «за эстетско-упадническую направленность поэтических работ». Сыграют свою роль и другие его стихи («Реквием Валентину Степанову», памяти погибшего сослуживца, «Мы непростительно стареем...»), и независимый характер.

Потом будет мучительно долгое восстановление и уничтожающе-унизительная защита дипломной работы. Положительные рецензии написали Ярослав Смеляков, Константин Симонов. «Но даже эти два отзыва, – вспоминает Вл. Корнилов (а Симонов в тот год был председателем государственной экзаменационной комиссии), – с трудом преодолели упорство литинститутского начальства, и Косте за дипломную работу еле-еле натянули тройку... Казалось бы, ерунда, кому это нужно. Но ведь с другой стороны – тройку как бы за все, что написал в жизни, что сделал, – и за войну тоже».

Так год драматичного окончания института навсегда подвел черту в жизни Левина между фронтовой молодостью, между ожиданием серьезного литературного будущего и неожиданным для всех знавших поэта отказом от многообещающего пути.

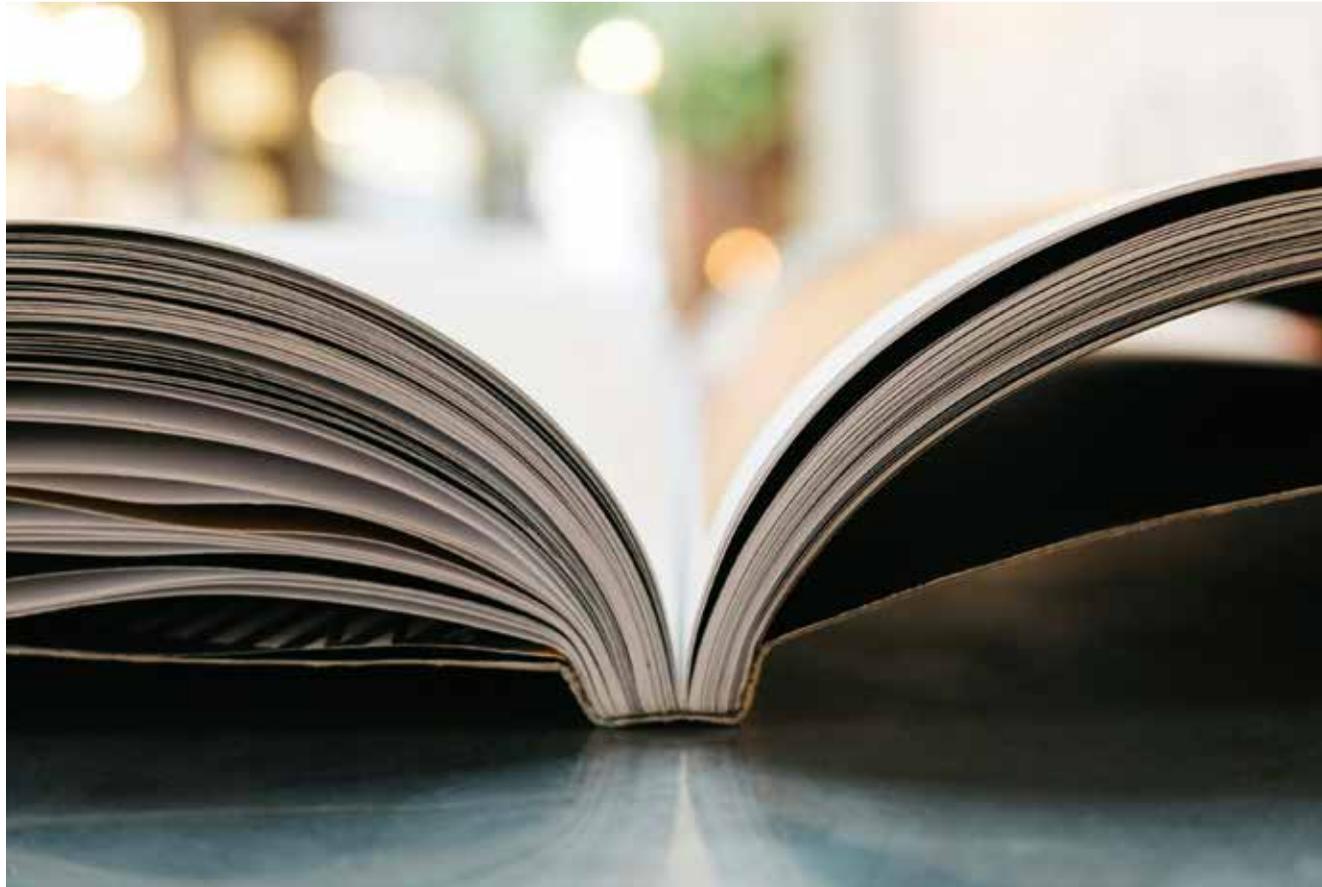
Друзья Левина пытались найти разгадку его самоотлучения от поэзии. Думаю, дело в непреодолимой честности поэта перед самим собой. Своим знаменитым стихотворением он сразу взял вершину, превзойти или повторить которую, понимал поэт, уже невозможно, а умножать количество более слабых стихов не мог себе позволить. Гипертрофированный перфекционизм сказывался в нем даже в ответе на вопрос, почему он никогда не носит боевые ордена: «Стыдно. Мало».

И хотя втайне от всех поэт, по бежденный самим собой, еще напишет несколько значительных стихотворений, таких как «Памяти Фадеева», «Памяти Бунина», «Был я хмур и зашел в ресторан “Кама”...», «Сорок первый год», он лишь незадолго до своего раннего ухода продиктует по памяти на магнитофон свои стихи, которые войдут в первую его книгу – «Признание», вышедшую в 1988 году уже после его смерти.

Геннадий Красников,
поэт, публицист

СТИХИ, РОЖДЕННЫЕ ВОЙНОЙ

Поэзия времен Великой Отечественной войны и поэзия фронтовиков – живая страница русской литературы

Военная поэзия... Тема эта необъятная. Поэзия времен Великой Отечественной состоит из стихов, которые публиковали, переписывали, перечитывали и пели в годы войны, равно как и из стихов, рожденных войной, но нашедших читателя гораздо позже. Одни их авторы погибли, защищая Родину (Павел Коган, Муса Джалиль, Михаил Кульчицкий... список можно продолжать, всех не перечислишь), другие прямо с фронта или с госпитальной

койки пришли в окопных шинелях в Литературный институт имени Максима Горького в Москве и в университеты русских городов. Поэзия времен Великой Отечественной войны и поэзия фронтовиков – живая страница русской литературы, которая не сотрется от обязательных праздничных дат и звучных цитат. Откройте семейный альбом, а он сегодня есть в каждом русском доме, – и увидите тех, кто читал эти стихи. Тех, кто в них остался. Навсегда.

И в поэзии до сих пор не заживают шрамы войны...

Юлия Друнина

*Я родом не из детства – из войны.
И потому, наверно, дороже,
Чем ты, ценю я радость тишины
И каждый новый день, что мною прожит.*

*Я родом не из детства – из войны.
Раз, пробираясь партизанской тропкой,
Я поняла навек, что мы должны
Быть добрыми к любой травинке робкой.
Я родом не из детства – из войны.
И, может, потому незащищенной:
Сердца фронтовиков обожжены,
А у тебя – шершавые ладони.
Я родом не из детства – из войны.
Прости меня – в том нет
моей вины...*

*Я столько раз видала рукопашный,
Раз наяву. И тысячу – во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

*Качается рожь несжатая.
Шагают бойцы по ней.
Шагаем и мы – девчата,
Похожие на парней.
Нет, это горят не хаты —
То юность моя в огне...
Идут по войне девчата,
Похожие на парней.*

*Я порою себя ощущаю связной
Между теми, кто жив
И кто отнят войной.
И хотя пятилетки бегут
Торопясь,
Все тесней эта связь,
Все прочней эта связь.
Я – связная.
Пусть грохот сражения стих:
Донесеньем из боя
Остался мой стих —
Из котлов окружений,
Пропастей поражений
И с великих плацдармов
Победных сражений.
Я – связная.*

*Бреду в партизанском лесу,
От живых
Донесенье погибшим несусь:
«Нет, ничто не забыто,
Нет, никто не забыт,
Даже тот,
Кто в безвестной могиле лежит».*

Константин Симонов

Родина

*Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.
Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить
разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке,
Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину – такую,
Какой ее ты в детстве увидел.
Клочок земли, припавший
к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.
Вот где нам
посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь,
до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы
всей земли.
Да, можно выжить в зной,
в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать.*

Александр Твардовский

*Перед войной, как будто в знак беды,
Чтоб легче не была, явившись в новости,*

*Морозами неслыханной суровости
Пожгло и уничтожило сады.*

*И тяжело было сердцу удрученному
Средь буйной видеть зелени иной
Торчащие по-зимнему, по-черному
Деревья, что не ожили весной.*

*Под их корой, как у бревна отхлупишею,
Виднелся мертвенный
коричневый нагар.
И повсеместно избранные, лучшие
Постиг деревья гибельный удар...*

*Прошли года. Деревья умерщвленные
С нежданной силой ожили опять,
Живые ветки выдали, зеленые...
Прошла война. А ты все плачешь, мать.*

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше,
кто моложе –
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, –
Речь не о том, но все же,
все же, все же...*

Булат Окуджава

*Затихнет ирапнель,
и начнется апрель.
На прежний пиджак поменяю шинель.
Вернутся полки из похода,
Такая сегодня погода.*

*А сабля сечет, да и кровь все течет.
Брехня, что у смерти есть
точный расчет,
Что где-то я в поле остался...
Назначь мне свиданье, Настасья!*

*В назначенный час заиграет труба,
Что есть нам удача средь всех неудач,
Что все мы еще молодые
И крылья у нас золотые...*

Советские солдаты отдыхают во время передышки между боями. Авторское название фотографии — «Затишье на переднем крае». Фото: Семен Алперин. 1942

Виктор Урин

Лидка, ты на фронте, там, где ты хотела ...

Очень ослабевшая с ношей непривычной.

Лидка

Дни идут окопные, перестрелка, стычки ...
Ходят расторопные девушки-медички.
Тащат, перевязывают, поят нас водой.

Ты ли это, ты ли с дочкой на руках?
Почему застыли искорки в глазах?
Почему останутся щеки без огня?
Почему на танцы не зовешь меня?
Почему не ждала? Почему другой?
Неужели стала для меня чужой?

Оборвалась нитка – не связать края.
До свиданья, Лидка, девочка моя!
Где-то и когда-то посреди зимы
Горячо и свято обещали мы:

Что-то им рассказывает парень фронтной.

Я стою растерянно, не могу понять,
Лидия Сергеевна, девочкаина мать.
Я стою, не знаю, как найти слова ...
– Я ж не обвиняю, ты во всем права.

Мол, любовь до гроба будет все равно,
Потому что оба мы с тобой одно.
Помнишь Техноложку,
школьный перерыв,
Зимнюю дорожку и крутой обрыв?

Всюду страх и смелость, дым, штыки и каски.
Ах, как захотелось хоть немножко ласки,
Чтоб к груди прильнули, чтоб обняться тут ...
Пули – это пули, где-нибудь найдут.

Может быть, сначала все начнем с тобой?..
Лидка отвечала: – Глупый ты какой ...
То, что было в школе, вряд ли нам вернуть,
А сейчас – тем более, так что позабуди.
Вспоминать не надо зимнюю дорожку,

Голубые комья, сумрачный квартал,
Где тебя тайком я в губы целовал?
Там у снежной речки я обнял сильней
Худенькие плечики девочки своей.

Что ж тут церемониться!
Сердце на бегу
Гонится и гонится – больше не могу.
... Ты стоишь, надевшая свой халат
больничной,

Было, Лидка, было, а теперь – нема ...
Все позаносила новая зима.
Ах, какое дело! Юность пролетела,

Как с тобою рядом шли мы в Техноложку
И у снежной речки ты прижал сильней
Худенькие плечики девочки своей ...

Того, что вписано судьбою.
И этот груз тебе навек,
Войны хлебнувший человек.

Федор Сухов

Было, Лидка, было, а теперь – нема ...
Все позаносила новая зима.
Оборвалась нитка,
не связать края ...
До свиданья, Лидка, девочка моя.

Провожали меня на войну,
До дороги большой провожали.
На село я прощально взглянул,
И вдруг губы мои задрожали.

Иван Гришанов

Жизнь моя на ласки не богата,
Не имел я их и не искал.
То детдом, то воровская хата,
А потом войны крутой оскал.

Ничего б не случилось со мной,
Если б я невзначай разрыдался, –
Я прощался с родной стороной,
Сам с собою, быть может, прощался.

В жизни той милей дневного неба
Был блиндаж с накатом в пять слов.
И в каком аду я только не был!
В круговерти гибельных боев.

А какая стояла пора!
Лето в полном цвету медовело.
Собирались косить клевера,
Рожь от жаркого солнышка млела.

Я забыл, откуда вышел родом,
Мир войны – мой первый детский класс.
Ну а дни стекали, словно в воду
Капли слез из воспаленных глаз.

Поспевала высокая рожь,
Наливалась густая пшеница,
И овес, что так быстро подрос,
Прямо в ноги спешил поклониться.

Отвечаю четко на вопрос вам:
Я родился сразу злым и взрослым.

Я говорю войне: «Прощай ...»
Она, как жало, впилась в душу.
Ее не вырвать невзначай,
Добром и бранью не разрушить.

Заиграла, запела гармонь,
Все сказала своими ладами,
И платок с голубой каймой
Мне уже на прощанье подарен.

Я говорю войне: «Прощай ...»
Бойцов упавших лица рядом.
По ним горит в слезах свеча,
А боль за них, как взрыв снаряда.

В отдалении гром громыкнул,
Весь закат был в зловещем пожаре ...
Провожали меня на войну,
До дороги большой провожали ...

Я говорю войне: «Прощай ...»
Но дышит память жаром боя
И мне твердит: не отвращай

Стихом залечиваю рану,
Хоть не смертельную, а все ж
Мне как солдату-ветерану
Любая рана невтерпещ.
Я знаю, что такое рана:
Знаком с обычной пулевой
И с той осколочной, что рваной
Звалась в санчасти полевой.
Родные, милые мне люди,
Во имя жизни и любви

Давайте будем, будем, будем
Почеловечнее с людьми.
Не на словах, а чтоб на деле
Мы все – вблизи или вдали –
Друг к другу искренне радели,
Друг друга свято берегли.
Чтоб каждый новый день,
чтоб каждый
Не только день, но каждый час
Нам прибавлял той самой жажды,
Что жизнью издавна звалась.

Евгений Лукин

Блокадный хлеб

Для блокадного хлеба святого
По сусекам муку собирал,
Из мешка выстал холстяного
И пылинки со стен соскребал.

Добавлял и березовых почек,
И подсолнечный жмых добавлял.
Словом сдобривал каждый кусочек
И горючей слезой окроплял.

Был на глину похож хлеб блокадный
И от горького горя тяжел.
Но в нем теплился дух благодатный,
Чтобы каждый надежду обрел.

Старый пекарь как ангел алтарный,
Добрый пастырь при всякой судьбе,
Он от голода умер в пекарне,
Но не взял ни крупичицы себе.

Николай Новиков

Последняя осень

Дорога нас вела не к дому,
А по жнивью чужих полей.
Где в небо, словно в синий омут,
Входила стая журавлей.

Где осень желтая листала
По дням разложенным пути.
И почему-то легче стало
За журавлями вслед идти.

И даже как-то потеплело
В душе у каждого из нас,
А стая медленно летела
На юг все дальше, дальше с глаз.

И, распрощавшись с журавлями
У поредевшего леса,
Мы понимали, что за нами
Три года тянется тоска.

Три долгих года. Только к дому
Пути-дороги не видны,
А впереди зловеций омут
С кругами черными войны.

Где бесконечные окопы,
Где без конца над головой
Жгутами скрученная копоть
И горький дым пороховой.

И все ж не скоро пряным тмином
Пахнет от хлебного куска.
И болью клином журавлиным
Входила глубже в нас тоска.

Евгений Иванов

* * *

Когда последний взрыв раздался,
Не умерла война во мне:
Я долго, долго оставался
Солдатом в мирной тишине.
Глядел на нивы и опушки,
Но лезли мысли прежних дней:
Как лучше здесь поставить пушки,
Где вырыть линию траншей.
У каждой речки мимоходом
Глаза, как требовал устав,
Искали «скрытые подходы»
И «ось» десантных переправ.
Боями бредил в сновидениях,
Порой все ночи напролет
То отдавал распоряжения,
А то командовал: «Вперед!»
Жене, что в бок меня толкала:
«Да не шуми, проснись, чудак»,
Хрипел тревожно и устало:
«А ты сюда попала как?»
Когда последний взрыв раздался,
Не умерла война во мне:

Я долго, долго оставался
Солдатом в мирной тишине.

Алексей Сурков

В землянке

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.
О тебе мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтоб услышала ты,
Как тоскует мой голос живой.
Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти не легко,
А до смерти – четыре шага.
Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви.

Юрий Левитанский

* * *

Ну что с того, что я там был.
Я был давно, я все забыл.
Не помню дней, не помню дат.
И тех форсированных рек.
Я неопознанный солдат.
Я рядовой, я имярек.
Я меткой пули недолет.
Я лед кровавый в январе.
Я крепко впаян в этот лед.
Я в нем как мушка в янтаре.

Ну что с того, что я там был.
Я все забыл. Я все избыл.
Не помню дат, не помню дней,
названий вспомнить не могу.
Я топот загнанных коней.
Я хриплый окрик на бегу.
Я миг непрожитого дня,
я бой на дальнем рубеже.
Я пламя вечного огня,
и пламя гильзы в блиндаже.

Ну что с того,
что я там был.
В том грозном быть
или не быть.
Я это все почти забыл,
я это все хочу забыть.
Я не участвую в войне,
война участвует во мне.
И пламя вечного огня
горит на скулах у меня.

Уже меня не исключить
из этих лет, из той войны.
Уже меня не излечить
от тех снегов, от той зимы.
И с той зимой, и с той землей,
уже меня не разлучить.
До тех снегов, где вам уже
моих следов не различить.

Михаил Исаковский

* * *

Куда б ни шел, ни ехал ты,
Но здесь остановись,
Могиле этой дорогой
Всем сердцем поклонись.
Кто б ни был ты –
Рыбак, шахтер,
Ученый иль пастух, –
Навек запомни: здесь лежит
Твой самый лучший друг.
И для тебя, и для меня
Он сделал все, что мог:
Себя в бою не пожалел,
А Родину сберег.

Николай Асеев

Надежда

Насилье родит насилье,
и ложь умножает ложь;
когда нас берут за горло,
естественно взяться за нож.
Но нож объявлять святыней
и, вглядываясь в лезвие,

начать находить отныне
лишь в нем отраженье свое, –
нет, этого я не сумею,
и этого я не смогу:
от ярости онемею,
но в ярости не солгу!
Убийство зовет убийство,
но нечего утверждать,
что резаться и рубиться —
великая благодать.
У всех, увлеченных боем,
надежда горит в любом:
мы руки от крови отмоем,
и грязь с лица отскребем,
и станем людьми, как прежде,
не в ярости до кости!
И этой одной надежде
на смертный рубеж вести.

Борис Слуцкий

«Есть!»

Я не раз, и не два, и не двадцать
слышал, как посылают на смерть,
слышал, как на приказ собираться
отвечают коротеньким «Есть!».
«Есть!», – в ушах односложно звучало,
долгим эхом звучало в ушах,
подводило черту и кончало:
человек делал шаг.
Но ни разу про Долг и про Веру,
про Отечество, Совесть и Честь
ни солдаты и ни офицеры
не добавили к этому «Есть!»
С неболтливым сознанием долга,
молча помня Отчизну свою,
жили славно, счастливо и долго
или вмиг погибали в бою.

Вадим Шефнер

Военные сны

Нам снится не то, что
хочется нам, –
Нам снится то, что хочется снам.
На нас до сих пор военные сны,
Как пулеметы, наведены.

И снятся пожары тем, кто ослеп,
И сытому снится блокадный хлеб.
И те, от кого мы вестей не ждем,
Во сне к нам запросто входят в дом.
Входят друзья предвоенных лет,
Не зная, что их на свете нет.
И снаряд, от которого случай спас,
Осколком во сне настигает нас.
И, вздрогнув, мы долго лежим
во мгле, –
Меж явью и сном, на ничьей земле,
И дышится трудно, и ночь длинна ...
Камнем на сердце лежит война.

Александр Межиров

Музыка

Какая музыка была!
Какая музыка играла,
Когда и души и тела
Война проклятая попрала.

Какая музыка во всем,
Всем и для всех – не по ранжиру.
Осylim... Выстоим... Спасем...
Ах, не до жиру – быть бы живу...

Солдатам голову кружа,
Трехрядка под накатом бревен
Была нужней для блиндажа,
Чем для Германии Бетховен.

И через всю страну струна
Натянутая трепетала,
Когда проклятая война
И души и тела топтала.

Стенали яростно, навзрыд,
Одной-единой страсти ради
На полустанке – инвалид,
И Шостакович – в Ленинграде.

Николай Старшинов

* * *

Жизнь была и сладкой и соленой
А порой и горькою была.

Раненый и трижды
исцеленный,
Говорю я:
– Жизнь, тебе хвала!

Ты дарила тишиной мгновенной
И бросала в полямья огня.
Убивала черною изменой,
Воскрешала верностью меня.

Обращалась с материнской
лаской
И преподносила мне урок –
Была в зубы,
Награждала тряской
Глинистых проселочных дорог.

Я тебя не пробовал навыврез,
Как хозяйки пробуют арбуз ...
Все равно я не утихомирюсь,
Пусть и снова трижды ошибусь.

Жизнь моя! Она бывала всякой.
Пела синевой любимых глаз ...
И молчала зло перед атакой ...
Может, потому и удалась!

* * *

Друзья моих военных дней,
Где вы теперь, как вы живете?..
Той, давней дружбы нет верней,
Рожденной в пулеметной роте.

Мне кажется: среди болот,
Среди лесов, объятых вьюгой,
Она по-прежнему живет
Между Смоленском и Калугой.

Там, где февральский мокрый снег
Выбеливает обелиски,
Она живет, как человек,
Понятный и донельзя близкий.

Она под орудийный гром
Сидит над гаснущим костром,
Ползет по снегу с автоматом,
Как в том
Крутом
Сорок втором,
Как в легендарном
сорок пятом.

БРАТ ВСЕХ ГОНИМЫХ

К 210-летию со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова

МАКСИМ ЗАМШЕВ

Портрет М. Ю. Лермонтова работы К. А. Горбунова. 1841

Лермонтов с юности тревожит меня. Даже раньше. С отрочества. С первого ощущения чтения не как обязательного элемента воспитания, а как сокровенного дела. «Герой нашего времени» стал первой книгой-откровением, где все коррелировалось с собой. С этой книги мое взросление если не началось, то обозначилось как цель. Есть места, где мысли о Лермонтове кристаллизуются. Это дом

на Малой Молчановке в Москве, конечно, мимо которого хожу всю жизнь, и Тарханы, богоспасаемые Тарханы. Музей-заповедник, кажется, самым Лермонтовым благословляемый ежесекундно. Посещая музей-заповедник «Тарханы», восхищаюсь работой его руководства и сотрудников, понимаю, что загадка Лермонтова такова, что смысл не в ее отгадывании, а в самом процессе, в самой памяти, поскольку

Лермонтов и его наследие огромней того пространства, где простой смертный может что-то выстроить и прийти к какой-то разгадке.

Часто спрашивают, с кем из великих выбрали бы познакомиться, если бы представился такой фантастический, лежащий за гранью реальности случай? Всегда отвечаю: с Лермонтовым. Донимают: отчего не с Пушкиным? Пушкин – совершенство. Лермонтов – загадка. Загадка манит больше. Хотя русские мальчишки часто осознают, что такое Пушкин, сперва устами Лермонтова. «Смерть поэта» вспарывает наше сознание. О другом, как о себе. О себе, как о другом. «Вы, жадною толпой стоящие у трона». Этот не схематичный, лакомый для литературоведов конфликт – не по-советски трактуемый «наезд» на самодержавие, это алхимический поиск некоей вечной формулы слов, которые останавливают время и устанавливают вечную правоту того, кого в жизни частенько делали неправым. Я дерзну предположить, что Лермонтов доживал за Пушкина, вернее, за одну из его теней. Он дал рядом с ним иной росток (Тютчев, Мандельштам, Заболоцкий). С ним хочется познакомиться, потому что все, что мы знаем о его жизни, никак не совмещается с тем, что им написано.

Лермонтов для России не умирает. Он живет в других текстах. На него хочет быть похожим Соленьный из «Трех сестер», и это мысли Чехова. О похожести на него пишет стихи Левитанский. Все знают, как Лермонтов выглядел. Быть похожим на Пушкина – карикатурно. Совершенство не терпит

Дом-музей Лермонтова в Тарханах

подражаний. На Лермонтова – почетно. В схемах и штампах – он благородный мизантроп. Печорин – это не он ли?

За малую свою жизнь он успел больше, чем все. Именно больше, чем все. Законченность жизни, вполне достойную, он превратил в незаконченность, с открытым финалом, где нет конца. Он создал столько эмоциональных сгустков термоядерной художественной силы, что один человек не способен создать сцепление с каждым, неизбежно и неизменно мимо чего-то проскакивая. И я не исключение. Расскажу о своих потрясениях...

Первое. «Герой нашего времени». Об этом тексте думаешь всю жизнь. Когда его задали читать на лето в школе, после чтения возникла жалость: ведь это прочитают все. А мне хотелось щегольнуть перед ровесниками и особенно ровесницами своей эксклюзивной причастностью... Ведь Печорин – это немного я. Немного... Кортасар создал свою «Игру в классики» и оставил инструкцию, Лермонтов все запутал, смешал по времени, но никаких инструкций не оставил.

Не уважал читателя? Уважал. Поэтому не разжевывал. Поймет – значит поймет, нет – на дураков силы тратить смысла не видел.

Лермонтов живет только по тем законам, что сам создал. Только он мог умудриться назвать роман об абсолютном антигерое «Герой нашего времени». Он постоянно меняет плюс на минус. Он ищет напряжения, а не гармонии. Логика

его не волнует, равно как и ремесло. Он с другой точки все видит. Как Куинджи видел свет, так Лермонтов видит прозу. Зачем в «Княжне Мери» Вера? Но ее появление – самый важный момент, который помнишь всегда. И Печорина без него вообще не поймешь в объеме. Он живет без связи с прошлым, прошлое не влияет на поступки. Это феноменальная форма свободы

Тарханы. Кабинет Лермонтова

«Кавказский вид с саклей (Военно-Грузинская дорога близ Мцхеты)». Картина М. Ю. Лермонтова. 1838

и силы. Именно поэтому Печорин во всех повестях разный. Бессмысленно выстраивать логику образа. Лермонтов опередил всех намного и создал не типаж, а живого удивительного человека. Думаю, мы тут его даже и близко не догнали.

Второе потрясение – «Мцыри». Признаюсь, годами думая о магической силе этого текста, я не мог понять, о чем он. Да, сюжет вполне определен. Все мы знаем о мальчике-горце и его судьбе и о том, что эту историю Лермонтов слышал на Кавказе. Возможно, и слышал, но написал-то совсем другое. Или вы всерьез думаете, что сражавшийся с горцами Лермонтов мог такое выдать? Сомнительно. Лермонтов не руководствовался логикой, чужими формулами, воспользовался рассказом для чего-то другого. Кто-то легко выстроит, что под Мцыри он метафорически

выводил свою долю. Но знать бы нам еще его настоящую долю! Я полагаю, здесь Лермонтов создает новый миф. Мцыри, посланник небес, которого не признает мир, и он умирает? Ничего не напоминает? И не видел ли поэт в жадной толпе, стоящей у трона, и людей в рясах? Не настаиваю на однозначности ответа. Но на вопрос имею право.

Лермонтов бежит всякой определенности, потому что он шире ее. В нем уживается и «Демон», и «Молитва». И это не части пути, это все одновременно. В этом и загадка его, и необозримость, и невозможность сделать определенные выводы. Да и откуда в «Мцыри» такой дивный безупречный ямб? Это Лермонтов, который во многих стихотворениях явно не заикается на формальных азах! Его творчество – плод транса и последующих прозрений, он слышал

голоса таких сфер, которые никому больше не открывались! Лермонтов не познаваем ничем, кроме эмоций. Именно поэтому появляется совершенно ненужная по литературной науке Вера, а Максим Максимович то непьющий, то пьет вино. Именно поэтому Мцыри побеждает барса, хотя истощенный скитанием человек на это никак не способен. Лермонтов создает свою реальность. И в ней мы живем насыщенно и счастливо.

Третье мое потрясение. Нет такого поэта, кто так легко становится тобой, когда читаешь его. Он брат всем избранным, всем гонимым, всем, кого не понимает и не принимает мир. И он сквозь годы кидает им спасительный круг. Я был такой же, как вы. Но я – Лермонтов... И значит, вы – не «твари дрожащие». В каких текстах такого рода катарсис испытал я? Конечно, «И скучно, и грустно». Великий

романс Даргомыжского тут, несомненно, добавляет эффекта. Он идеально попадает в лермонтовскую интонацию. Вообще, это ощущение избранности в Лермонтове ключевое. Но это не гордыня, это честность. Он патологически не мог ощущать себя частью стада, не мог жить по чужим законам – ни в быту, ни в творчестве.

«Не смейся над моей пророческой тоскою...» Это стихотворение тоже действовало на меня удивительно, повышало самооценку. В девяностые все мы росли наперекор, но если советское «про» и «контра» были замешены на мечтах, то в 90-х – на отчаянии. Лермонтов ближе молодежи девяностых. Мы очищали его от идеологической шелухи «борца с самодержавием», познавали его как личность, впитали горьковатое, но полезное его питье, утоляли им жажду.

Лермонтов поразительным образом вобрал в себя черты противоположных стилей. Он безусловный романтик, особенно в поэмах, где гуляет сильнейший романтический ветер, где мифологизируются сверхчеловеческие качества, где свобода – главная, бесспорная ценность, при этом в лирике, особенно любовной, он ближе к классицистам. Его сила в сдержанности. Особенно ощутимо это в любовной лирике.

*Расстались мы, но твой портрет
Я на груди своей храню.*

Это прямой антипод пушкинского «Я помню чудное мгновенье». Часть последовательного великого диалога. Лермонтов интроверт, и ему не надо помнить, он хранит внутри. Прошлое не обуславливает в его судьбе, как я уже писал, ничего. Только он сам. Здесь значимей «на груди своей», чем «твой портрет». Весь Лермонтов направлен внутрь, и вытаскивать его оттуда – сладостная задача для умных

Памятник М.Ю. Лермонтову в музее-заповеднике «Тарханы». Скульптор Олег Комов. 1985

читателей, для тех, кто за смыслы, кто распознал и отверг чад современной и активно навязываемой нам бессмыслицы. ИИ, говорите, будет писать книги? Возможно. Книги, лишённые личного. Личное не смоделируешь, личное – только живое. Это не может обсуждаться в принципе. А тем, кто говорит, что все есть в Сети, надо некоторое время помолчать и подумать, к чему приводят их вульгарные инвективы. Или съездить в Тарханы.

Каждый раз, приезжая в музей-заповедник в Тарханах на ежегодный Лермонтовский праздник поэзии, поражаюсь, насколько

стала объединительной фигурой мятежного классика. Со сцены звучат самые разные стихотворения и песни, но ни у кого не возникает мысли: при чем здесь Лермонтов. Он – при всем.

*Мы пьем из чаши бытия
С закрытыми глазами.*

Это пароль для познания Лермонтова. И только «... перед смертью с глаз // Завязка упадет».

Земная жизнь нужна для того, чтобы предельно сосредоточиться и разгадать ее, не давая возможности обольстить себя мишурой.

КОСМИЧЕСКИЙ СКИТАЛЕЦ

К 140-летию со дня рождения Николая Клюева,
представителя новокрестьянского направления в русской поэзии XX века

АЛЕКСАНДР БАЛТИН

*Как будто лебяжьи перья
Падают на амвон.
А поп в пестрядиной ризе,
С берестяной бородой,
Плавает в дымке сизой,
Как сиг, как окунь речной.*

А «Медный кит» плеснет хвостом, сметая блины-солнца... Блины, колобок – все отсюда, от сияния звенящего диска, от арф его лучей.

*Объявится Арахлин-град,
Украшенный ясписом и сардисом,
Станет подорожник китарисом,
И кукуший лен обернется в сад.*

Иные скорбные песни Клюева шли от Сурикова, Кольцова: доля народная оставалась неизменной:

*«Безответным рабом
Я в могилу сойду,
Под сосновым крестом
Свою долю найду».*

*Эту песню невал
Мой страдалец-отец
И по смерти завещал
Допевать мне конец.*

Лампа революции светила не ему: Клюев верил в свой рай-Китеж, цветастый, великолепный, который непременно должен всплыть.

Слово скорби прорастает из самой жизни и, насыщенное такими соками, что диву даешься, продолжает сочить себя в мир, сколь бы избыточно-технологичен ни был последний.

А природные картины отдают умилением, домашностью, но шагни только дальше – растворятся

таинственные леса и отдадут вдруг свои невероятные тайны. Постигай до глубин...

*В просинь вод загляделися ивы,
Словно в зеркальце девка-краса.
Убегают дороги извивы,
Перелесков, лесов пояса.*

*На деревне грачиные граи,
Бродит сон, волокнится дымок;
У плотины, где мишистые сваи,
Ниже скатную зернь солнопок...*

Поэзия Клюева во многом – пестро данный документ бытия деревни, отчет о том, чего более нет. Но космос его жив не только этим, наполнен он волшебным настоем русской веры, огнями, которые видит поэт сквозь конкретику яви, и всем тем колоссальным, что заложено в русском счастье, горе, ниве, лесах...

Кристаллы стихов Клюева математически выверены и точно выращены; Хлебников, далекий от деревенской темы, но погруженный в русскую стихию, как в нечто провидческое, обещающее невиданное, пересекается своеобразием своей словесной математики с блещущими византийскими камнями поэтических построений Клюева...

Странно: тень входит в тень, Леший Хлебникова переключается с Медным китом Клюева:

*Горбатый леший и младая
Сидят, о мелочах болтая.
Она, дразня, пьет сок березы,
А у овцы же блещут слезы.
Ручей, играя пеной, пел,
И в чащу голубь полетел.
Здесь только стадо пронеслось
Свистящих шумно диких уток,
И ветвью рог качает лось,
Печален, сумрачен и чуток.*

Хлебников и Клюев... Из реальности оба, странным зрением поэта обладающие. И дервиш Хлебников, и крестьянский пророк

Клюев словно соединены устремлением в футуристическое зарево. Только Клюев мнит его связаным с деревней, перешедшей неведомым образом во всплывающий Китеж, а Хлебников видит в линиях мысли организующее пространство, которым смог бы мудро управлять поэт – председатель земного шара. Клюев бы отказался...

«Гибель Атлантиды» Хлебникова – от роскоши русских глубин, и сама она будто русская, осиянная тайной бескрайней нашей земли. У Клюева «Заозерье», как Атлантида: таинственная земля, где жизнь вьется под доглядом попа Алексея «с окуньим плеском в глазах».

Атлантида ушла под воду. Китеж должен всплыть из-под воды...

Кажется, в заоблачности собеседуют Клюев и Хлебников, пользуясь небесным языком и выстраивая такие диалоги, что и Платон не отказался бы поучаствовать в них.

Русский космизм! Не определить его единой словесной формулой; осязаемой субстанцией пропитывает он поэтическую ткань Клюева:

*Горние звезды как росы.
Кто там в небесном лугу
Точит лазурные косы,
Гнет за дугою дугу?*

*Месяц, как лилия, нежен,
Тонок, как профиль лица.
Мир неоглядно безбрежен.
Вись глубока без конца.*

Тут лилейная нежность душевного соприкосновения с тайной тайн, с формами бытия непредставимого масштаба, с ощущениями, которые, раскрываясь цветами, изменяют вдруг жизнь.

Клюев – отчасти космический скиталец, как Хлебников был вечным дервишем-математиком поэзии русской.

Космос нежен, космос абсолютно счастлив: так ощущает

Клюев, и стихи его отливают радужной счастья.

*Пушистые горностаевые зимы,
И осени глубокие, как схи́ма.
На полатях трезво уловимы
Звезд гармошки и полет серафима.*

Заозерье – атлантический вариант берестяной гармонии, звучащей не менее своеобразно, чем струны средиземных напевов; Заозерье – песня скифского берестяного Сирина или волшебного Гамаюна правды правд. Но деревенская правда Клюева не могла состояться: технологичность действительности была преопределена.

Картины, рисуемые Клюевым, настолько пестры, будто восточные ковры расцветают, объединяя глубоко спрятанную в лесах деревню. Самоцветно играют словесные камни. С окуньим плеском в глазах правит отец Алексей жизнь в деревне: правит так, чтобы сама она становилась красиво возносящейся молитвой, преодолевающей сопротивление пространства.

Христос глядит вглубь деревни. Как воспринимают взгляд его живущие, начинающие собой пространство?

*Христос воскрес из мертвых,
Смертию смерть поправ!..
И у елей в лапах простертых
Венки из белых кулап.*

*В зеленчатом сарафане
Слушает звон сосна.
Скоро в лужицу на поляне
Обмакнет лапоток весна.*

Сияют перлы клюевских слов, рассыпаются перья жар-птицы: даже зимой, коли пролетит, такие узоры сияют! И пусть действительность разорила деревню, низвергнув таинственность ее, но продолжают сиять самородные, драгоценные слова мистического Заозерья...

Чары «Заозерья» раскрываются кругами бытия под духовной стражей отца Алексея, будто соединившего в душе дремучее могущество саровских лесов, сакральные тайны Месопотамии, мистические откровения Сиамы, слюдяной блеск песен Норвегии...

Причудлив орнамент клюевской поэмы – узорчато вытканная, она играет всеми духовными ароматами русского языка, самовитого слова, вьющегося, уходящего в бесконечность...

*Отец Алексей из Заозерья –
Берестяный светлый поп,
Бородка – прожельть тетерья,
Волосы – житный сноп.*

*Весь он в росе кукушей
С окуньим плеском в глазах,*

*За пазухой бабьи души,
Ребячий лоскутный страх.*

*Дудя коровьи молебны
В зеленый Егорьев день,
Он в воз молочный и хлебный
Свивает сны деревень.*

Русский деревенский материк, ушедший под метафизические воды, остается в плеске песен Клюева.

Клюев союзен духом с тысячей ликов мировой культуры: в цветном блеске его стихов и поэм проглядывает то византийская мозаика, то витражи старинных соборов Европы.

А «Заозерье» живет и дышит природной подлинностью:

*Хорошо зимой в Заозерье:
Заутренний тонок звон,*

ПОЛУОСТРОВОВ СОКРОВИЩ СЕН-ЖАН-КАП-ФЕРРА

Глава из книги «Истории из пропавшего чемодана»

АЛИСА ДАНШОХ

Однажды, прогуливаясь по обшедоступной дорожке полуострова Кап-Ферра, я в очередной раз попыталась ответить на вопрос: «Почему здесь кусочек земли стоит так дорого? Что заставляет людей тратить огромные деньги, чтобы заполучить несколько соток малопродуктивной почвы с адресом Saint-Jean-Cap-Ferrat? Должно же быть какое-то разумное объяснение, кроме тщеславного и эфемерного понятия “престиж”? Да и откуда он взялся, этот местечковый престиж?»

Захожу в туристическое бюро и задаю двум симпатичным девушкам интригующий меня вопрос. Продолжая приветливо улыбаться, девицы пропускают мои слова мимо ушей, а в качестве компенсации за невнимание предлагают бесплатные брошюры. Ну что ж, с неподкованных овечек хоть информации клок.

С бокалом апероля (легкий летний алкогольный напиток розово-оранжевого цвета) сажусь в кафе на небольшой площади с видом на порт и начинаю знакомство с кратким путеводителем. Какое замечательное и немногословное пособие по созданию мифа! Здешний капферрайский стартует в VI веке н.э., когда на скалистом безлюдном голом мысе полуостровка объявился отшельник по имени Оспис. По легенде, бенедиктинский монах жил в им самим построенной каменной башне, предаваясь молитвам и самоистязанию в надежде заслужить местечко на небесах. Жизнь его была столь тяжела

и праведна, что в ней нашлось место и подвигу, и чуду. Он исцелил слепого и глухонемого, изгнал злых духов из одержимой бесами женщины. Когда же дикие ломбардцы захватили побережье (что, кстати сказать, отшельником было предсказано) и один из нападавших захотел убить монаха, то рука с занесенным над головой праведника мечом вдруг онемела. Пораженные случившимся, варвары пощадили Осписа, который со временем был канонизирован.

В XI веке на месте башни отшельника появилась часовня, названная в честь него Saint-Hospice. Она тут же стала объектом паломничества. В XVII веке Карл Эммануил II, герцог Савойский часовню перестроил, а в XIX веке она приобрела современный облик, превратившись в одну из главных достопримечательностей Кап-Ферра. Двадцатое столетие возложило на часовню еще одну важную поминальную миссию – при ней появилось небольшое мемориальное кладбище бельгийских солдат, погибших в Первую мировую. Местом их упокоения стал французский Кап-Ферра, потому что преемник бельгийского короля Леопольда II – его племянник, унаследовавший престол, – открыл на вилле, принадлежавшей дяде, военный госпиталь для раненых соотечественников.

Кроме часовни St-Hospice на полуострове имеется и церквушка St-Jean-Baptiste, посвященная Иоанну Крестителю. Она появилась в XI веке, была проста, скромна

и симпатична, пока не подверглась перестройке в XIX веке и перестала чем-либо выделяться из сотен ей подобных. В 1998 году ее немного приукрасили, и именно в таком виде она сегодня встречает посетителей.

Своим именем Иоанн щедро делился не только с культовыми сооружениями, но и с людьми, и с населенными пунктами, и с географическими обозначениями. Вот и третью вершину Золотого лазурийского треугольника он взял под свое покровительство, добавив к собственному имени Saint-Jean еще и Cap-Ferrat – название скалистого мыса, врезавшегося в морские воды. В знак благодарности коренное и пришлое население полуострова летом с размахом празднует именины небесного покровителя.

Кроме двух культовых сооружений и двух кладбищ (участок под «морское кладбище» был подарен богатым торговцем из Ниццы по имени Огюст Галь) полуостров располагает тремя стратегически важными объектами: маяком, семафором и портом. Маяком полуостров имеет полное право гордиться, несмотря на то что он категорически закрыт для публичных посещений. Зато в 2012 году он был причислен к лику исторически значимых памятников. Принятию столь важного решения не помешало ни то, что первоначальный облик XVI века был утрачен, ни то, что в 1732 году его перестроили, а в 1944-м немцы его полностью разрушили. Однако маяк, подобно птице Феникс, возродился

в 1949 году и теперь по ночам как сумасшедший подмигивает всем неспящим и проплывающим мимо, и местным жителям, и особенно вильфраншевцам, чьи окна смотрят на яшура Кап-Ферра.

По отношению к маяку семафор – новье. Его построили по решению Наполеона III в 1862 году. Сегодня им распоряжается министерство морфлота, и в его обязанности входит регулировка водного трафика. Не освобожден он и от функций пожарной вышки, ибо высоко стоит (143 м над уровнем моря) и далеко глядит, предупреждая о чрезвычайных огнеопасных ситуациях.

Безусловно, без маяка и регулировщика на побережье не обойтись, но и порт необходим уважающему себя анклав. Однако без пресной воды жизнь на земле, даже самой дорогой, невозможна. Именно поэтому местные власти в конце XIX века и приняли решение о создании искусственного водоема. Очень мудрое и дальновидное решение. Неприродный резервуар воды превратил бесплодную скалистую местность в соблазнительную для инвестиций территорию. H₂O сотворила чудо. Она пробила дорогу туристическому успеху захудалой рыбацкой деревеньки, от которой остались лишь старые фото и легенды о тяжелых буднях тружеников моря. Да и от старого порта, построенного между 1840 и 1876 годами с помощью каторжников из крепости Вильфранша, не сохранилось даже руин. Зато в конце XX века появилась вместительная марина на 560 мест для стоянки лодок и средних яхт. Суда покрупнее маячат подалее, в открытом море, вызывая у некоторых нездоровую зависть. В порту сосредоточена торгово-ресторанно-культурно-развлекательная жизнь, в основном для приехавших окрестных посетителей, для гостей пришвартованных яхт и однодневных туристов. А чем заняты местные владетельные

Маяк на полуострове Кап-Ферра

Сен-Жан-Кап-Ферра

сенжановцы-капферровцы? Они по большей части сидят по своим собственным или снятым виллам около собственных бассейнов. Ну, не платить же 70 € за лежак на частных пляжах Passable или

La Paloma, чтобы провести весь день среди детских криков и не всегда привлекательных оголенных тел! Нам сегодня трудно представить, что всего лишь сто двадцать лет тому назад в жаркие летние дни

в море никто не купался и на песочке не валялся, потому что просто-напросто некому было это делать. High season (высокий сезон) тогда стартовал осенью, и тех, кто сюда приезжал, называли «зимниками».

на *Cap-Ferrat*). Наличие слова *Royal* (королевская) в названии гостиницы отнюдь не случайно. Оно не намекает на соседство с королем Бельгии Леопольдом II, а констатирует сей факт. Именно его венценосной персоне Кап-Ферра прежде всего обязан своей беспрецедентной карьерой престижа и гламура: кабы не предпринимательские наклонности короля, толкнувшие его на покупку 50 га земель на полуострове, кто знает, может быть, до сих пор местное население ловило бы рыбу и собирало пармские фиалки. Зачем Леопольду понадобилось такое количество га, трудно сказать, но можно предположить.

У европейского сообщества бельгийский монарх пользовался странной репутацией. Его называли «дельцом», «маклером», а недобрые французские журналисты совсем уж уничижительно: «Хватай копейку!» Сегодня о нем сказали бы нейтрально: «король-бизнесмен». Для подобных прозвищ имелись все основания. Леопольд, одобрявший колониальную политику, подсутился, скупил у племен все земли и, по сути, приватизировал целую немаленькую африканскую страну Конго с тридцатимиллионным населением. За годы его единоличного правления с помощью трех назначенных им губернаторов и при поддержке местных кровожадных племенных вождей число жителей сократилось вдвое. Борцы за справедливость осудили короля за бесчеловечность и жестокость, но он, подобно коту Василию из известной русской поговорки, слушал критику, читал обличительные статьи, книги, памфлеты и продолжал преспокойно питаться на деньги, вырученные от торговли национальными богатствами. В целях личного обогащения он по всему миру продавал конголезский каучук. Африканская колония служила Леопольду личным бездонным кошельком.

Возможно, часть каучуковых денег пошла на приобретение частной собственности и на строительство разнообразных объектов как для себя, так и для королевства. Не исключено, что деловая королевская жилка вместе с чутьем собственной выгоды подсказали Леопольду, что покупка земель на Лазурном Берегу – выгодное капиталовложение. Знакомство с мэром Вильфранша облегчило задачу, и король не задорого постепенно стал владельцем на полуострове вышеупомянутых пятидесяти гектаров, то есть почти четверти территории *Cap-Ferrat-sur-Mer*. Узнав об этом, саркастически настроенный французский журналист из местной газеты написал, что вскоре при въезде на Кап-Ферра появится табличка «Бельгийская колония. Вход воспрещен». До колонии дело не дошло, но в начале XX века бельгийцев со средствами в Золотом треугольнике появилось немало.

Что касается Леопольда, то он из своих земельных полуостровных владений выделил четырнадцать гектаров на строительство дома для своей любовницы. Не были забыты ни конюшня, ни оранжерея, ни искусственное озерцо. Территорию озеленили заморской растительностью, а на берегу моря обустроили причал для лодок и яхт. Вилла получила название «*Les Cédres*» («Кедры») и была чудо как хороша, удобна и комфортна.

Как мы знаем из всемирной истории и литературы, наличие у короля фаворитки – дело не только обычное, но и вполне узаконенное. Однако в интимной жизни Леопольда по ту сторону брака было нечто, что вызывало почти у всех осуждение с нескрываемой ноткой презрения. Никто бы и слова не сказал, если бы он содержал, скажем, гарем, потому как здоровье монаршей особы – залог стабильности в государстве, тем более что со своей законной супругой Леопольд жил раздельно. Его

Портрет короля Бельгии Леопольда II работы Луи Галле. 1875

династический брак себя не оправдал: единственный сын и наследник умер в десятилетнем возрасте, а три дочери никак не могли заменить одного мальчика. Королю сочувствовали и оправдывали его поиск женского внимания. И вдруг на исходе девятнадцатого столетия в городе Париже шестидесятичетырехлетнего Леопольда подцепила

шестнадцатилетняя девица по вызову. Ночная бабочка неясного происхождения – не то франкорумынского, не то румыноцыганского – была то ли блондинкой, то ли брюнеткой; впрочем, женщины умели высветлять волосы и до Рождества Христова. Блондинка или брюнетка, румынка или цыганка – это для короля, похоже,

не имело значения. Не только седина закралась в его длинную бороду, но и бес вместе с ребром задел другие жизненно важные органы. По воле случая и гормональных мужских изменений девица наилучшего поведения превратилась в стабильную содержанку не самого последнего европейского короля, хотя и тайную, ибо некоторая часть монаршего мозга продолжала функционировать. Ему хватило выдержки не селить куртизанку в собственном дворце этажом выше своей спальни, как когда-то поступил русский император Александр II. Правда, царская Катенька была все же благородных кровей, в отличие от парижской Леопольдовой мамзельки.

Мамзель всюду сопровождала своего высокого покровителя, но скрывалась от посторонних глаз. Чтобы хоть как-то улучшить родословную панельной девушки, король пожаловал ей титул баронессы Воган, но не перевел на легальное дневное положение. То ли у Леопольда днем было много дел, то ли его мучила бессонница, но для свиданий с новоиспеченной баронессой он оставил для себя исключительно ночные часы. В конце концов, подустав от отелей и игры в прятки, Леопольд решил перенести тайную интимную жизнь подальше от любопытных глаз столичного общества и истеблишмента. Он выбрал Лазурный Берег, куда частенько наезжал поразвлечься в Монако, решив, что полуостров Кап-Ферра идеально подходит для уединения. На склоне Приморских Альп, между Вилфраншем и Болье, лично для себя он выстроил виллу «Леопольда», а внизу, у моря, для возлюбленной содержанки Делакура обустроил жильё, где проводил с ней каждую свободную минутку темного времени суток. Ночью, как известно, все кошки серы, а молодые женщины красивы, поэтому король называл

свою любовницу исключительно *très belle* («очень красивая»). При луне Леопольд наверстывал упущенное в многолетнем династическом браке и предавался маленьким плотским радостям.

Доподлинно неизвестно, чем уж так пленила короля юная парижская путана. Может быть, она была веселой шалуньей, дергала дедушку Леопольда за седую бороду или плела из нее косички. При этом хихикала и говорила глупости, а он млея, баловал малышку подарками и чувствовал себя рядом с ней бравым молодцем. Монарха не смущало, что мамзель была ровесницей его младшей внучки. С другой стороны, может быть, сей факт все же останавливал его от совсем уж необдуманных поступков и ему не хотелось слышать шепот зловерных смешков по поводу возрастных и социальных различий.

Как бы там ни было, слухами земля полнилась, и тайная связь короля с малолеткой легкого поведения стала пресловутым секретом Полишинеля. Поговаривали, что новоиспеченная баронесса родила от Леопольда двух мальчиков, одного прямо на вилле «Les Cèdres». Впрочем, Леопольд детишек своими не признал. Недоброжелатели намекали, что мадемуазель Делакура украдкой делала ложе не только с королем, но и с бывшим своим парижским сутенером, так что было не очень понятно, кто реальный отец мальчуганов. Подсказка появилась после кончины монарха. Незадолго до смерти король сделал две важные вещи – одну для государства, а вторую лично для себя: Бельгии он передал контроль над Конго, а сам за четыре дня до ухода в мир иной узаконил отношения с Бланш Зели Жозефиной Делакура, вступив с ней в официальный брак. Естественно, что сей морганатический союз монаршьи родственники поспешили не признать и, несмотря на распоряжения Леопольда, часть

завещанной собственности у вдовы отобрали. Таким образом, обе лазурийские виллы вернулись в казну. Что касается безутешной баронессы, то она вскоре вышла замуж за того самого сутенера, который внебрачных детей усыновил и дал им свою фамилию. Дальнейшая судьба Золушки с панели теряется в бурном двадцатом веке, зато хорошо известна история Леопольдовых вилл. Во время Первой мировой войны новый бельгийский король Альберт I (племянник покойного) отдал распоряжение передать виллы под военные госпитали. В дальнейшем и «Леопольда», и «Les Cèdres» были проданы. Они меняли владельцев, но и по сию пору остаются в большой цене.

Гектары короля Леопольда постепенно расходились по рукам и застраивались. Из-за трех из них между королем и баронессой Ротшильда разыгрался скандал. Он не желал ей уступать, но в конце концов Беатрис победила. Ее участок в 10 га располагается выше виллы «Les Cèdres» и смотрит тремя сторонами из четырех на Лазурийское море. Своей земли баронессе хватило и на дом типа «дворец», и на прекрасно спланированный парк. В нем уживаются девять тематических садов с самыми разными растениями. У каждого сада своя стилистика – здесь и флорентийский, и японский, и испанский... Сильнейшее впечатление производит так называемый французский сад. В нем каждые двадцать минут ненадолго включается фонтан, да не простой, а музыкальный. Имеются в парке и пруд с экзотическими кувшинками и золотыми рыбками, и бесконечные ухоженные тропинки, по которым растекается нескончаемый поток посетителей. Каждый купивший входной билет может рассчитывать на впечатления и отдых от них – скамеек и беседок в парке хватает на всех.

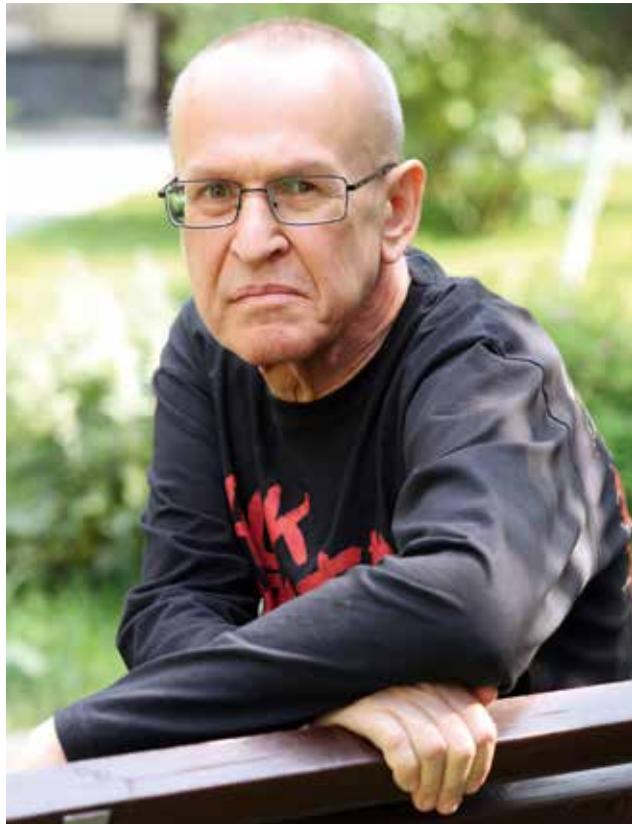
Вилла позаботилась и о жаждущих, и об оголодавших. Для них в бывшей столовой баронессы работает пункт общепита, где можно чаю-кофию выпить и перекусить влегкую. К напиткам и еде прилагается шикарный вид на бухту Муравьев. Восстановив силы физические, можно продолжить знакомство с домом-музеем. Здесь есть на что посмотреть: картины, фарфор, мебель, богатые интерьеры. Все дышит роскошью и намекает на то, что хозяйка денег не пожалела.

На постройку виллы также было истрачено немало средств. Отдаленно она напоминает дворец времен итальянского Возрождения с налетом разных других эпох и стилей – этакая эклектическая мешанина. В результате получился архитектурный шлягер времен «Belle époque». Популярность музея растет год от года, ибо народу нравится красивая богатая жизнь, пусть и чужая. Слушая про неудавшуюся личную жизнь баронессы, люди ей сочувствуют. Сознание, что «богатые тоже плачут», примиряет их с материальным неравенством: состоятельным неудачникам можно и посочувствовать, а завидовать необязательно. Тем не менее несчастливая баронесса Беатрис Эфруси Ротшильд на пару с королем Бельгии Леопольдом II стали теми знаменитыми представителями сильных мира сего, кто заложили первый камень баснословного будущего Сен-Жан-Кап-Ферра. Благодаря им полуостров поднял флаг престижа, и под знамена гламура устремились состоятельные люди со всего мира. Их процентное соотношение по национальному признаку менялось подобно направлениям высокой моды: то итальянцы лидировали, то англичане, то увеличивалось количество американцев, то русских и русскоговорящих, то выходцев из арабских стран.

Продолжение следует

Я ПОМНИЛ ТО, ЧТО СТАЛО ЗАЗЕРКАЛЬЕМ...

Представляем вниманию читателей подборку новых произведений поэта и эссеиста Евгения ЧИГРИНА, автора четырнадцати книг стихотворений, лауреата многих литературных премий, в том числе Горьковской литературной премии (2014), премии «Золотой Дельвиг» (2016), Международной литературной премии им. Эрнеста Хемингуэя (2021)

Евгений Чигрин

Фото: Юрий Феклистов

Несытое солнце смотрело на сытые розы,
И маятник жизни качался у Бога в руках,
В саду просыпались от счастья незрячие осы...
Весна закрывалась: богиня весны при ключах

Стояла, курила воздушно. Веста ли, Флора?
Неважно. Рассмотрим потом, а когда, не скажу...
Казалось, что в воздухе рядом звучит радиоло:
Фокстрот довоенный, далекий, как остров Шумиу.

Никольский собор отражение рая старался
Запомнить на память... некрепкое солнце тепло
Никак не включало... Прохожий фастфудом питался,
А облако в реку легло, точно Божье тавро.

Вздыхала река. И рыбак разговаривал с сладкой
Такой голубой и оранжево-красной с боков,
Шел кот Барбарис с ослепительно-стильной красоткой
На зависть прибрежных, влюбленных в себя воробьев.

Весна уходила, теплом не насытив, и Флора,
Почти докурив, усмехнулась, смахнула мираж,
В котором играла, шипя под иглой, радиоло
Фокстрот довоенный, а может быть, траурный марш.

Уроборос

Так долго розовели облака,
Тянулась к жизни детская рука
И ангел рефлексировал. Серьезно?
Не потому ли мальчик в старика
Так быстро превратился: у виска
Крутить не надо. Осень смертоносна

По всем характеристикам... Вчера
Листья ольхи, как в музыке, сошла
С текучих рук, шумы послала в космос.
И про себя всплакнул бродячий пес,
Заметив, что три молнии пронес
В кашине грозы змеюка Уроборос.

Тот самый, что пытается сожрать
Свой гибкий хвост, кому весь мир – кровать,
Кто все про обновление смерти-жизни
До капли знает. Как ему не знать:
Все знания в него вдохнула мать,
Другие змеи Уро ненавистны.

Так вот: цикличность жизни и т.д.
Стал мальчик стариком, теперь везде
Он видит только прошлое и ради
Какой-то милой привлекает сны.
Морфей их знает, как они смешны:
Когда у них все ночи в шоколаде.

Когда над ними Уроборос, но –
Они его не видят, не кино,
Не басенная книга о животных.
Объятья. Осень. Там мы или здесь?
Миры перемешались? Хаос. Смесь.
... Мерцают огоньки в местах болотных.

Недоверчивые очки

Не призрак твой, а сам ты на пустых
Ногах стоишь, забытый ипохондрик,
Стоишь и видишь в облаках гнилых
Чудовище, а рядом доильный чертик, –
Химеры в недоверчивых очках.
Опять не те напялил, старый мальчик?
Внутри тебя в неприбранных садах
Блуждающий огонь зажег сигнальщик.
А вслух ты говоришь: «Теперь я где?»
Махни рукой, всплахни над «Незнакомкой»,
Что стала крысой при другой звезде,
Белиберде и музыке незромкой,
Что скомкана была... В твоих глазах
Та пустота, что видится погосту...
Смахни слезу, метафору, а страх
Нам скоро будет, милый, не по росту.
Опять ты с аллегорией? А как
Придуркам нежным втолковать живое?
Не призрак твой, а сам ты в облаках,
Какое небо высмотрел – шестое?
Тут что к чему? Да я и сам зачем?
Сомнамбулы со мной гуляют рядом.
У каждой лунной есть смешной никнейм,
Равно клеймо под желтым маскхалатом.
Ну, вот и все. А что еще, старик?
Палата № 6 не на ремонте?
В тебе двойник безбашенный возник, –
Ты слышишь, он прочел «Из Пиндемонта».

Найденное

Поплатишься за дружбу с Бафометом,
За телеграммы сатанинским метром,
Написанные найденным пером.
Кто говорит? Костлявая на крыше?

Тот змей, что к Еве подбирался ближе? –
Ее сестру затискивал тайком.

В гниющих пнях и под камнями лето
Осталось где-то... Все, что в форме бреда
В мозгах перекрутилось. Бафомет
Всю ночь в тебе тряс кумполом козлиным
И похвалялся миллионным сыном,
Шутил похабно и сумил не смерть,

А что-то третье между тьмой и светом...
Показывал, как страх бежит по клеткам –
По нервным? Да. Включал огонь в глазах
Блуждающий, по цветку серой крысы,
Давал глотнуть безвестной марки виски,
Курил сомнамбулический табак.

Там, в этом «третьем», жизнь другого сорта,
Другая будет у тебя обертка,
Машина-сердце, только и всего.
Махнул рогами Зверь – огни сверкнули,
Из сотен ружей вылетели пули,
Сцепились скалы, сделалось мертво.

А что там дальше? Я не помню, право,
Со всех сторон надвинулась орава
Несытых монстров, наджих до расправ.
Все стало вопросительней, чем было:
Теперь внутри врага моя квартира,
В которой я живу без всяких прав.

Зевает парк алмазным февралем,
Смуцаются слова и дышат снегом,
Их след остался в воздухе пустом,
Он, безусловно, виден божьим цехом.
Все это там, где все по существу...
Все это там, где нам еще не место,
Где нет скелета в модульном шкафу:
Порой ужасным пахнет в доме бездна...
А в парке призрак мается, чтоб тут
Я помнил то, что стало зазеркальем,
Внутри меня течет такой абсурд,
Что даже в сновиденьях нелегален.
Сжигает Гоголь то, что должен сжечь,
Разворошив полтавское подполье...
Все шатко там: иллюзий не сберечь,
Когда они в бесцветном ореоле –
Ты видишь – распадаются... И все?
А что тебе еще, карась минорный?
Туда твое доедет колесо,
Куда давно взирает ворон черный.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: ВОЙНА С ТУРЦИЕЙ 1877–1878 ГОДОВ

Решив не усложнять обстановку, русское правительство остановило свои войска в Сан-Стефано, в 12 верстах от Константинополя

ТЕО ГУРИЕЛИ

Граф П. А. Шувалов. Портрет работы Франца Крюгера. 1850

В конце марта 1877 года протокол, подписанный в Лондоне шестью державами об условиях прекращения Балканской войны, был официально представлен Османской империи. Спустя две недели султан его отклонил.

Объективных причин на то было две. Первая – султан был убежден, что Англия его не бросит. Вторая – турки помнили, что осенью 1876 года им удалось создать шестикратное превосходство над сербами и русскими добровольцами, в результате чего объединенные силы славян оказались на грани поражения. Поэтому в Порте были убеждены, что и на этот раз все сложится в ее пользу.

Но все пошло не так. Уже 13 апреля император Александр II объявил о мобилизации еще семи дивизий и отправился в Кишинев, где тогда находилась Ставка Верховного главнокомандующего. Он дал туркам десять дней на обдумывание

и 24 апреля 1877 года подписал манифест, в котором объявил Турции войну. Два месяца российская армия готовилась к сражениям на балканском театре, а затем начала выдвигаться в зону будущих действий.

Британский премьер-министр Бенджамин Дизраэли, получивший в 1876 году титул графа Биконсфилда, хотел было бросить России вызов захватом турецких проливов, но, к его удивлению, наиболее влиятельная часть британского кабинета и истеблишмент в целом этот план не поддержали. Пришлось ограничиться всего-навсего нотой, которую министр иностранных дел лорд Дерби вручил русскому послу Петру Шувалову.

В этой ноте говорилось следующее: Англия не может допустить, во-первых, блокады Россией Суэцкого канала, что, понятно, отрежет ее от Индии; во-вторых, считает немыслимой оккупацию Россией Египта, хотя бы только на время войны, и, в-третьих, не допустит захвата Константинополя и, соответственно, изменения статуса проливов.

Шувалов, получив эту ноту, пришел к выводу, что Англия вот-вот вступит в войну. Он не нашел ничего лучшего, как тут же отправиться в Петербург, чтобы поставить императора в известность о таком развитии событий.

Почти все западные историки полагают, что, услышав сообщение Шувалова, и Александр II, и его окружение стали сразу же думать о том, как выйти из сложившейся ситуации с минимальными потерями. На самом деле ситуация была прямо противоположной. Почти два десятилетия, прошедшие со времен Крымской войны, Александр II провел в постоянных консультациях со своими генералами и учеными, серьезно изучавшими теорию ведения современной войны, особенно в ее западноевропейской трактовке. В России были разработаны планы

наступательных операций с использованием относительно небольших, но высокоманевренных соединений, включающих различные рода войск и использующих глубокие охваты и проникновение крупных тактических групп в тыл противника. Уже к концу 1876 года российская армия была сильнее любой западноевропейской.

Параллельно с планированием подобных военных операций велась большая дипломатическая работа: Россия устами своих послов и посланников убеждала англичан, что ни Суэцкий канал, ни Египет ни в коей мере не интересуют ее и что основная проблема заключается в антироссийской позиции Константинополя и в статусе проливов. Очередная гениальная идея министра иностранных дел Российской империи Александра Горчакова заключалась в том, чтобы представить эту проблему миру как проблему общеевропейскую. Эта идея была гениальна, во-первых, потому, что Россия, выдвигая ее, как бы обязывалась не решать ее единолично, без согласия других держав, а во-вторых, как бы обращала внимание европейских держав на то, что в быстро меняющемся мире любая из них может оказаться в той же ситуации, в какой находятся в данный момент Россия и другие славянские страны, лишённые права на судоходство в Средиземноморье.

Тем временем на фронтах новой войны происходили важные события. Элитные части российской армии уже были переброшены на турецкий фронт, а в передовые части прибыли сотни современных нарезных орудий. Значительно увеличены были и русские войска на австрийском направлении.

В Англии передвижения российской армии вызывали беспокойство. И хотя английский флот находился относительно недалеко от Порты, английский кабинет, с присутствием его членам политической

хитростью, сразу решил натравить на Россию Австро-Венгрию. 19 мая 1877 года лорд Дерби начал широкую дипломатическую кампанию по вовлечению Австро-Венгрии в войну. Общий план его был такой: Англия вводит свой флот в проливы, а Австро-Венгрия наносит мощный удар своими силами по тылам русской Дунайской армии.

Заметим, что для Англии риск был минимальным: сражений между английским флотом и флотом России быть не могло уже по той простой причине, что в конце Крымской войны союзники вынудили Россию подписать отказ от своего Черноморского флота. Но морские силы у России все же были: небольшие и быстроходные минные катера.

Австрия могла на начальном этапе своего наступления надеяться на некоторый успех, так как войска Дунайской армии оказались бы «между молотом и наковальней»: с одной стороны были бы австрийские войска, а с другой – турецкие. Но в австрийском генеральном штабе сидели не дураки и все понимали: такая ситуация складывалась бы только на начальном этапе, а потом австрийцам пришлось бы воевать с основными силами сухопутных войск России! Советники австрийского императора подсказали ему, что даже предлагаемая англичанами мобилизация в Австро-Венгрии может вызвать увеличение российского военного потенциала на ее границе и что последствия могут оказаться непредсказуемыми. В итоге, осознав эту угрозу, в Австрии предложили англичанам разрабатывать совместные планы политического решения российско-турецкого конфликта, но дали понять, что в войну они ввязываться не будут.

Пока шла серия дипломатических консультаций между западными державами, турки больше всего надеялись, что эти державы их в очередной раз выручат,

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. «Переправа русской армии через Дунай у Зимницы 15 июня 1877 года». 1883

а потому широких действий на фронте не предпринимали. Но Александр II и его генералы понимали, что России противостоит вся Западная Европа и избежать вооруженного вмешательства союза западных держав на стороне Турции будет возможно только в том случае, если война продлится недолго и будет закончена в результате лишь одной военной кампании. Существует мнение военных историков, что ни в одной из русско-турецких войн фактор времени не играл такой важной роли, как в войне 1877–1878 годов.

Уже в конце 1877 года Александр II стало известно, что в Англии рассматривается вопрос о создании экспедиционного корпуса в количестве до 60 тысяч британских солдат и что на его подготовку и оснащение уйдет примерно три с половиной месяца. Еще около двух недель, возможно, займет его переброска. Словом, у России было не больше четырех месяцев, чтобы сломить сопротивление турецких войск на основных направлениях наступления. Следует обратить внимание на то, что в императорском генеральном штабе войну с Турцией считали неизбежной уже с середины 1876 года,

а к октябрю генералом Н. Н. Обручевым уже был составлен план этой войны. В начале следующего года на основании получаемых с Балкан сведений император, военный министр и главнокомандующий великий князь Николай Николаевич Старший внесли в него серьезные изменения. В мае 1877 года русские войска вступили на территорию Румынии. Сама Румыния выступила на стороне России, и с августа 1877 года ее войска уже действовали совместно с русскими. Немалую роль играло начавшееся с 1875 года русское

добровольческое движение, вызванное варварскими действиями турок в славянских районах Европы, особенно в Боснии и Сербии, и, в частности, их жестокостью по отношению к женщинам и детям. Среди русских добровольцев, отправившихся на фронт, были врачи Склифосовский, Боткин и Пирогов, писатели Гаршин и Гиляровский. На Балканском фронте в русских войсках было 185 тысяч человек. В противостоящих им турецких войсках было 200 тысяч, но половина из них размещалась в крепостях в виде местных гарнизонов.

На Азиатском фронте в Кавказской армии России также были внушительные силы: 150 тысяч человек при 370 орудиях. В турецкой армии Мухтара-паши – 90 тысяч человек и 200 орудий. К российским силам следует добавить поддерживающие их войска. На Балканском фронте на их стороне, помимо румын, выступали сербы и черногорцы, а на Кавказе – армянские и грузинские ополчения. Годы, проведенные по укреплению российской армии, не пропали даром. Если говорить о боевой подготовке и боевом обеспечении, то российская армия существенно превосходила теперь противника. Она, однако, уступала ему в вооружении пехоты: англичане позаботились, чтобы турецкие войска были вооружены новейшими английскими и американскими винтовками. Но зато русская артиллерия была намного сильнее турецкой: к началу 1877 года старые орудия были заменены намного более эффективными нарезными пушками и гаубицами. Реальные бои между русскими и турками начались тогда, когда в июне 1877 года Румыния разрешила русским войсками пройти через ее территорию и на нескольких участках форсировать Дунай. Это было непростой задачей: почти по всему течению Дуная действовала турецкая речная флотилия. Но задача ее нейтрализации была продумана русскими заранее. Везде, где русские собирались форсировать реку, были установлены минные заграждения, которые находились под защитой береговых батарей и отрядов снайперов. Помимо этого, по железной дороге были доставлены в зону действий минные катера. Легкость, с которой русские решали насущные военные задачи, все больше настораживала англичан. Они усиливали военные

приготовления, готовя в первую очередь транспортные корабли для перевозки английских войск в зону конфликта. И Шувалову, и его коллегам приходилось много раз повторять, что никаких попыток русских войск выйти к Северному Египту никогда не будет. Но Горчаков один лишь раз проявил некоторую непоследовательность, и это тут же сыграло на руку англичанам. Шувалову он велел заявить англичанам (для соответствующей передачи султану, разумеется), что Россия, так и быть, заключит с Турцией мир на вполне приемлемых для той условиях, если турки запросят мир раньше, чем русские войска перейдут Балканский хребет. Эти «приемлемые условия» были более выгодными для Турции, чем последний вариант требований Константинопольской конференции, в соответствии с которыми территория Болгарии должна была распространяться до самого Адрианополя и дальше, за Родопские горы. Теперь же Россия соглашалась на то, чтобы часть Болгарии стала автономией к северу от Балканского хребта. Что же касается интересов России, то она, в случае быстрого заключения мира, готова была удовольствоваться возвращением юго-западной части Бессарабии и уступкой ей Батума. 8 июня 1877 года Шувалов сообщил эту мирную программу лорду Дерби. Но почти в то же время Горчаков высказал британскому послу предупреждение, что при военной необходимости русские войска займут зону проливов. Дизраэли тут же заявил на заседании кабинета, что русские ведут двойную игру: турки подпишут с ними мир, а они все равно захватят проливы. И британское правительство отвергло русские предложения о мире. Раз разговор пошел о проливах, не говоря уже о Константинополе, любые предложения русских отвергались.

Н.Д. Дмитриев-Оренбургский. «Представление пленного Османа-паши Александру II в Плевне». 1887

Английская дипломатия ушла в глухую оборону.

Но вскоре выяснилось, что это была ошибка британского кабинета. 19 июля 1877 года 12-тысячный отряд генерала Гурко овладел Шипкинским перевалом. Отсюда русские могли начать наступление, непосредственно угрожающее турецкой столице.

Оно, однако, не началось: почти одновременно со взятием

Шипкинского перевала армия Османа-паши вошла в Плевну, что создавало серьезную угрозу правому флангу и коммуникациям русской армии. Весть об этом в Лондоне восприняли с удовольствием: война явно затягивалась, что было в интересах Англии.

Обрадовало это кое-кого и в Австро-Венгрии. Министр иностранных дел Андраши испытал прилив энтузиазма

и храбрости. Услышав, что русские войска находятся в сложном положении, он, забыв, что самолично провозглашал нейтралитет его страны, стал призывать ее правительство бросить войска в Румынию, чтобы перерезать линии коммуникаций российской армии. Однако его призыв был отвергнут, и в первую очередь генералами: они по-прежнему считали, что даже и в сложившихся условиях

война с Россией была бы катастрофой для Австро-Венгрии.

К осени потери турецких войск серьезно возросли, положение гарнизонов ухудшалось. К середине ноября армия Османа-паши была полностью окружена в Плевне и испытывала серьезный недостаток в провизии и боеприпасах. Вокруг Плевны располагалось плотное кольцо русских войск, число которых превышало

турецкие почти в четыре раза. Посоветовавшись с командирами частей, Осман-паша принял решение прорываться через кольцо окружения.

28 ноября, ранним утром, когда над городом висел густой туман, турецкая армия начала яростную атаку на противостоящий Гренадерский корпус русской армии. Но гренадеры выдержали главный удар, потеряв при этом более 1600 человек; они не отступили, а затем совместно с другими корпусами загнали турок обратно в крепость и вынудили армию Османа-паши капитулировать.

Еще одно поражение нанесли русские войска туркам в районе Шипки в декабре 1877 года, в результате чего основные силы турок на Балканском фронте были фактически разгромлены. Ситуация на фронте резко изменилась: туркам пришлось отправить резервы на Азиатский фронт, так что дорога на Константинополь была открыта.

Теперь снова настало время дипломатических усилий. Александр II велел высказать Германии и Австро-Венгрии свои соображения по поводу того, как он видит достижение мира в Европе. Согласно его проекту, предусматривалось образование болгарского вассального княжества в границах, намеченных Константинопольской конференцией; обеспечивалась автономия Боснии и Герцеговины с передачей их под управление

Австрии, если последняя признает это целесообразным. При этом гарантируется полная независимость Сербии, Черногории и Румынии; возвращение России юго-западной части Бессарабии, за что Россия готова будет передать союзной Румынии Добруджу, отторгнутую от Турции. Что касается Азиатского фронта, Россия желает присоединения к России Карса, Батума, Ардагана и Баязета. Кроме того,

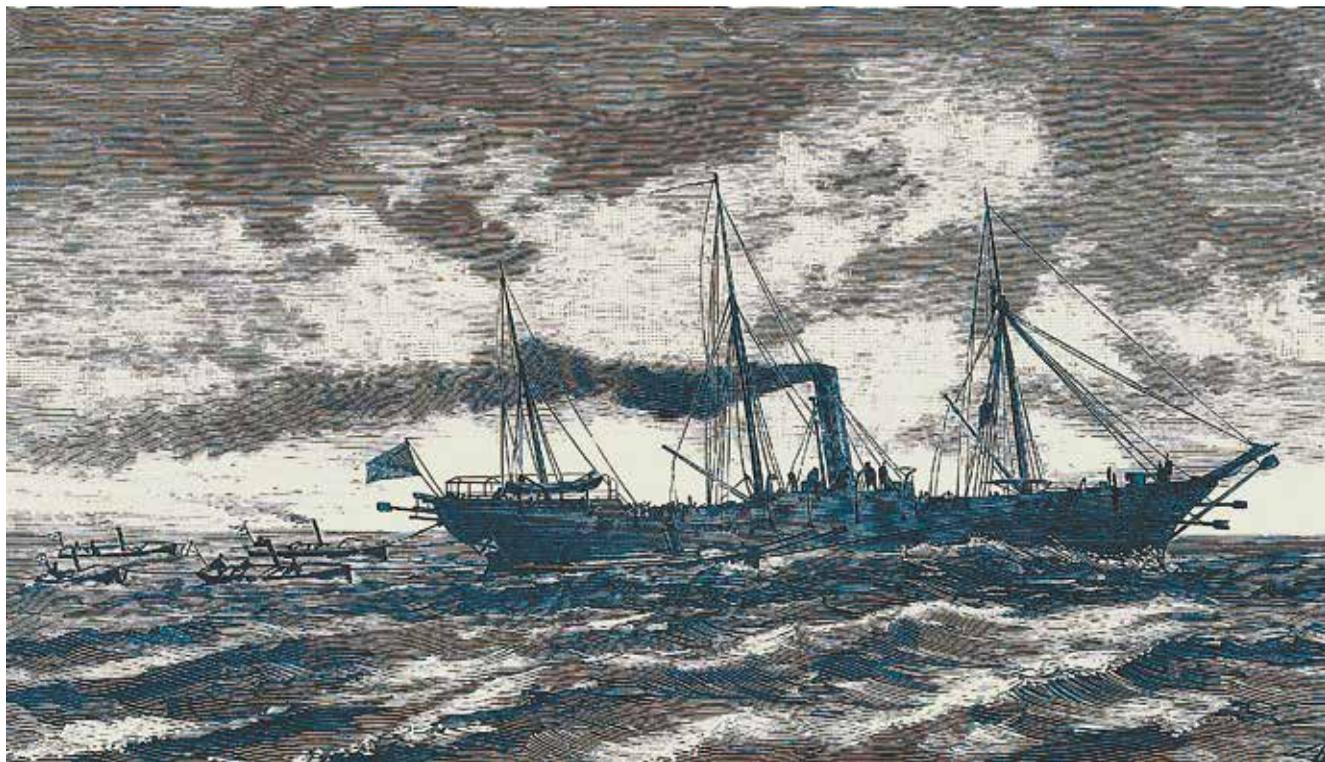
Россия объявляла, что потребует уплаты от Турции контрибуции.

Понимая, что европейские державы более всего заботит статус проливов, Россия предложила незначительное, по существу, изменение этого статуса: «прибрежные государства» Черного моря и, в частности, Россия получали в случае необходимости право проводить через проливы военные суда, но только поодиночке и всякий раз по специальному разрешению султана.

В Турции, где разгромленные европейские армии пытались добраться до своей территории, не потеряв остатков вооружения и снаряжения, царил паника, и там не придумали ничего лучшего, как начать шантажировать Англию. Султан угрожал, что согласится на требования России, если Лондон немедленно не выручит Порту. Шантаж возымел действие. 13 декабря 1877 года английское правительство предупредило Россию, что даже временная оккупация Константинополя русскими войсками вынудит британское правительство принять меры предосторожности. Впрочем, внутри английского кабинета продолжались споры, какими должны быть эти меры, не приведут ли они к большой войне. Забавно, что все члены кабинета были единодушны только в одном: в том, что в данный момент лучше всего бросить в костер войны Австро-Венгрии.

Английское предостережение не подействовало ни на российское правительство, ни на российских генералов. Ответ на него дал, как и полагалось, канцлер Горчаков, и ответ этот был угрожающим для Турции. В нынешних условиях, заявил Горчаков, Россия не может гарантировать, что ход военных действий не вынудит ее временно занять турецкую столицу.

На этот раз турки перепугались по-настоящему. 23 декабря султан

Военный пароход «Великий князь Константин» транспортирует малые минные катера

взмолился, чтобы англичане стали посредниками между Портой и Россией, и Лондон тут же уведомил об этом Петербург. Англичан и турок ждал унижительный ответ Горчакова: если Турция желает немедленно закончить войну, то пусть обращается с просьбой о перемирии прямо к главнокомандующему русской армией. Россия обеспечила себе дипломатическую победу: в послании из Петербурга говорилось, что перемирие будет обеспечено Россией только в том случае, если Турция возьмет на себя неперемное обязательство заключить с Россией мирный договор.

Англичанам, таким образом, пришлось получить от султана гарантию, что Порта выполнит такое обязательство. Дело шло к окончанию войны в Европе.

В то же время на Азиатском театре, как называли совокупность сражений на Кавказе и в северо-восточной Турции, ситуация

оставалась непростой для России. Хотя и грузинское, и армянское ополчения, как могли, помогали российским войскам, сложность рельефа местности благоприятствовала турецким силам. Тем не менее русским войскам удалось с помощью ополченцев взять Эрзерум. Армянское население восточных вилайетов Турции, особенно тех районов, где армяне составляли большинство, встречало русских как освободителей; местные жители организовывали отряды добровольцев, сражавшихся с турками.

Совершенно иначе складывалась обстановка в Грузии. Еще в мае 1877 года начался яростный мятеж в Абхазии, где местное население традиционно выступало за патронат со стороны Турции. Мятеж подогревали сотни турецких эмиссаров. Пользуясь сложившейся обстановкой, турки послали к берегам Абхазии мощную эскадру в составе пяти броненосцев и нескольких вооруженных

пароходов, которые начали обстрел русских крепостей и береговых батарей. Сухум турки подвергли ожесточенной бомбардировке, длившейся на протяжении более пятидесяти часов, а затем высадили крупный десант. Русским пришлось оставить Сухум, и к июню все черноморское побережье Грузии было в руках турок. Только в августе, когда русские полки подошли к Сухуму, турки из Абхазии эвакуировались. Но временная оккупация Абхазии турками резко изменила обстановку в Чечне и Дагестане, где началось восстание горцев. В итоге пришлось разместить в этих районах две русские пехотные дивизии и строить новые крепости.

Вся Европа, тем временем, ожидала просьбы Турции о перемирии. 8 января 1878 года она была наконец передана русскому главнокомандующему, великому князю Николаю Николаевичу. Начались переговоры, а пока они велись,

русские войска, встречая лишь слабое сопротивление, приближались к Константинополю.

Сообщения о быстром продвижении русской армии привели к тому, что 23 января английский кабинет принял решение об отправке британского флота в проливы. Лорд Дерби, который лучше других понимал, к чему это может привести, подал в отставку. Но, видимо, и сам Дизраэли осознал возможные последствия собственного решения и послал адмиралу Джеффри Хорнби новый приказ: вернуться в Безикскую бухту. Лорд Дерби немедленно вернулся на свой пост.

Члены кабинета долго гадали, чем было вызвано скоропалительное решение премьера. Сошлись на том, что этот шаг был вызван его желанием побудить к действию Австро-Венгрию, и он в этом преуспел. Андраши и его единомышленники тут же приняли все английские предложения выступить вместе за проведение международной конференции, на которой условия русско-турецкого мира будут рассматриваться всеми сторонами в их совокупности, чтобы обеспечить «общеευропейские интересы».

Один козырь в рукаве у австрийцев был. Они собирались дать русским дипломатам бой на том основании, что Россия старается сделать из Болгарии большое славянское государство, между тем как Рейхштадтское и Будапештское соглашения исключали формирование такого государства.

А шумиха в британском истеблишменте только нарастала. В повестке заседаний английского кабинета, который ежедневно обсуждал положение в Турции, был только один вопрос: как остановить русские войска. Королева Виктория писала Дизраэли, что, будь она мужчиной, она непременно отправилась бы на Восток, чтобы

уничтожить русских. Дерби снова связался с Андраши и спросил: не подумает ли Австрия мобилизоваться хотя бы сейчас? Самого Андраши, как известно, можно было и не спрашивать, но австрийские генералы воевать с русскими явно не хотели и посоветовали ему снова отказаться, найдя для этого серьезный предлог. Министр не нашел ничего лучшего, как объяснить свой отрицательный ответ тем, что мобилизация потребует огромных затрат, а у страны сейчас большие трудности с финансами...

А русские войска продолжали двигаться к Константинополю. Пока турками не было подписано перемирие, российские гренадеры спокойно вывозили из турецких крепостей немецкие и английские пушки. Все активнее действовали на Черном море российские минные катера. В ночь на 26 января 1878 года минные катера, транспортируемые вооруженным русским пароходом «Великий князь Константин», осуществили первую в истории мирового флота успешную торпедную атаку: потопили на Батумском рейде турецкий военный пароход.

Успехи русской армии и флота были очевидны, но и император, и его окружение сознавали, что продолжать войну, в которой, как было ясно, России придется воевать против двух великих держав, сейчас нельзя. В армии имелись серьезные потери, было израсходовано огромное количество боеприпасов, снаряжения и провизии; финансовое положение страны осложнилось. И правительство Александра II объявило, что Россия согласна передать на обсуждение международного конгресса условия будущего мирного договора. Ключевым вопросом являлся, само собой разумеется, вопрос о проливах.

Опасность столкновения с Англией сохранялась, и из Петербурга пришел приказ

главнокомандующему: в случае принятия турками условий перемирия не пытаться оккупировать турецкую столицу, остановиться под ее стенами и ни в коем случае не вторгаться в Галлиполи.

31 января 1878 года турки письменно согласились на условия перемирия. В одном из них говорилось, что русские войска могут временно оккупировать Чатаалджи и Булаир. Русские войска, которые еще не дошли до этих населенных пунктов, естественно, продолжали движение и после принятия турками условий перемирия. Именно это привело английский кабинет в состояние полной экзальтации: там решили, что русские, несмотря на перемирие, собираются взять Константинополь. Наступил самый напряженный момент в истории русско-турецкой войны.

Англичане давно лелеяли мечту захватить проливы и расположить свой флот вокруг Константинополя: этим раз и навсегда решалась проблема контроля англичанами и проливов, и Черного моря. Еще в августе 1877 года Дизраэли писал английскому послу в Порте: «Хотел бы видеть наш флот во внутренних водах Турции и переход Галлиполи в наши руки в качестве материальной гарантии». Сейчас же эта мечта была близка к осуществлению: препятствием была только Россия...

Шовинистическая пропаганда все больше приобретала в Англии характер истерии. Чтобы поскорее успокоить общественность, кабинет 8 февраля снова отдал приказ адмиралу Хорнби идти в Дарданеллы. Адмиралу сообщили, однако, что английский посол предварительно должен получить согласие султана на проход английских судов через проливы. В Чанаке флот стал на якорь в ожидании сообщения от посла. Время шло, а сообщение все не приходило. Тогда адмирал Хорнби приказал флоту вернуться

в Безикскую бухту. А сообщение не приходило потому, что султан не осмелился пропустить британский флот к Константинополю. Русский главнокомандующий угрожал: если британский флот захватит проливы, русские войска тут же войдут в турецкую столицу.

Непонятные и странные для наблюдателей перемещения британского флота стали предметом насмешек. На здании английского посольства в Константинополе кто-то даже прикрепил объявление: «Между Безикой и Константинополем потерян флот. Нашедшего ожидает вознаграждение».

12 февраля адмиралу Хорнби опять прислали приказ двинуться в Мраморное море, пусть и без разрешения султана. Флот прошел через Дарданеллы и спустя три дня стал на якорь у Принцевых островов, но пробыл тут недолго: султан попросил, чтобы флот отошел подалее, к азиатскому побережью Мраморного моря.

Теперь Англия и Австрия прибегли к демаршу: их правительства заявили, что отзовут своих послов из Петербурга и вообще разорвут дипломатические отношения с Россией, если русские войска не остановятся. Русское правительство решило не усложнять обстановку и остановило свои войска в Сан-Стефано, в 12 верстах от Константинополя, на берегу Мраморного моря.

Здесь 3 марта 1878 года и был подписан русско-турецкий мирный договор. Вести переговоры с турецкой стороной был уполномочен граф Николай Павлович Игнатьев, бывший посол в Турции и один из наиболее влиятельных российских дипломатов того времени. Он был твердым великодержавником, сторонником наступательной стратегии в российской мировой политике, а потому условия мира, которые он выдвинул Порте, были для нее совсем непростыми.

Сан-Стефанский договор предусматривал существенное расширение территории Болгарии по сравнению с границами, установленными Константинопольской конференцией конца 1876 – начала 1877 годов. По новому договору болгарам передавалась довольно значительная часть Эгейского побережья. При этом турецкая армия утрачивала право находиться на территории Болгарии.

Для английского правительства это условие договора было абсолютно неприемлемым: ведь, включив Болгарию в сферу своих интересов, Россия фактически становилась средиземноморской державой! Кроме того, новые границы Болгарии проходили бы совсем недалеко от Константинополя, и он (а соответственно, и проливы) мог в любое время оказаться под угрозой удара русской армии, действующей с болгарского плацдарма.

Крайне неудобен был Сан-Стефанский договор и для Австро-Венгрии. В Рейхштадтской конвенции, а также в Будапештской конвенции от 13 января 1877 года Россия согласилась, что на Балканах не будет большого славянского государства, и, чтобы исключить его создание, Константинопольская конференция разделила в своем проекте Болгарию на две части по линии, параллельной меридиану. Западная Болгария должна была оставаться в сфере австрийского влияния. Игнатьев не пожелал считаться с параграфами прежних конвенций. Он добивался того, чтобы Болгария стала единым государством, располагавшимся на большей части Балканского полуострова.

По условиям Сан-Стефанского договора, Черногория, Сербия и Румыния становились абсолютно суверенными государствами, России возвращалась юго-западная часть Бессарабии, Румынскому

княжеству передавалась Северная Добруджа. России также передавались Карс, Ардаган, Батуми и Баязет. Небольшие территориальные приобретения делала Сербия.

Сан-Стефанский договор не устраивал ни одну западно-европейскую державу. Все они были настроены против России, так как считали, что в итоге больше всего выигрывают она и союзные с ней славянские страны. Стоило ожидать, что Англия и Австрия скоро выступят единым фронтом.

6 марта Андраши сделал официальное предложение о созыве общеевропейского конгресса для обсуждения всех условий мира между Россией и Турцией, а не только статуса проливов. В известном смысле он использовал более раннее предложение самого Горчакова, и теперь Россия отказаться от созыва конгресса уже не могла. К тому же отказ грозил ухудшением международной обстановки для России и, вероятно, масштабной войной с Австрией и Англией. Это было особенно нежелательно в силу того, что Германия, которая ранее всячески подстрекала российского императора начать с Турцией войну, теперь от поддержки России отошла. Бисмарк стал разыгрывать из себя миротворца. Он усердно советовал России согласиться на созыв конгресса.

Граф Игнатьев разгадал его игру: Бисмарк, с одной стороны, пытался уменьшить, насколько это возможно, выгоды и приобретения России, а с другой – надеялся, что германская дипломатия сможет в ходе конгресса кое-что урвать и для Германии. Немаловажную роль сыграл в созыве конгресса и Дизраэли: он проявлял невиданную активность в военных приготовлениях, которые в большинстве случаев были постановочными действиями, – и все для того, чтобы убедить российскую сторону, что он готов воевать с Россией.

Эдвард Стенли, 15-й граф Дерби, и его супруга

Теперь русскому правительству не оставалось ничего другого, как примириться с неизбежностью проведения конгресса. Главнокомандующий Балканской армией великий князь Николай Николаевич и главнокомандующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич, военный министр Милютин, министр финансов Рейтерн, да и сам Горчаков, – все они считали дальнейшую войну нецелесообразной и всячески это декларировали. Но Дизраэли не унимался: он продолжал агрессивную риторику, призывал накапливать оружие для будущих сражений. В знак протеста против выступлений такого рода лорд Дерби вторично ушел в отставку.

Уход лорда Дерби с поста министра иностранных дел был крайне огорчителен для России. Опытный

и дальновидный политик, он долгое время сдерживал агрессивность Дизраэли в отношении России. С симпатией относилась к России и леди Дерби. То была женщина передовых взглядов и широкого кругозора. Она переписывалась с Чарльзом Дарвином, герцогом Веллингтоном, с известным театральным режиссером и актером Генри Ирвингом. Русский посол граф Шувалов был в числе ее друзей.

Пост министра иностранных дел занял лорд Солсбери. Он был трезвым политиком, и ему были чужды агрессивные планы Дизраэли. В свое время он даже высказал мысль, что, «поддерживая Турцию, Англия ставит не на ту лошадь». В сущности, он был сторонником соглашения с Россией, но в атмосфере русофобии, в которой

в то время пребывали и английский кабинет, и весь истеблишмент, лорд не мог избежать антирусской риторики. Шувалов, разумно оценивая ситуацию, нашел верный тон в общении с ним: он прямо спросил Солсбери, каких же изменений в Сан-Стефанском договоре требует Англия. Так было найдено удобоваримое решение: начались русско-английские переговоры. Они завершились 30 мая 1878 года подписанием англо-русского соглашения. По этому соглашению Болгария отодвигалась от Константинополя за оборонительную линию Балканского хребта. Англия обязывалась не возражать против передачи России Батума и Карса и против возвращения ей Бессарабии.

Но Дизраэли не был бы собой, если бы английский кабинет не подписал бы еще одно соглашение:

Желтым цветом отмечены территории на Балканах, потерянные Османской империей по итогам Русско-турецкой войны 1877–1878 годов

с Турцией. В нем англичане обещали султану, что, если Батум, Ардаган и Карс станут частью территории России, Англия обязуется «силой оружия» помочь султану защищать азиатские владения Турции против всякого нового посягательства России.

Это значило, что Порта прощалась с выше-названными землями, но получала обещание английского вмешательства, если Россия захочет большего. То был классический пример английского покровительства, которое граф Игнатъев назвал «платоническим». Но это еще не все. Помощь англичан, даже та, которую они обещали в будущем, была далеко не бескорыстной. Вот что говорилось далее в соглашении: «Дабы предоставить Англии возможность обеспечить условия, необходимые для выполнения ее обязательств, его императорское величество султан соглашается предоставить ей оккупацию и управление островом Кипр». Правда, в случае если Россия вдруг возвратит Турции Карс и другие свои приобретения в Армении, англичане обязывались эвакуировать свои войска с Кипра. Но, как мы знаем, Карс сегодня в Турции, а английские военные базы по-прежнему на Кипре...

Для ответа на эти условия соглашения

англичане дали султану 48 часов; иными словами, Турции был предъявлен ультиматум. 4 июня Кипрская конвенция была подписана. Но вот как любопытно складывалась ситуация вокруг Кипра спустя недолгое время. После совещаний со своими дипломатами и генералами султан все же отказался издать фирман об уступке Кипра англичанам. Но их никогда не смущали такие мелочи: они оккупировали остров и без всякого фирмана. Султану ничего не оставалось, как задним числом издать фирман «о добровольной передаче острова».

6 июня 1878 года представители Англии и Австрии подписали соглашение об общей позиции на предстоящем конгрессе. Она заключалась в том, чтобы не допустить расширения болгарской территории южнее Балканского хребта и ограничить срок русской оккупации Болгарии шестью месяцами. И конечно, Англия обещала помочь Австро-Венгрии завладеть Боснией и Герцеговиной.

Конгресс открылся 13 июня 1878 года в Берлине. Председательствовал на нем в качестве хозяина Бисмарк. В числе участников были Дизраэли, Солсбери, Андраши, Горчаков и Шувалов. Представители балканских государств были на конгрессе допущены только в качестве наблюдателей.

Кстати, к представителям балканских государств и Турции Бисмарк относился с нескрываемым презрением. Турецким делегатам он сразу заявил, что судьбы Турции ему достаточно безразличны. Если же он и тратит свое время на конгрессе в летнюю жару, то делает это только ради предотвращения конфликтов между великими державами. Он сокрушался, сколько энергии уходит на обсуждение судьбы Ларисса, Трикала и других балканских городов.

В англо-русском соглашении от 30 мая границы Болгарии были

определены, но лишь в общих чертах. Однако стратегическое значение балканских перевалов было столь велико, что каждая деталь вызывала ожесточенные споры. Дебаты шли и по поводу прав султана в южной части Болгарии, расположенной к югу от Балканского хребта. В конце концов было решено образовать здесь автономную провинцию Оттоманской империи. Название ей дали такое: Восточная Румелия.

Разногласия по поводу статуса Восточной Румелии и судьбы Софийского санджака настолько обострились, что Дизраэли даже заказал себе экстренный поезд, намереваясь покинуть конгресс. Тут пригодилось посредничество Бисмарка, который хотел остаться в истории миротворцем европейского уровня. В конце концов англичане согласились на передачу Софийского санджака Болгарии; взамен султан получил право вводить войска в Восточную Румелию. Срок русской оккупации Болгарии был установлен в девять месяцев, но за Россией осталось право организовать правительственную власть в Болгарском княжестве.

Австро-Венгрия легко добилась на конгрессе права оккупировать Боснию и Герцеговину. Англия и Германия, естественно, поддержали Австрию, а Россия не могла отказаться от своих обязательств, принятых еще по Будапештской конвенции 1877 года. Турция возражала, но ее никто слушать не собирался. Италия пожелала получить «компенсации» за усиление Австро-Венгрии, но претензии итальянских дипломатов высмеяли, напомнив, что итальянцы не раз делали территориальные приобретения после страшных поражений. «На каком основании итальянцы требуют себе приращения территории? Разве они опять проиграли сражение?» – остроумно заметил один русский дипломат.

Англичане попытались оспорить русские территориальные приобретения. В англо-русском соглашении 30 мая говорилось, что Россия займет Батум, и Дизраэли с Солсбери начали утверждать, будто они не давали согласия на присоединение Батума, а согласились лишь на его временную оккупацию. В обмен за уступку в этом вопросе они требовали согласия России на английское толкование статуса проливов, стараясь добиться для английского флота доступа в Черное море. Солсбери объявил, что принцип закрытия проливов, установленный конвенциями 1841 и 1871 годов, носит характер обязательства держав перед султаном. Следовательно, это обязательство отпадает, если сам султан пригласит в проливы тот или иной флот. Со стороны русской делегации такое толкование встретило решительный отпор. Шувалов выступил с декларацией, в которой заявил, что обязательство о закрытии проливов державы приняли не только перед султаном, но и друг перед другом. Кончилось все тем, что Батум, а также Карс и Ардаган были отданы России (Баязет остался за Турцией). Конгресс оставил в силе постановление Сан-Стефанского договора о Бессарабии, Добрудже и независимости Черногории, Сербии и Румынии.

13 июля конгресс закончил свою работу подписанием Берлинского трактата, заменившего собой Сан-Стефанский договор. Турция была явно проигравшей стороной: она лишилась многих земель, а ее «защитники» Англия и Австрия без единого выстрела захватили: одна – Кипр, а другая – Боснию и Герцеговину. Россия, разгромившая сильного противника и освободившая миллионы славян от турецкого ига, была лишена значительной части плодов своей победы над султанской Портой.

ВЕЛИКИЙ ПАТРИОТ И МУДРЫЙ ПОЛИТИК

К 285-летию со дня рождения Григория Александровича Потемкина-Таврического

ВЯЧЕСЛАВ КАТАМИДЗЕ

Портрет светлейшего князя Григория Потемкина-Таврического работы Иоганна Баптиста Лампи Старшего. Около 1790

Светлейший князь Григорий Потемкин-Таврический, основатель российского Черноморского флота, фельдмаршал и искусный государственный деятель, был фигурой легендарной и исключительной по своим масштабам даже среди знаменитых и заслуженных государственных деятелей Российской империи XVIII века. В последние десятилетия историки, изучая наследие Потемкина, смогли раскрыть новые грани его многостороннего труда на благо России.

В советское время, как правило, внимание акцентировалось на том, что Потемкин был фаворитом императрицы Екатерины II, ее верным слугой и любовником, которому все было позволено. Сегодня историки признают, что в непростых условиях борьбы сначала с Крымским ханством, а затем с султанской Турцией и ее покровительницей Британской империей Потемкин, благодаря своему уму, природной решительности и твердости, достиг множества успехов в самых разных областях – от неуклонного созидания в гражданской сфере до великих побед на поле брани.

Григорий Потемкин родился 13 сентября (24 сентября) 1739 года в селе Чижево Смоленской губернии, в семье отставного майора Александра Потемкина. Отец его умер рано, и мальчика воспитывала мать, урожденная Кафтырева. Женщина она была смелая, умная, получившая отличное воспитание и обладавшая отменным вкусом. Рассказывали, что в округе она

задавала тон во всем: как одеваться, как устраивать пиры и свадьбы, как достойно свататься. Она и от сына требовала, чтобы он с малых лет приобрел вкус к искусству, музыке, литературе. Она воспитала гордого, любознательного и честолюбивого юношу.

В 1755 году Потемкин поступил в Конную гвардию рейтаром. Его продвижение по службе не было быстрым, но лишь до того времени, пока он не оказался в числе гвардейцев, которые помогли осуществить переворот и возвести на трон Екатерину. Участники переворота получили повышение по службе, и Потемкину предстояло производство в корнеты, но императрица уже обратила на него внимание и велела произвести его в подпоручики. Более того, спустя недолгое время он стал камер-юнкером и получил небольшое поместье и 400 душ крепостных. Его карьера при дворе была весьма успешной: в 29 лет он имел звание Ее Императорского Величества Действительного камергера и армейский чин генерал-майора. В Петербурге он часто общался с императрицей, и вскоре их общение переросло в любовную связь. Полагают, что плодом этого союза стала Елизавета Григорьевна Темкина, появившаяся на свет в июле 1775 года.

Потемкина всегда интересовали вопросы политики Османской империи и защита южных границ России. В 1776 году он разработал план завоевания Крыма, который впоследствии был реализован. Его увлекал и так называемый «греческий проект», целью которого было восстановление Византийской империи под властью одного из внуков Екатерины II.

Потемкин формировал и отправлял воинские подкрепления для армии Петра Румянцева, помогал генералам в организации снабжения и поставок вооружения, обеспечивал успешные действия

Портрет императрицы Екатерины II работы Иоганна Баптиста Лампи Старшего. 1780-е годы

военачальников и в первую очередь Александра Суворова в борьбе с Емельяном Пугачевым, а также стремился завершить расформирование Запорожской сечи.

Императрица все больше проникалась целесообразностью и своевременностью каждого политического и организаторского шага своего фаворита. Он занимался развитием артиллерийского дела, улучшением солдатской формы, созданием речных флотилий, контролем за финансовыми органами.

Отправившись добровольцем на Русско-турецкую войну 1768–1774 годов, Потемкин показал

себя как отважный воин и умелый командир.

Вскоре он был назначен генерал-губернатором Новороссийского края в звании генерал-аншефа, а затем возведен в графское достоинство и получил ряд отличий из-за границы, где правители понимали, какое влияние он имеет на русскую императрицу. Известно, к примеру, что датский кабинет обращался к Потемкину с просьбой улучшить русско-датские отношения.

Важнейшие дела, которыми занимался Потемкин, были, однако, внутри России. Уже одно перечисление реформ, которые он осуществлял

Михаил Иванов. «Российская эскадра под командованием Федора Ушакова, идущая Константинопольским проливом». 1798

в армии и флоте, внушает уважение к памяти этого выдающегося государственника.

Во-первых, он требовал идеального порядка в армии, и не только в смысле дисциплины и размещения солдат и офицеров, но и в сфере финансов. Он отлично понимал, что неэкономное ведение дел в вооруженных силах ухудшает не только состояние войсковых частей и их снабжение, но и не дает командирам представления о реальном положении дел.

В 1786 году Потемкин издал постановление, в котором четко

определялись все расходы: жалованья генералам, офицерам и солдатам, поддержание всех видов оружия в исправном состоянии, средства «на нужное состояние всех составных частей логистики», на питание лошадей в кавалерии, артиллерии и обозе, а также на правильный уход за ними. В этом постановлении четко определялись и суммарные расходы на каждый полк.

Потемкин постоянно интересовался состоянием обмундирования солдат и время от времени

вносил в него необходимые изменения. Особое внимание он уделял питанию солдат и соблюдению санитарно-гигиенических норм. В те годы ни в одной армии мира такого отношения к личному составу не существовало. Добавим к этому, что командирам под страхом сурового наказания было категорически запрещено использовать солдат в личных целях – например, для частного строительства.

Во-вторых, Потемкин был по существу создателем Черноморского флота. Порой можно прочесть, что флот создавала императрица

Оценив деятельность Потемкина, императрица объявила, что он получает почетное добавление к его княжескому титулу и будет отныне именоваться светлейшим князем Потемкиным-Таврическим. Австрийский император, открыто сожалея, что у него нет такого выдающегося администратора, в 1776 году присвоил Потемкину титул принца Священной Римской империи.

В августе 1785 года были утверждены штаты Черноморского адмиралтейства и флота, непосредственно подчинявшиеся Потемкину. В составе флота числилось 12 линейных кораблей, 20 фрегатов, 5 шхун, 23 транспортных судна и личного состава в количестве 13 500 человек. Черноморское адмиралтейство создавалось в Херсоне для строительства и ремонта кораблей, а также для комплектования морских экипажей и подготовки военных моряков. Черноморский флот был поистине творением князя и его гордостью.

Потемкин был отцом-основателем не только Черноморского флота, но и его главной базы – Севастополя. Морская бухта и порт уже существовали, потому что тут некогда Александром Суворовым были созданы земляные укрепления для его войск. Но Потемкин понимал, что черноморская экспансия России неминуемо приведет к войне с Турцией, а потому убедил императрицу повелеть ему построить в Севастополе мощную крепость. Как крепость, так и город вокруг нее строились на доходы, получаемые Потемкиным с новороссийских земель. Заметим, что, если бы эта крепость не была построена, англичане и французы с гораздо большей легкостью овладели бы Севастополем и прилегающими районами в ходе Крымской войны, а русские войска понесли бы значительно большие потери.

Также Потемкин высоко ценил деятельность разведки. Он перевел

в Херсон несколько офицеров, которые занимались войсковой разведкой в ходе борьбы с Пугачевым, а затем занялся организацией армейской и военно-морской контрразведки. За пять лет в Екатеринославе и Херсоне было разоблачено около десятка турецких шпионов, которые наблюдали за строительством боевых кораблей. Во многих балканских странах у него были хорошо информированные агенты.

Небезынтересно отметить, что Потемкин считал важным элементом военной инфраструктуры Новороссии казачьи войска. Им были созданы Екатеринославское и Черноморское казачьи войска, организовано более тесное взаимодействие Войска Донского с армией. Регулярные казачьи полки, которые он сформировал, действовали в соответствии с армейскими уставами. Таким образом он смог увеличить количество казаков под ружьем примерно с пяти тысяч человек до десяти тысяч. Екатеринославское и Черноморское казачьи войска избрали Потемкина своим Великим гетманом.

Охватить весь диапазон вовлеченности этого человека в различные сферы жизни Новороссии крайне сложно. Некоторое представление об этом, пусть далеко не полное, дают документы из архива, которыми занимался его главный помощник Василий Попов. Они свидетельствуют, что Потемкин закладывал города, разводил леса, сады и виноградники, пытался развить шелководство, строил школы, корабельные верфи, фабрики, типографии и оружейные мастерские. Более того, он планировал создать в Екатеринославе университет, консерваторию и школу для слепых, намеревался приглашать колонистов из разных районов России, особенно из тех, где климат был суровым.

Но у него было множество критиков и завистников. Они говорили,

Князь Потемкин принимает отречение последнего крымского хана. Картина Бориса Чорикова для издания «Живописный Карамзин, или Русская история в картинах». 1836

что он делает многие вещи не продумав, нередко принимает желаемое за действительное, берется за дела, которые ему не под силу, и поэтому они часто остаются незавершенными.

В 1787 году Екатерина II отправилась в длительное путешествие по Северному Причерноморью. Кроме большой свиты, ее сопровождал австрийский император Иосиф II. За три месяца до этого Потемкин, выбрав несколько живописных участков вдоль маршрута императрицы, велел архитекторам и художникам сделать декорации

зданий, вписанных в красивые пейзажи. Он хотел показать, какими великолепными будут со временем города в выбранных им местах, если, конечно, государство поможет ему более активно заниматься градостроительством.

Недруги Потемкина тут же изобрели общеизвестный миф о «потемкинских деревнях», но императрице его идея понравилась, как, впрочем, и все развлечения, которые он подготовил к ее приезду. Особо понравилась ей созданная Потемкиным Амазонская рота. Поразила императрицу и крепость

Херсона, которую строил, кстати, старший сын арапа Петра Великого, генерал-майор Иван Ганнибал. Но все же самым эффективным оказалось зрелище Севастопольского рейда, где стали на якорь 15 больших и 20 мелких судов Черноморского флота.

Посещение императрицей Херсона и Севастополя вызвало настоящую ярость в Порте. Стало ясно, что Россия никогда не вернет Крым татарским ханам и что Турция, таким образом, потеряла своих союзников, над которыми имела полный контроль. Османская империя предъявила России ультиматум, потребовав немедленно освободить полуостров. Россия, разумеется, отказалась, и началась очередная русско-турецкая война.

В этой войне принял участие недавно построенный Потемкиным Черноморский флот. Его боевое крещение показало не только хорошую подготовку русских моряков, но и высокое умение русских корабелов.

Турецкому флоту было нанесено жестокое поражение – и это несмотря на его превосходство и в количестве крупных кораблей, и в количестве пушек в каждой эскадре. Уже в первый период войны основные силы турецкого флота были разгромлены, и наиболее заметную роль сыграл в этом вице-адмирал Федор Ушаков, моряк, которого Потемкин очень уважал за его талант, прямоту и честность.

В 1798–1800 годах Черноморскому флоту пришлось воевать и с Францией. Под командованием Ушакова Черноморский флот за два с половиной года боевых действий не потерял ни одного корабля, одержав ряд блестящих побед. Одна из них была не на море: матросы и морские пехотинцы России штурмом взяли французскую крепость и другие укрепления на острове Корфу. Россия, пусть только на время, обрела

военно-морскую базу на Средиземном море.

Успехи на суше, однако, были весьма скромными. Турецкая кавалерия и артиллеристы были лучше подготовлены, чем русские, и к тому же имели солидный боевой опыт. Несколько боев было проиграно. Потемкин даже собрался подать в отставку, но тут пришло известие о том, что турецкие войска, после продолжительной бомбардировки с моря, высадили крупный десант на Кинбурнской косе и что генерал-аншеф Суворов в последующем сражении наголову разбил турецкое войско.

Победа при Кинбурне стала поворотным пунктом в кампании 1787 года и первой крупной победой русских войск в Русско-турецкой войне 1787–1791 годов.

Одним из важнейших сражений стал и штурм Очакова, мощной турецкой крепости, расположенной на западе Днепровского залива. Потемкин объявил, что он намерен эту «гниющую занозу вырвать». Вдохновленный успехами Суворова и Румянцева, он возглавил поход к Очакову и Бендерам.

В мае 1788 года 50 тысяч человек из Екатеринославской армии Потемкина переправились через реку Буг и стали продвигаться к Очакову. Суворов предложил взять Очаков штурмом в тесном взаимодействии с Лиманской флотилией. Однако Потемкин, понимая, что такой штурм приведет к чудовищным потерям, отказался. Ему было известно, что незадолго до войны Очаковская крепость была капитально перестроена французскими инженерами, а перед крепостью еще были возведены дополнительные оборонительные сооружения. Гарнизон составлял 20 тысяч человек при 300 крепостных и 30 полевых орудиях. Поэтому Потемкин предпочел начать с осады. Основная идея его плана заключалась в том, чтобы сначала, построив

вокруг крепости редуты, обеспечить фланги своей армии, затем овладеть пригородами, возвести земляные укрепления и начать изза них методичный и эффективный обстрел города. Он к тому же надеялся, что у турок закончатся боеприпасы и провизия. Но запасы и того, и другого в крепости были огромные. Потемкин решил из тактических соображений дожидаться морозов и тогда приступить к штурму крепости.

6 (17) декабря 1788 года, в семь часов утра, при 23-градусном морозе русские войска пошли на штурм Очакова. Вначале были захвачены турецкие земляные укрепления между Очаковым и замком Гассан-паши. Затем русские войска атаковали центральные земляные укрепления и вышли к крепостным воротам и бастионам крепости. Под прикрытием артиллерийского огня гренадеры преодолели крепостную стену. Бой в самой крепости длился около часа.

По Ясскому мирному договору 1791 года Очаков был присоединен к России, что позволило ей окончательно утвердиться на Днепровском лимане, обеспечить безопасность Херсона и оградить Крым от влияния Турции.

Продолжая поход, Потемкин взял Бендеры. В 1790 году он вел военные действия на реке Днестр и держал свой двор в Яссах, как говорили, с азиатской пышностью.

В 1790–1791 годах Григорий Потемкин фактически являлся правителем Молдавского государства. Его действия в княжестве выходили далеко за пределы полномочий главы оккупационной администрации и соответствовали долгосрочным интересам Молдавии. Он назначил главой местного правительства бывшего российского вице-консула в Яссах Ивана Селунского, привлек к государственным решениям местную знать. Молдавские дворяне, благодарные Потемкину

за освобождение от турецкой тирании, открыто призывали князя взять власть в их стране в свои руки.

Потемкин, со свойственной ему политической мудростью, сформировал корпус молдавских добровольцев, в котором было около 16 тысяч молодых людей: этот корпус подчинялся лично Потемкину. Вместо налогов, которые собирали с местного населения турки, он ввел поставки в русские войска провизии и обеспечение их транспортом. Следует заметить, что созданная им администрация требовала от местных властей четкого соблюдения правил и исполнения повинностей в строгом соответствии с доходами жителей. В связи с тем что в регионах Молдовы, оккупированных австрийскими войсками, установился более жесткий налоговый режим, на подвластную Потемкину территорию стало мигрировать все больше людей.

Умер Григорий Александрович в дороге, когда из Ясс ехал в Николаев. Писали, что подхватил по пути лихорадку, но современники полагали, что Потемкина отравили турецкие агенты. То, что Потемкин был самой ненавистной фигурой в Порте, общеизвестно. Но узнать правду, нам, увы, не дано.

Похоронили светлейшего князя Григория Потемкина-Таврического в Свято-Екатерининском соборе в Херсоне, первом православном храме в городе, построенном по его инициативе и под его строгим наблюдением. Собор, созданный по проекту архитектора Старова, возводился с 1781 по 1786 год и был освящен в честь Екатерины Александрийской, имя которой носила российская императрица Екатерина Великая.

Писатель Александр Фадеев, побывав в Херсоне, выразился так: «Как имя императрицы, так и имя человека, всю жизнь посвятившего ей и его любимой России, воссоединились в камнях этой церкви».

ОСЕННИЙ НОВЫЙ ГОД ЦЕРКВИ

Подлинной добродетелью было бы превратить каждый день календаря в воспоминание о святом

АВГУСТИН СОКОЛОВСКИ,
доктор богословия, священник

Плафон центрального купола в Соборе Воскресения Христова (Спас на Крови) в Санкт-Петербурге

В рамках одного единственного года в Церкви сосуществуют несколько различных, наполненных теологическим смыслом времен. Так, новый год, как принцип отсчета времени, начинается 1 (14) сентября. На языке Церкви этот день называется церковным многолетием. Богослужебные тексты этого дня обладают множеством библейских, богословских и нравственных значений. Богослужебная книга из 12 томов на каждый день года, называемая

греческим словом *Минья*, а также классические собрания житий святых также начинаются с сентября. Это древняя христианская традиция, до сих пор сохраняющаяся не только в православии, но и в католичестве, а также в других исторических исповеданиях как на Востоке, так и на Западе. Церковный новый год и время Церкви – особая тема, достойная всяческого внимания.

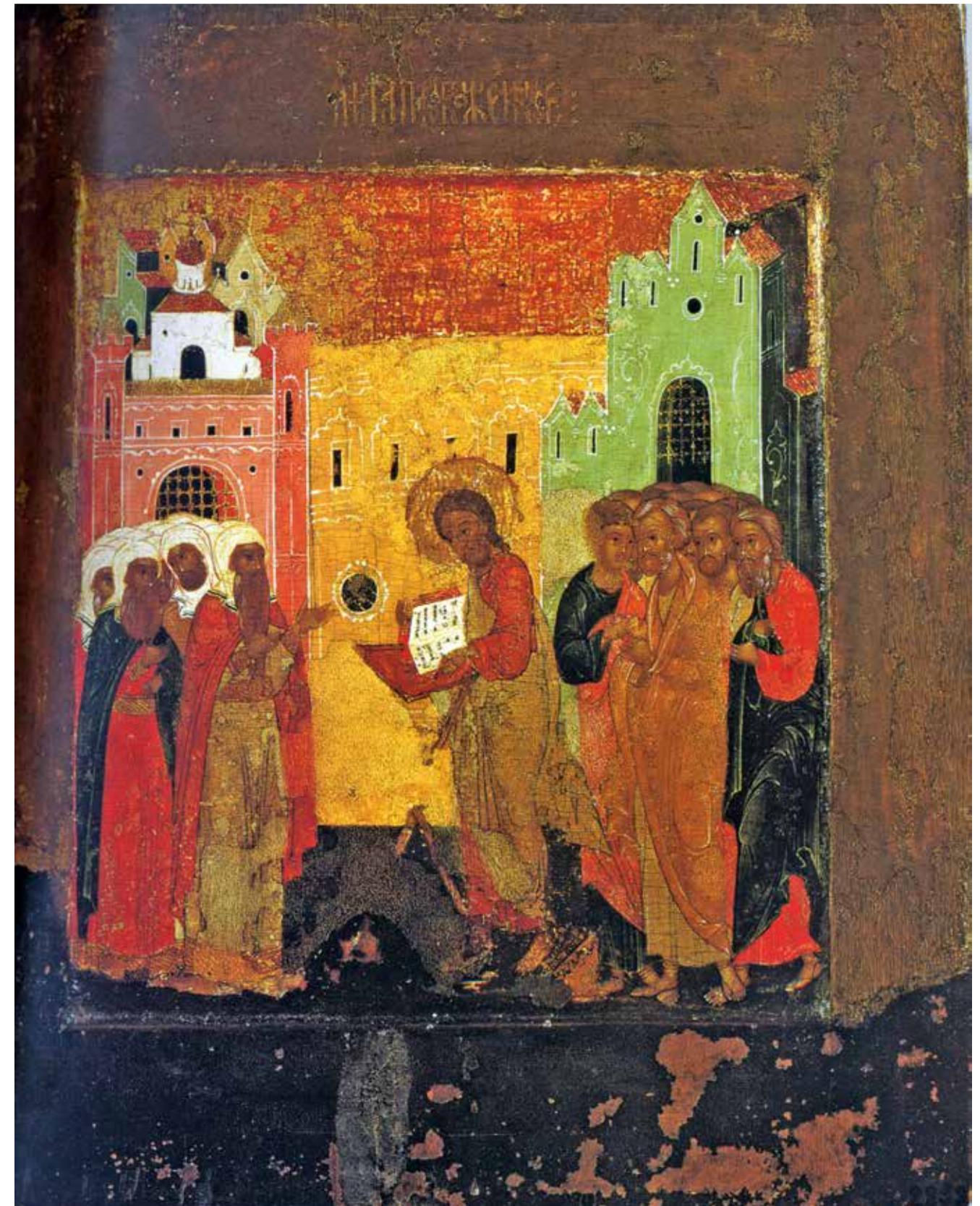
Ключевое песнопение этого дня, которое в богослужебном обиходе

Церкви называется *тропарем*, в кратких словах передает суть праздника и представляет собой такое обращение к Богу: «О, Создатель всего творения, Своей властью определивший времена и сроки, благослови годичный круг Твоей благодати, сохраняя людей Твоих и город Твой в мире, ходатайством Богородицы; и спаси нас».

Следующее по важности песнопение дня, именуемое *кондаком*, обращается к Богу так: «О, Царь, Живущий на высоте,

Христе, Творец и Создатель всего творения, видимого и невидимого, Который создал дни и ночи, времена и годы, ныне благослови годичный круг; сбереги и сохрани в мир Твой град и Твоих людей, Многомилостивый».

Эти поэтические произведения (а всякое подлинное обращение к Богу есть поэзия) говорят о Том, кого Вера Церкви именует «Творцом Неба и Земли» (то есть дословно в греческом

Летапреложение. Икона XVI–XVII века. Россия

Пророки Иона, Исайя и Захария. Икона XVIII века из собрания донецкого областного краеведческого музея. Россия

оригинале «Поэтом»), и напоминают о наступлении нового периода времени.

Интересно, что на общую, глобальную структуру богослужения и порядок чтений Писания за литургией этот день никак не влияет. Ведь чтение Писания за богослужением зависит от Пятидесятницы. Именно с этого дня каждый год начинается заново. Тогда же начинается последовательность одиннадцати воскресных утренних евангельских чтений, а также чередование восьми

гласов в богослужебных книгах воскресного цикла. Этот период продолжается ровно 33 воскресенья и завершается с началом подготовительных воскресений Великого Поста. По мнению большинства древних толкователей, земная жизнь Иисуса продолжалась 33 года. Во многих подробностях православному богослужению свойственна особая, часто незаметная символика.

Пятидесятница – Сошествие Святого Духа на Апостолов – является

кульминацией Святой Пасхи. Такой отсчет времени от Пятидесятницы весьма важен, поскольку с его помощью происходит прочтение дней всего года в свете события Воскресения Христова. Верующими это почти не принимается во внимание, что весьма прискорбно.

В Пасхе и Пятидесятнице формируется новая логика времени, в которой каждое воскресенье задает тему на предстоящую неделю для размышления над всеми делами и словам Спасителя в том виде, как

евангелисты и апостолы сохранили их для верующих после удостоверения в Его Воскресении. В этом теологическом смысле весь Новый Завет представляет собой грандиозное повествование о явлении Воскресшего Спасителя Церквям. Благодаря причинно-следственной связи между Пасхой и Пятидесятницей Писание именуется богодухновенным. Ведь автором священных текстов, то есть гарантом соответствия повествования истории, их подлинности стал Сам Дух Святой.

«Утешитель же, Святой Дух, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам», – сказал об этом Иисус (Ин. 14:26).

Важно, что слово «Утешитель» из Евангелия в библейском понимании также означает «заступник», «помощник», «адвокат». Дух Святой – поручитель подлинности Писания, Он голос его живых слов, тот ветер и то дыхание, в которых, по слову о Пророке Илии, есть Сам Бог (ср. 3-я кн. Цар. 19:12).

По древней традиции и по логике распределения богослужений церковный год заканчивается днем Усекновения Главы Иоанна Крестителя, которое вспоминается 29 августа (11 сентября). Поскольку церковный год начинается 1 (14) сентября, между этими двумя днями завершения и начала года создавалось уникальное промежуточное, нейтральное время, «время исключения», как о подобных, исключаемых им явлениях пишет наш современник, итальянский философ Джорджо Агамбен (род. 1942).

По отношению ко дню Усекновения Иоанна Предтечи, которым обозначается окончание и одновременно упразднение библейского пророчества, новый церковный год – 1 (14) сентября – начинается на третий день. Тем самым в сознании верных воссоздается великий напоминающий образ священного

покоя Господа Иисуса во гробе. Три дня Иисуса от Великой Пятницы до Воскресения чрезвычайно важны для христианского догмата. Это «спасительное священное трехдневие» из времени Пасхи как бы вновь воспроизводится в начале осеннего времени, превращая последнее в особый период молчания и размышления над временем.

В Символе Веры исповедуется вера в то, что Господь «воскрес в третий день по Писаниям». Это означает, что смысл этой веры и этого свидетельства следует искать в священных текстах. Согласно Евангелию, Иисус был распят в пятницу вечером и восстал из мертвых в ночь с субботы на воскресенье. Таким образом, между смертью и Воскресением прошло примерно полтора дня. Толкователи священных текстов предлагали различные объяснения этому видимому несоответствию сроков. Для правильного понимания значения этого расхождения необходимо обратиться к понятию «третий день» в Библии, с тем чтобы восстановить его подлинный библейский и богословский смысл.

Согласно Библии, третий день в Библии – это день, или лучше срок, когда, по убеждению людей библейского времени, умерший был окончательно и бесповоротно мертв. Древность не обладала точным медицинским знанием. Причинно-следственные связи между жизнью и смертью, болезнью и старостью были неясны. Поэтому третий день был пророчески избран в качестве важнейшего критерия для определения времени наступления смерти. На третий день делалось ясным, что это смерть, а не, например, летаргический сон. Третий день – пришествие необратимости, срок, когда жизнь покинула тело навсегда и более никогда не возвратится.

Третий день – это, по Писанию, тот момент времени, когда всякая

человеческая надежда на спасение потеряна. Никакое собственное усилие, внешние обстоятельства или иное вмешательство не способны переломить ход событий. Третий день – это время, когда начинает действовать Сам Бог.

Внимательное чтение библейских текстов, самым очевидным из которых на эту тему является пророчество Ионы, позволит обозначить то особое место, каковым в Писании обладает именно третий день. Иона был брошен язычниками в море, поглощен огромной рыбой и находился на пороге гибели три дня и три ночи. Иона был избавлен Господом. Иные подобные свидетельства о вмешательстве Бога в ход человеческой биографии и истории именно в третий день содержатся в других священных текстах и пророчествах. История пророка Иона описывается в одноименной книге Библии. Она содержит всего четыре главы, но значение ее в формировании нашей цивилизации колоссально.

Светским вещам часто свойственна особая теологическая тектоника. Она способна присутствовать и действовать, даже когда сами теологи начинают об этом забывать. Так, вряд ли каждый верующий помнит о том, что церковный новый год приходится именно на 1 сентября, но во многих странах, пусть и по разным соображениям, учебный год начинается именно в этот день. Это далеко не единственный пример такой скрытой «церковной этимологии» в нашей обычной повседневности.

Богослужение 1 (14) сентября является составным. Оно представляет собой комбинацию памяти святых дня и текстов, посвященных наступлению нового года. Библейской основой последнего становится приход Господа Иисуса в синагогу, о котором повествуется в 4-й главе Евангелия от Луки, стихи 16–22. Согласно

Апостолы пишут Символ Веры, получая вдохновение от Святого Духа. Миниатюра из рукописи XIII века

этому чтению, Иисус в синагоге прочитал отрывок из пророчества Исаии, где пророк, называемый «ветхозаветным евангелистом» за ясность своих предсказаний о Мессии, возвестил пришествие нового, благоприятного времени. «И пришел Иисус в Назарет, где был воспитан, и вошел, по обыкновению Своему, в день субботний в синагогу и встал читать» – начинается евангельское чтение. Слово «суббота» здесь чрезвычайно важно.

Три дня между Усекновением Главы Иоанна Предтечи и наступлением церковного нового года – удивительное и уникальное время. Это время субботы. Именно она позволяет хронологии остановиться, дает верующим возможность задуматься о смыслах субботнего библейского покоя. Третий день – время действия Господня. Действию Бога предшествует Его покой. Это бездействие Бога, которым Книга Бытия обозначает завершение сотворения мира. Это Покой Господень, который в древнем библейском благочестии праздновался в субботний день. Это время, когда действует таинственный библейский запрет на какую-либо деятельность.

Эта священная каузальность, то есть

причинно-следственная связь между абсолютно и непрестанно действующим запретом на деятельность, что порождает бездействие, и самим этим бездействием под именем «закона» в его разных модификациях, была в центре внимания трудов Франца Кафки (1883–1924). Таков еще один пример теологической тектоники светских, культурных, литературных феноменов и факторов.

Чрезвычайно важно помнить и понимать, что празднование субботы не было упразднено ни в Новом Завете, ни в Церкви, а заповедь о почитании субботы продолжает действовать. Значение и сила воскресного дня, как дня Воскресения Господа Иисуса из мертвых, в христианстве приобрели особую значимость, а потому суббота как бы отошла в тень, но никак не упразднилась. Ведь воскресенье в его первоначальном смысле (а в мусульманских странах и в наши дни) остается первым днем недели, с которого начинаются прочие дни седмицы.

Суббота в своем христианском понимании сохраняет непреходящее значение. Так, молитва и причастие за литургией в день субботний чрезвычайно важны. Они способствуют надлежащему восприятию воскресенья. Суббота остается преимущественным днем покоя. Это время отдыха и праздности для живых и время молитвы о покое для тех, кто покинул этот мир. Особая диалектика здесь заключается в том, что «наши усопшие» упокоились от дел своих, но еще не достигли «вечного покоя», который в особой семантике священных, литургических и церковных текстов означает блаженство святых.

Молитва о вечной памяти и покое нуждается в пояснении. Ведь пожелание вечной памяти (эти два слова провозглашаются за богослужением поминовения) – одна

из самых кратких и при этом самых значимых молитв. Она означает молитву о полноте благословения, адресованного Богом тем, кто уже покинул этот мир.

Но в такие особо торжественные дни, как празднование торжества Православия в первое воскресенье Великого Поста, вечная память провозглашается Отцам Церкви и другим почитаемым святым. Это, пожалуй, единственный случай, когда это пожелание относится к земной хронологии, когда Церковь как Общество Верующих молится и желает, чтобы память отцов-основателей Православной традиции передавалась в веках.

При этом чрезвычайно важно избегать понимания слов о вечной памяти как просто пожелания оставаться в памяти живых как можно дольше, то есть быть в их сердцах, мыслях и словах. Ведь таким же образом или еще более интенсивно люди помнят о делах злых. Память о злодеях и злых гениях чрезвычайно сильна. Если бы такой памяти не существовало «заранее», быть может, они не совершили бы многого из того, что совершили. Но многие из них стремились к славе через злодеяния. Так жажда долгой человеческой памяти поощряла грех и злобу злых людей. Об этом с философским недоумением писал в своей книге уже библейский Екклесиаст и с замечательной подробностью раскрыл в произведении «О Граде Божьем» Отец Церкви святой Августин (354–430). Это увидел в своей современности и Достоевский. Память о злых и память о праведниках странным и трагическим образом соприкасаются в истории. Но вечная память и вечный покой – это радость в общении праведности со Христом.

В противоположность этому отсутствие такой памяти – синоним осуждения. Как некогда Сам Господь Иисус сказал в Евангелии:

«Отойдите от меня, не знаю вас» (Мф. 7:23). Забвение в очах Божьих в Священных Книгах описывается в очень простых словах.

Субботный покой усопших это пожелание им соединиться с праведными, разделить ту вечную память, которая во веки является достоянием многих святых. Пожелание вечной памяти соединяется с воспоминанием великих святых христианской древности, имена которых драгоценно хранятся в памяти Церкви, а души – Духом Святым живут в памяти Бога, тела же ожидают всеобщего воскресения. «Верую в Единого Бога <...>, ожидаю воскресения плоти», – с особым телесным реализмом говорится об этом в древнем Апостольском Символе Веры.

Святые помнят о тех, кто помнит о них. Важно стараться приобретать себе друзей в собрании святости. Как об этом говорится в Апостольском Символе Веры: «Верую в Общение Святых». Подлинной добродетелью было бы превратить каждый день календаря в воспоминание о святом. Так, чтобы вместо абстрактных чисел и дней недели не знающей отдыха коммерческой современности верующие на рассвете и закате каждого дня вспоминали имя святого, который празднуется. С возрастом время проходит быстрее, а дни становятся все более похожими друг на друга. Знание об обстоятельствах жизни и сути святости того или иного святого способно возратить дням неповторимость и замедлить ускользающее время.

В поисках утраченного времени (как некогда озаглавил свой роман Марсель Пруст) Бог помогает Церкви, этому странствующему в истории Обществу Верующих, через воспоминание святых и вдумчивое библейское различение дней. Так и осеннее меланхоличное время делается началом Нового Года Божьих дней.

НАШИМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

КНЯЗЬ ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ТРУБЕЦКОЙ

Путь дипломата, политика и церковного деятеля в России и русском зарубежье
(продолжение, начало в № 159/01–02, 160/03–04, 161/05–06, 162/07–08)

ЕВГЕНИЙ ЕФРЕМОВ

Слева направо:

Сидят: Начальник штаба генераль-лейтенант П. Н. Шатилов, Астраханский атаман Н. В. Ляхов, Терский атаман генераль-лейтенант Вдовенко, Донской атаман генераль-лейтенант А. П. Боговский, Главнокомандующий генерал П. Н. Врангель, заместитель Кубанского атамана инженер Иванис, помощник Главнокомандующего А. В. Кривошеин, и. об. председателя Донского правительства Корженевский.

Стоят: 1. пр. и. д. управляющего делами совета при Главнокомандующем А. Г. Сергеевко-Богокутский, 2. начальник политической канцелярии управления иностранных сношений Б. А. Татищев, 3. пр. и. д. начальника управления иностранных сношений князь Г. Н. Трубецкой, 6. председатель Астраханского правительства Санджи-Баянов, 8. заместитель начальника морского управления контр-адмирал Евдокимов, 9. пр. и. д. начальника военного управления генерал-майор В. П. Никольский, 10. и. д. начальника управления финансов Б. В. Матусевич, 11. начальник управления юстиции сенатор Таганцев, 12. и. д. начальника гражданского управления С. Д. Тверской, 13. начальник управления торговли и промышленности В. С. Налбандов, 14. государственный контролер Н. В. Савич, 15. заместитель председателя Кубанского правительства генерал-майор Захаров, 16. председатель Терского правительства Букановский, 17. начальник управления земледелия и землеустройства сенатор Г. В. Глинка, 18. начальник управления снабжений генераль-лейтенант П. Э. Вильчевский.

Было принято решение успокоить население, взволнованное слухом об уходе добровольцев, и поддержать в Новочеркаске кандидатуру в атаманы генерала А. М. Назарова. Но запала казаков хватило на несколько дней, прибавилась к тому и неготовность Донского штаба к мобилизации. Местные же большевики

обрабатывали пришедших станичников в 2–3 дня, и они расходились по домам. Мобилизация провалилась, части большевиков были уже в семи верстах от Ростова, и Добровольческая армия в ночь на 23 февраля (н. с.) ушла на юг, на Кубань, где местное казачество было более стойко к большевистской пропаганде.

А Струве, Арсеньев и Трубецкой с юношей-сыном Костей, имея фальшивые паспорта, 24 февраля решили пробираться в Москву через Царицын. Они договорились с казаками, которые возвращались домой в хутор Трехъярусный с пустыми саями-дровнями. Это путешествие по областям, охваченным Гражданской войной, стало одним

из самых опасных в их жизни и едва не завершилось трагедией во время двух арестов, которым они подверглись на этом пути. До столицы добрались через 11 дней и остановились у сестры О. Н. Трубецкой в Б. Знаменском переулке (возможно, в доме 4). Квартиру А. К. Бутенева, брата жены, реквизировали большевики. Трубецкой с большими трудностями вывез кое-что из вещей. Начал принимать участие в заседаниях «Совета общественных деятелей»¹. У друзей в «Правом центре» дела не предвиделось, и он 21 марта уехал отдохнуть к семье еще одной своей сестры, Е. Н. Осоргиной, в их имение Сергиевское Калужской губернии.

В конце марта совершенно неожиданно приехала его жена. Ей пришлось спешно бежать из Новочеркасска от преследований большевиков. Вместе с его сестрой В. Н. Лермонтовой они делали все, что могли, чтобы спасти оставленных в городе в больницах после ухода армии раненых офицеров-добровольцев, покупали для них штатское платье, укрывали их, где могли. Четверо младших детей были оставлены на попечении вдовы О. Б. Орловой-Денисовой.

Друзья из «Правого центра» попросили Трубецкого вернуться в Москву, и он 22 мая выехал к ним.

«Под влиянием происшедших событий я застал в Москве в самом разгаре борьбу двух ориентаций – союзническую и германскую. Наряду с ними существовало третье течение – “политики свободных рук”, которое не исключало никаких путей

к освобождению России, желало сохранить возможно большую свободу в выборе средств и хотело избежать слишком большой зависимости от иностранных влияний»².

Теперь организацию возглавлял П. И. Новгородцев, профессор философии Московского университета³. Одно из июньских заседаний центра, которое было расширенным и острым по германскому вопросу, началось с речи Трубецкого о том, что не следует слепо держаться международных договоров. Встреча закончилась тем, что недовольные поддержкой немцами Ленина и союзнически ориентированные друзья – кадеты и умеренные элементы – откололись и вскорости образовали самое действенное антибольшевистское объединение, которое получило название «Национальный центр»⁴.

«Правый Центр» же склонился к попытке осведомиться о том, возможно ли рассчитывать на содействие немцев изгнанию большевиков и воссозданию единой неделимой России. От этого щекотливого поручения Трубецкой уклонился: он взял на себя объяснения действий центра французскому консулу, чтобы устранить противодействие союзников установлению контактов с немцами. Однако его усилия оказались напрасными. Диалог же с немцами был налажен, они охотно говорили о возможном содействии свержению большевиков, но отнюдь не шли на согласие о немедленном восстановлении единой и неделимой России, предоставляя это дело будущему.

Но с убийством 6 июля эсерами посла В. Мирбаха обстановка

изменилась. Германское представительство возглавил К. Рицлер, ранее уже контактировавший с центром. Действуя на свой страх и риск, он заложил фундамент для антибольшевистского переворота. Одной из главных его частей было размещение в столице германского войскового батальона, якобы для охраны посольства. «Правый центр», представляемый Трубецким с несколькими друзьями, которые остались неизвестными, со своей стороны выдвигал 4000 боеспособных офицеров, которым не хватало только оружия⁵. Русские шли на альянс при условиях: «Полный пересмотр Брестского договора, восстановление единой неделимой России, невмешательство немцев в наши внутренние дела, а за это: строжайший нейтралитет России и экономические выгоды, которые подлежат обсуждению»⁶.

Однако план Рицлера провалился: Ленин категорически отказался от разрешения на ввод германского соединения.

«Было признано необходимым послать членов Центра в Киев, Новочеркасск и в Ставку Добровольческой армии. Я предложил свои услуги, ибо уже давно собирался пробраться с женой и сыном к остальным детям, о которых до нас дошли вести, что они живут в Персиановке, дачной местности под Новочеркасском»⁷.

Перед отъездом Трубецкой просил у Патриарха Тихона благословения вождям Белого движения. Тот деликатно, но твердо отказался, считая недопустимым вмешательство Церкви в политику (князь до этого, в 1918 году, вновь

¹ Тактический центр. М.: РОССПЭН, 2012. С. 159.

² Там же. С. 73.

³ Там же. С. 78.

⁴ Казанович Б. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву». Архив русской революции. Т. VII. Берлин, 1922. С. 192–194.

⁵ Пайпс Р. Русская революция. В 3-х кн. М.: «Захаров», 2005. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. С. 416.

⁶ Трубецкой Г. Н. Годы смуты и надежд. 1917–1919. Монреаль, 1981. С. 91.

⁷ Там же. С. 87.

Стоят: Е. Н. Трубецкой, А. Н. Самарина (урожд. Трубецкая), Ф. Д. Самарин, П. П. Трубецкой, С. А. Трубецкая (урожд. Лопухина), Г. Н. Трубецкой, Н. В. Гагарин; сидят: М. Н. Гагарина с ребенком, В. Н. Лермонтова (урожд. Трубецкая), Н. П. Трубецкой

принял участие в работе Поместного собора)⁸.

В это время при содействии немцев в Москве было учреждено Украинское генеральное консульство. Через знакомых Трубецкому удалось получить фальшивые удостоверения для себя и жены. Также через них он устроился с семьей в украинский санитарный поезд, который должен был провезти в Киев инвалидов. Трубецкие прибыли туда примерно 1 августа. Их приютила старая друг А. В. Косяковская, имевшая большую квартиру на ул. Виноградная, 20а, кв. 17.

В этой командировке он виделся в том числе и с Милюковым, который под нажимом гетмана был вынужден жить не в столице, а под Киевом, обсудил с ним аналитическую записку для центра о положении дел в отношении Германии и послал ее в Москву вместе с письмом последнего. Составил еще одну, ставшую программой Совета государственного объединения (СГОР)⁹, и вошел в эту организацию¹⁰. 21 августа он выехал в Новочеркасск (жена уже раньше отправилась к детям, а старший, Костя, в Крым к ее родителям). Там бывал

на заседаниях Войскового круга, как представитель «Правого центра» взаимодействовал со всеми генералами. Чтобы познакомиться с обстановкой в центре кубанского казачества в конце августа предпринял поездку в Екатеринодар. По ее итогам в «Правый центр» ушла еще одна аналитическая записка наряду с отражающей положение дел на Дону¹¹.

«Я вернулся из Екатеринодара в Персиановку за детьми, Николаем и Михаилом, и выехал с ними на пароходе из Ростова в Ялту, куда прибыл 16/29 сентября. Моя жена

с младшими сыновьями Сережей и Петрушей выехала туда же двумя неделями раньше. В Крыму жили Бутеневы, старики и молодые, и мы решили поселиться вместе с ними»¹².

Семья обосновалась по адресу: Симферопольское шоссе, дача Эшлимана. Там князь поддерживал контакты с Сазоновым и Кривошеиным. Последний рекомендовал его великому князю Николаю Николаевичу как советника, к которому можно обратиться в случае надобности. Трубецкой принял на себя эту миссию, так как в Москве было решено, что с ним необходимо вести диалог.

В конце ноября по вызову Сазонова князь выехал в Екатеринодар. В то время предполагалось устроить под его председательством совещание по вопросам внешней политики, но многие не приехали и оно не состоялось. Там он стал членом «Национального центра» и участвовал с декабря 1918 года в его некоторых заседаниях в числе Н. И. Астрова, Павла Д. Долгорукова, Г. А. Мейнгардта, А. А. Нератова, графини С. В. Паниной, М. М. Федорова, В. Н. Челищева, А. А. Червен-Водала, Э. П. Шуберского. На одном из заседаний обсуждался проект Основных законов будущей России¹³.

«Сазонов ехал в Париж; решено было, что я поеду вместе с ним ему на помощь. Я выехал неделей раньше его в Ялту, но по дороге заболел испанкой и возвратным тифом и так ослаб, что до половины февраля нечего было и думать о путешествии»¹⁴.

Трубецкой снова отбыл в Екатеринодар, теперь по вызову Нератова, бывшего товарищем министра иностранных дел и в царском, и во Временном правительстве,

с тем чтобы ехать дальше в Париж. При этом он продолжал участвовать в работе «Национального центра», возглавляемого тогда М. М. Федоровым. Это было с марта по июль. А в начале апреля, когда красные захватили Крым, на Кубань были вынуждены бежать те, кому угрожала ЧК.

Семья Трубецкого спасалась на пароходе «Посадник», который шел под командой французского офицера. Он уходил из Ялты в группе последних пароходов: «Куда нас повезут, мы не знали, оказалось затем, что пока в Севастополе, куда мы и направились. В Севастополе нас на берег не спустили, так как там шла кутерьма, кругом слышались уже выстрелы, настроение было напряженное, чернь и рабочие подняли голову, чувствуя скорый праздник на их улице. Капитан нам заявил, что необходимо запастись углем, но что матросы и рабочие отказываются грузить; если мы не уйдем в эту ночь (это была 2-я ночь в Севастополе), то мы и совсем не сможем уйти, нас не выпустят. И все пассажиры обоюбого пола встали на нагрузку [включая и 14-летнего сына Трубецкого. – Прим. авт.] и благополучно ее закончили, и утром, на рассвете, медленно ушли из Севастополя. Но накануне ухода были подслушаны разговоры матросов о намерении их затопить «Посадник»; тогда наша депутация отправилась к английскому командованию с просьбой об охране, которую те и обещали, и действительно вскоре после нашего отхода нас нагнал английский миноносец, который и сопровождал нас до Новороссийска, куда нас направили»¹⁵.

«Посадник» пришел в порт в день Вербного Воскресенья,

дополнив пассажирами число беженцев, коих оказалось около 40 тысяч. В городе не оставалось ни одного свободного места. Трубецким, наряду с другими семьями, предложили поселиться в казенном имении «Мысхако» в семи верстах от Новороссийска. Там сначала разместились в казенной виноградной школе, затем для них нашлась маленькая дачка в две комнаты.

«В Новороссийске наши познакомилась со священником, беженцем-законоучителем гимназии в Феодосии, отцом Соколовым. Они пригласили его в Мысхако. Благодаря этому, на Страстной можно было организовать богослужения, а в ночь на Пасху была устроена заутреня с крестным ходом вокруг казенного училища. Оповестили население, пришло много народа <... > На всех присутствующих, я думаю, эта служба оставила неизгладимое впечатление, никогда так не чувствовалось светлое духовное торжество победы духа над смертью, и с разных сторон слышались голоса, что эта служба напоминала богослужения христиан первых веков»¹⁶.

Поездка в Париж при новых условиях была отложена, в ней не представлялось надобности. Трубецкому пришлось делить время между Екатеринодаром и Мысхако. В 1919 году на белом Юге России началось создание единого управления Русской православной церкви, существование которого планировалось до освобождения Москвы и соединения с Патриархом. Это начинание поддержал Деникин. Из Екатеринодара в Ставрополь выехал специальный поезд с участниками этого почина, в числе коих находился и князь. Он принял живейшее участие в предсоборной

⁸ Troubetzkoi S. G. Les Princes Troubetzkoi. Labelle, Québec. 1976. P. 283–284.

⁹ Трубецкой Г. Н. Годы смуты и надежд. 1917–1919. Монреаль, 1981. С. 124–130.

¹⁰ Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России А. И. Деникине. М.: РОССПЭН, 2008. С. 13.

¹¹ Трубецкой Г. Н. Годы смуты и надежд. 1917–1919. Монреаль, 1981. С. 148.

¹² Там же. С. 149.

¹³ Всероссийский национальный центр. М.: РОССПЭН, 2001. С. 19–23.

¹⁴ Там же. С. 159.

¹⁵ Савелов Л. М. Воспоминания. М.: Старая Басманная, 2015. С. 356.

¹⁶ Трубецкой Г. Н. Годы смуты и надежд. 1917–1919. Монреаль, 1981. С. 172–173.

комиссии: особенно заботил его там приходской вопрос. Отметим также положение на Дону священников-беженцев (которых было около пятисот). По инициативе Трубецкого на Соборе было решено разобрать вопрос об отношении большевиков к церкви. Князь был в инициативной группе, поднявшей проблему о правовом положении Церкви в государстве, а также автором послания Собора главам православных восточных Церквей, впоследствии утвержденном Собором. Князь заседал на мероприятии, которое получило наименование «Юго-восточный русский церковный собор» и продлилось с 19 по 23 мая. Председателем Собора был избран архиепископ Донской и Новочеркасский Митрофан. Товарищами председателя – протопресвитер Г. И. Шавельский, архиепископ Таврический Дмитрий и князь Г. Н. Трубецкий¹⁷. Он также был членом Совета Собора, членом второго отдела об устройстве прихода, членом отдела о церковной дисциплине, членом первой комиссии по составлению грамот и воззваний и членом редакционной комиссии. Выступил против права «вето» главы Собора на его решения, хотя именно противоположное предложение оказалось принятым. Трубецкий предложил Собору добиться освобождения находившихся в плену в Галиции митрополита Антония Храповицкого, архиепископа Евлогия Георгиевского и епископа Никодима Короткова. Там же было принято положение о высшем церковном учреждении в регионе, которому было дано название «Временное высшее церковное управление на юго-востоке России» (ВВЦУ). Это было средство объединения работы разрозненных епархий, оказавшихся без высшего руководства.

В первые два месяца лета произошли два события в жизни Трубецкого: выдержав экзамен на аттестат зрелости, ушел в армию старший 17-летний сын Константин, он поступил в Конногренадерский полк вместе с кузеном Николаем Лермонтовым. Второе – в конце июля князю предложили организовать Временное управление по делам исповеданий и войти в состав Особого совещания, на котором он впервые присутствовал 26 августа¹⁸. В основу положения об управлении Трубецкий положил законодательство о царском Министерстве исповеданий. Компетенция начальника управления охватывала полномочия обер-прокурора Синода и министра внутренних дел по делам иностранных исповеданий в полном объеме, впредь до коренного пересмотра отношений государства к Церкви. Такое решение вызвало критику в его адрес со стороны руководителей ВВЦУ, которые напоминали последнему, что после Поместного собора 1917–1918 гг. Русская Православная Церковь пользуется правом самоуправления и государство не может ею руководить. В то же время, по воспоминаниям Трубецкого, само руководство ВВЦУ неоднократно требовало вмешательства светской власти в процесс управления церковными делами. Эти записки носят по факту дневниковый характер и составляют вторую опубликованную книгу его воспоминаний, которая недавно вышла в купе со всеми его мемуарами.

Летом в Ростове-на-Дону Трубецкий входил в группу, поддерживающую газету «Великая Россия», которую возглавлял В. В. Шульгин. Впрочем, группа эта была весьма аморфной и не имела какой-то четкой организационной структуры. «Киевская жизнь»

характеризовала ее следующим образом: «Эта группа не имеет пока никакого официального названия, и состав ее членов очень разнороден. В нее входит и бывший националист В. В. Шульгин, и бывший мирнообновленец князь Г. Н. Трубецкий, и бывший член Госуд[арственной] думы Н. Н. Львов, одно время лидер думской фракции мирнообновленцев, а затем левый октябрист, и, наконец, П. Б. Струве, когда-то ярый с[оциал]-д[емократ], автор первого манифеста российской с[оциал]-д[емократической] рабочей партии, а затем кадет. Эта группа играет чрезвычайно важную роль в направлении деятельности Особого совещания. Хотя она не имеет большинства в Особом совещании (большинство это принадлежит скорее к[онституционным] д[емократам]), но с нею весьма считаются и при разного рода назначениях проходят сплошь и рядом ее кандидаты. В области внешней политики эта группа стоит за соглашение с союзниками, а в области внутренней политики она является сторонницей сильной власти, аграрной реформы по образцу столыпинской и т.д. Большинство ее членов, если не все, по своим убеждениям – монархисты. Будучи противниками созыва Учредительного собрания, большинство ее членов, однако, считают, что вопрос этот должен быть разрешен носителем высшей военной власти в зависимости от условий политического момента и от международной обстановки»¹⁹.

В Екатеринодаре в ноябре 1918 года с окончанием Великой войны (Первой мировой войны. – Прим. ред.) для разработки вопросов будущего мира был создан Совет по делам внешней политики под председательством начальника управления иностранных дел

в Особом совещании С. Д. Сазонова. В состав Совета также должны были войти А. А. Нератов, М. М. Винавер, П. И. Новгородцев, Г. Н. Трубецкий, Г. А. Казаков²⁰.

Ранее, в октябре, началось отступление Белой армии юга, а в декабре, после того как были оставлены Киев и Харьков, оно превратилось в бегство. 30 декабря Особое совещание было упразднено, учреждалось более компактное Правительство при Главнокомандующем, причем личных перемен почти не произошло. Так, Трубецкий оставался на своей должности, подчиняясь правительству, но не входя в его состав²¹.

Во время ужасной зимы 1920 года в Новороссийске князь похоронил умершего 23 января единственного оставшегося брата – Е. Н. Трубецкого, которого свел в могилу сыпной тиф.

«Когда гроб скрылся в могиле, Григорий Николаевич поклонился в землю и перекрестил брата. Ни одного слова не было сказано. Молчание объединило всех поклонившихся усопшему, и оно же надолго сковало им уста. И кругом над городом и заливом стояла тишина, неприютность, виднелись оледеневшие дороги и космы седого норд-оста, тяжело неотвратимо переваливавшего через Мар[к]хот»²².

Той тяжелейшей зимой генерал А. И. Деникин своим приказом от 21 января 1920 года назначил Трубецкого на должность Главноуполномоченного по устройству

русских беженцев в Королевстве СХС и выделил необходимые денежные средства²³.

Погрузившись на корабль вместе с семьей, спасая этой редчайшей возможностью своих родных и знакомых (там были Писаревы, Толстые, Балашевы), Трубецкий смог 7 февраля отплыть в Константинополь на английском судне «Капуртала», у которого не было отопления. Из-за снежной бури до места назначения добрались только по прошествии 16 суток²⁴.

«На несколько дней нас поместили в очень удобных комнатах Русского посольства. Из Константинополя мы поездом поехали в Белград через Софию (Болгария), где опять оставались в Русском посольстве на несколько дней. После чего, наконец, мы добрались до Белграда (Сербия) и поселились в гостинице, пока не нашли подходящую квартиру»²⁵.

Там, в нашей миссии, он одно время ведал и обменом денкинских денег на сербские динары, который был очень ограниченным²⁶. Однако план организации помощи соотечественникам был нарушен падением Одессы и прибытием из нее в Королевство больших партий беженцев до приезда Управления главноуполномоченного²⁷.

Новороссийск был захвачен красными в марте 1920 года. А Трубецкого мы видим 18 апреля уже в Севастополе. Князь в тот же день написал жене: «<... > Сегодня

я сюда приехал по вызову Врангеля и здесь узнал, что случилось с нашим Костей. Он участвовал в сражении при Перекопе <... > Костя был ранен в ногу и тем не менее уступил свою лошадь раненому солдату. Дальнейшее не ясно. Считают его погибшим, как Федю Булгакова. Мать последнего ездила на место, и Струве получил от нея письмо, что Федя, по видимому, попал в плен, а Костя был изрублен. Но на чем основаны эти известия пока нельзя установить <... > Со слов ротмистра Попова бывшего в бою <... > “убит или пропал, тело не найдено”.

Не могу сказать, как мне тоскливо. Я чувствую, что из меня что-то ушло, и я действую как-то механически, но неутомимая жизнь требует все время сует. Сегодня был у Врангеля. Он настаивает на моей поездке в Польшу через Париж во всяком случае я сделаю это через Белград»²⁸.

Выбор, павший на князя, объясняется тем, что в Польше он был известен как сторонник законных польских интересов в России. Врангель хотел договориться с поляками, чтобы иметь в их лице союзников в борьбе с большевиками. Спустя почти месяц Трубецкий начал замещать Струве на посту начальника Управления иностранных сношений во время командировки того в Европу для переговоров с союзниками, в которую он отправился между 12 и 14 мая²⁹.

Продолжение следует

¹⁷ Там же. С. 244.

¹⁸ Там же. С. 247.

¹⁹ Чемакин А. А. П. Б. Струве и В. В. Шульгин: история взаимоотношений и сотрудничества. // Тетради по консерватизму. 2017, № 4, с. 190.

²⁰ Листиков С. В. Мир без России: Представительство Белого движения на Парижской конференции. // Вестник МГИМО – Университета. 2009, № 1, с. 17, 27, 28.

²¹ Соколов К. Н. Правление генерала Деникина. Из воспоминаний. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921. С. 230–233.

²² Половинкин С. М. Князь Е. Н. Трубецкий. Жизненный и творческий путь. М.: Синтаксис, 2010. С. 102.

²³ Соколов К. Н. Правление генерала Деникина... С. 271.

²⁴ Князь С. Г. Трубецкий. Семейные хроники. С. 59.

²⁵ Там же. С. 60.

²⁶ Бунин И. А. Гегель, фрак, метель. // Под серпом и молотом. Сб. рассказов и воспоминаний. URL: www.bunin.org.ru/library/pod-serpom-i-molotom/gegel-frak-metel.htm (дата обращения 14.2.2017).

²⁷ Миронова Е. М. Дипломатическая поддержка формирования колонии русских беженцев в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1917–1922). // Русский исход. СПб.: Алетей, 2004. С. 208.

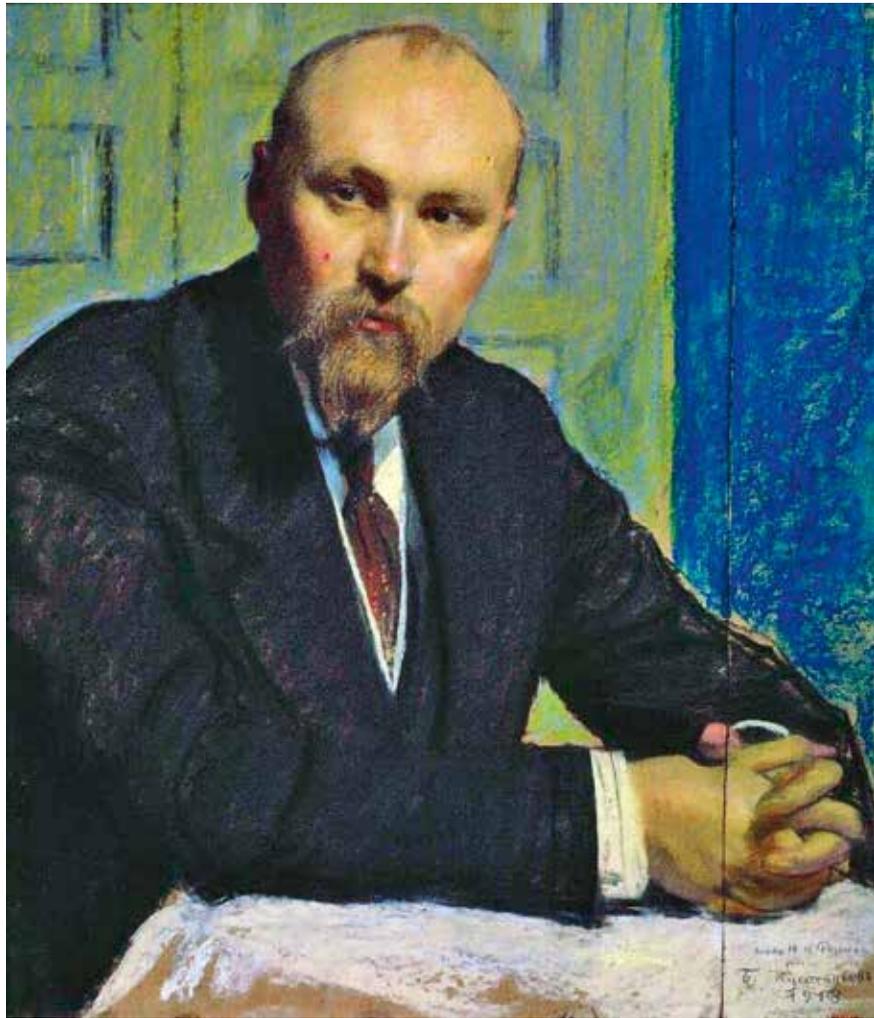
²⁸ Архив Марии Константиновны Бутеновой-Трубецкой. С. 14.

²⁹ Пайпс. Струве. Биография. Т. 2. С. 576.

НИКОЛАЙ РЕРИХ: ХУДОЖНИК И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Он призывал все народы объединиться во имя создания мира красоты и знания

ВЛАДИСЛАВ ПЕРЕВАЛОВ

Портрет Николая Рериха работы Бориса Кустодиева. 1913

В этом году исполняется 150 лет со дня рождения Николая Константиновича Рериха, художника, философа, востоковеда и археолога. Эту дату отмечают в целом ряде стран, в том числе в России, где он родился и успешно сотрудничал с творческими

людьми разных направлений; в США, где он в свое время был одним из основателей собственного музея и где в 1935 году был подписан уникальный документ – Пакт Рериха; в Индии, где он долго жил и путешествовал и где умер в 1947 году.

Все эти три страны могут смело претендовать на то, чтобы считать его своим гражданином: его вклад в культуру и историю каждой из них достаточно велик. Но, по сути дела, Рерих не был привязан по настоящему ни к одной из них. Он был гражданином мира, исповедующим религиозно-философские принципы, далекие от общественных и государственных устоев любой страны мира.

Рерих отличался особой отрешенностью от реального мира, погруженностью в высокие эмпирии философии и восточных конфессий. Он был гуманистом и приверженцем объединения людей на платформе философии будущего, построенной на принципах древних заповедей и религиозных верований и сдобренной изрядной долей мистицизма; этот образ он дополнял своими живописными работами и трактатами. Все это привлекало к нему интеллигенцию, многие представители которой становились его последователями.

Николай Рерих родился в Санкт-Петербурге 9 октября 1874 года. Отец его Константин Рерих был, судя по фамилии, потомком немца или скандинава и особой рускостью не отличался. Адвокат и нотариус, он обеспечивал своей семье безбедное существование. В гостях у Рерихов часто бывали ученые, писатели, художники. Как-то раз известный археолог, проводивший исследования древних курганов, взял девятилетнего Николая

«Заморские гости». 1901

с собой на раскопки. Эти впечатления детства пробудили у мальчика интерес к археологии, который не пропал у него на протяжении всей жизни. Юношей Николай увлекался коллекционированием монет, минералов, растений, но больше всего его привлекала живопись. К шестнадцати годам он начал подумывать о поступлении в Академию художеств.

Это увлечение, однако, вызвало недовольство отца, который надеялся, что мальчик будет изучать право и продолжит династию адвокатов. В итоге был достигнут компромисс: осенью 1893 года Николай поступил одновременно

в Академию художеств и в Петербургский университет.

В 1895 году Рериха свели с выдающимся критиком и историком искусств Владимиром Васильевичем Стасовым. Благодаря ему Рериху открылась дверь в мир творчества: он познакомился со многими композиторами того времени, а также с певцом Федором Шаляпиным. Рерих начал посещать концерты Придворной консерватории, на которых исполнялась музыка Глазунова, Аренского, Вагнера, Скрябина. Особенно ему нравился Вагнер, и позже, став театральным художником, Рерих создал оформление большинства опер этого

композитора. Заметим, что Рерих довольно долго экспериментировал со световыми эффектами в подсветках сцены, применяя ramпы различного цвета.

В последние годы XIX века в русском искусстве появились новые веяния, оказавшие огромное влияние на общество как в самой России, так и за ее пределами. Художники, писатели, музыканты, театральные режиссеры новых направлений стали группироваться вокруг Сергея Дягилева (который, кстати говоря, учился на юридическом факультете на пару курсов старше Рериха) и его единомышленников. Дягилев был одним

«Гора пяти сокровищ (Два мира)». Из серии «Святые горы». 1933

из первых, кто оценил художественный талант Николая Рериха.

Как известно, Дягилев с помощью княгини Тенишевой основал журнал «Мир искусства», который знакомил российских читателей с наиболее интересными современными работами не только русских, но и европейских художников, в частности представителей постимпрессионизма.

Рерих с увлечением включился в работу над журналом и вошел в состав редколлегии. Одно время

вместе с ним в журнале работали такие блестящие художники, как Александр Бенуа и Леон Бакст; позже и они, и Рерих приняли участие в оформлении дягилевских спектаклей «Русского балета».

Окончив учебу, Рерих собирался ехать в Европу, чтобы посетить музеи и галереи современной живописи. К этому времени относится его знакомство с Еленой Шапошниковой, дочерью архитектора и племянницей композитора Мусоргского. Они понравились друг

другу и вскоре были помолвлены. В Европу они отправились вместе, а по возвращении состоялась их свадьба. Заметим, что Шапошникова стала достойной спутницей жизни художника. Одаренная пианистка, она также писала статьи и книги, включая такую серьезную, как «Основы буддизма».

Забота о молодой семье заставила Рериха искать работу. Ему удалось получить должность секретаря школы Императорского общества поощрения художеств; спустя

искусствам»: росписи по фарфору, гончарному делу и гравированию. Преподавателям, которых он приглашал для работы в школе, он предоставлял полную свободу действий в разработке учебной программы и стиле преподавания.

Его нововведения вызвали благодарственные отклики одних и жесточайшую критику других – особенно преподавателей Академии художеств.

Спустя год после рождения первенца Георгия Рерихи отправились в долгое путешествие по России, целью которого было изучение истории развития русской архитектуры, ее стилей и периодизации. Во главу угла ставилось изучение древнерусской церковной архитектуры, но исследовались также древние памятники, городские стены и крепости. Обнаружив, что большинство памятников материальной культуры России остается вне внимания государства и общества во многих районах страны, Рерихи решили призвать общественность обеспечить защиту и сохранность архитектурных памятников. Чтобы проиллюстрировать свой призыв, Николай Рерих написал серию из 75-ти картин, сделанных с натуры. Вернувшись в 1904 году домой, он опубликовал план, который должен был обеспечить сохранение и, если будет возможность, даже реставрацию некоторых памятников.

В 1904 году Рерих написал первую свою картину на религиозную тему. В основном его работы в этом направлении были вдохновлены иконографией русских святых и народными легендами. Его стилизация образов святых основывалась на русском народном творчестве, но он постоянно пытался эти образы романтизировать.

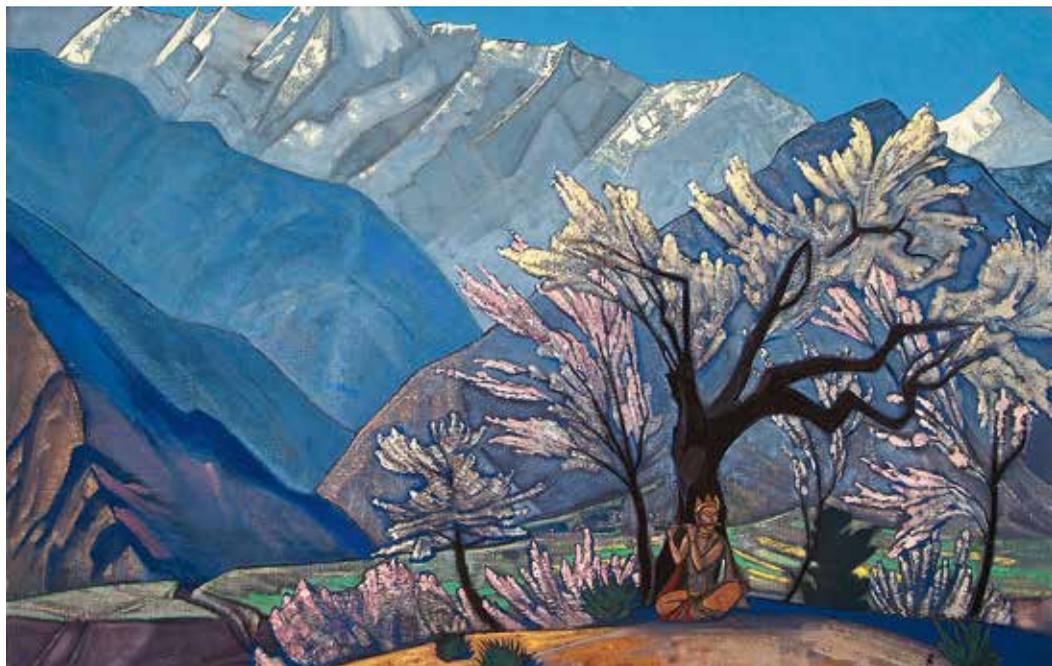
Следующим периодом деятельности Рериха было сотрудничество с Дягилевым в роли театрального художника. Дягилев считал, что для его постановок декорации

и костюмы являются не менее важными, чем хореография. Его окончательно убедило в правильности этой концепции участие в создании балета «Петрушка» художника Александра Бенуа. И когда родился балет «Весна священная» на музыку Игоря Стравинского, в качестве художника постановки был приглашен Рерих.

Как представлял себе Рерих развитие действия в этом балете, первоначальное название которого было «Великое жертвоприношение»? Как картины языческой Руси, как первобытные обряды, как поклонение весне животворящей, как готовность древних приносить жертвы богу Солнца – Ярило. Эти картины озвучивались божественной музыкой Стравинского, а воплощались на сцене хореографией Нижинского. То был балет, не похожий ни на один другой в мире. Премьера его состоялась в Париже 29 мая 1913 года. Но публику балет не просто шокировал – люди выли, свистели, выкрикивали оскорбления. Премьера уникального русского балета завершилась скандальным провалом...

Между тем Европа неумолимо двигалась к мировой войне, и одной из участниц ее должна была стать Россия. В эти годы Рерих, понимая, какой катастрофой для ряда стран станет война, написал несколько картин апокалиптического характера. Одной из таких картин стала «Небесная битва». Чтобы показать, какие ужасные события ждут Европу, он использовал жесткий контраст света и тьмы. На эту же тему он сделал несколько чернотелых рисунков.

В 1915 году Рерих заболел пневмонией и по совету врачей отправился вместе с семьей на лечение в Финляндию. Пребывание там затянулось на два года. Творческий период этого времени в полной мере отражает грустные мысли художника и долгое ожидание

«Кришна. Весна в Кулу». Серия «Кулу». 1930

перемен. Суровая сельская местность с мрачными скалами и необитаемыми берегами севера, кажется, выражает чувство острой тоски. В основном на картинах одинокие фигуры и тоскливые пейзажи. Но возвращаться в Россию было нельзя – там началась революция.

Наконец, в 1918 году, пришло приглашение из Швеции: некий шведский бизнесмен пригласил Рериха выставить свои картины в Стокгольме. Оттуда семья попала в Лондон: сэр Томас Бичем, известный британский дирижер и оперный импресарио, пригласил Рериха оформить на сцене «Ковент-Гардена» новую постановку «Князя Игоря».

За этим последовало приглашение из Америки – от Чикагского института искусств. Первая выставка Рериха открылась в Нью-Йорке в 1920 году. Полагают, что в США выставлялось более 400 его картин. Помимо этого он создал декорации для опер «Снегурочка» и «Тристан и Изольда».

Рерих попробовал себя и в коммерческой деятельности. Ему был

по душе дух предприимчивости, который он ощутил в Америке, он даже писал в газетах и отмечал в письмах друзьям, что новые технологии и активность бизнеса хорошо сказываются на развитии стран. Но это он писал только на первом этапе своего предпринимательства, когда ему предложил войти в дело финансист по имени Луис Хорш, который собирался строить 27-этажный жилой небоскреб в Манхэттене. К этому времени Рерихи уже основали в Нью-Йорке Магистерский институт объединенных искусств, в котором планировали реализовать учебную программу Санкт-Петербургской школы Общества поощрения художеств, и Хорш тут же предложил устроить этот институт в нижних этажах здания, а заодно расположить там музей для картин Рериха и его коллекций. Здание получило название Дома магистров.

Думается, нет особого смысла рассказывать все, что было дальше. Рерихов, конечно же, обманули. Хитрыми финансовыми и юридическими приемами Хорш полностью

завладел зданием и всеми его помещениями. После разногласий между Хоршем и Рерихами музей был закрыт, а Рерихи безуспешно судились с Хоршем, пытались восстановить права на владение помещениями, которые занимали институт и музей. Лишь в 1949 году усилиями Сины Фосдик, члена совета учредителей и преподавателя Института, на Западной 107-й улице был учрежден музей Рериха, где он существует и поныне. Однако далеко не все работы Рериха из музея в Манхэттене попали в новый музей. Тем не менее считается, что эта музейная коллекция работ художника остается одной из самых полных в мире.

Разочарование от пребывания в Америке и серьезные финансовые потери привели к тому, что Рерихи окончательно решили переменить место жительства. Путь их лежал в Индию. Они прибыли в Бомбей в декабре 1923 года и начали путешествовать по культурным центрам и историческим местам. Все это время они встречались с индийскими историками и деятелями искусств. К концу декабря они добрались в Сикким, находящийся на южных склонах Гималаев, и судя по той решимости, с которой семья Рерихов двигалась к этим высоким горам, Гималаи были для них важнейшим местом на карте. Затем дороги судьбы привели их в Китайский Туркестан, Алтай, Монголию и Тибет. Они планировали познакомиться с культурой этих регионов, религией, языками и обычаями. Рерих написал об этой семейной

экспедиции в книге «Сердце Азии» и запечатлел увиденное в нескольких сотнях картин. Среди них есть одна, которая стала символом рериховского путешествия. Называется она «Путь». Она показывает Христа, идущего по извилистому пути через скалы и вершины Гималаев. В известном смысле эта картина, рассказывая о том, насколько трудным было путешествие семьи, одновременно является метафорой любого опасного путешествия, которое предпринимает человек, если к этому его подвигает его духовный мир и жажда открытий.

А восточные символические образы на его картинах – это герои восточных легенд и сказаний, связанные с правителем Шамбалы, тем самым, который непременно явится на землю, чтобы очистить ее от скверны и покарать нечестивцев...

Путешествие, как писал Рерих, оказалось крайне сложным: было преодолено 35 горных перевалов высотой от 4 до 6,4 км. Но вера членов этой семьи в то, что суровость гор укрепляет тело и дух, помогает человеку обрести смелость, позволила им осуществить нелегкое путешествие.

По окончании этой экспедиции семья поселилась в 1928 году в долине Кулу на высоте около двух километров в предгорьях Гималаев, откуда открывался великолепный вид на долину и окружающие горы. Здесь они и основали штабквартиру Гималайского научно-исследовательского института «Урусвати», организованного для изучения результатов их экспедиции и тех исследований, которые еще предстояли. Деятельность института включала этнолингвистические и геоботанические исследования, а также изучение археологических памятников. Под руководством своего отца два сына Рериха, Георгий и Святослав, собрали коллекцию лекарственных

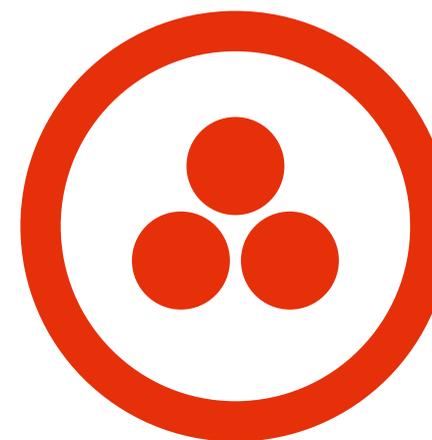
трав. Пользуясь справочниками и книгами местных ученых, они провели исследования в области ботаники и местной древней медицины. Особое внимание уделялось тибетской и китайской фармакологии. Вернувшись в следующем году в Нью-Йорк, где, наконец, открывалось новое помещение музея Рериха, художник обратился к юристам-международникам с просьбой поддержать его предложение о заключении многостороннего договора о защите культурных ценностей во время войны и мира. Это была идея, которую он безуспешно пытался продвинуть еще в самом начале Первой мировой войны. Приводя в пример договоры Международного Красного Креста, Рерих предложил на обсуждение разработанный им и одобренный юристами Пакт. Согласно Пакту, над всеми местами, находящимися под его защитой, будет вывешен флаг, который Рерих назвал Знаменем мира. Флаг представлял собой три красные сферы внутри красного кольца на белом фоне. Наиболее популярная трактовка этого символа такая: три сферы – это Религии, Искусства и Науки как аспекты Культуры, охраняемые кругом Вечности. К нему прилагается девиз: *Pax Cultura*.

«Знамя мира» – символ Пакта Рериха

Символ такого рода существует на печати Тамерлана, в тибетских,

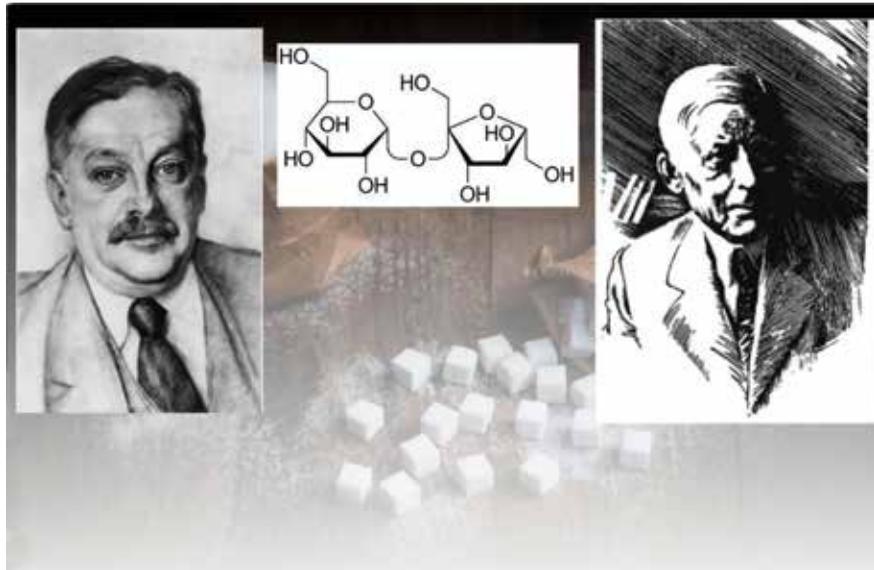
кавказских и скандинавских украшениях, а также на византийских и римских артефактах. Можно увидеть его и на ряде картин Рериха. Призывы Рериха к странам мира подписать такой договор, как ни удивительно, увенчались успехом. 15 апреля 1935 года страны Америки, члены Панамериканского союза, подписали в Белом доме в Вашингтоне Пакт Рериха. И договор этот до сих пор действует! Общественные деятели и различные ассоциации во всем мире продолжают пропагандировать Пакт, его основополагающие принципы и, конечно, Знамя мира. Николай Рерих верил, что выживание планеты, человечества и его культуры невозможно без всеобщего мира на Земле и что такой мир будет рано или поздно достигнут. Без этого, по его мнению, невозможен процесс духовной эволюции и постоянного культурного обогащения населения планеты. Он призывал все народы объединиться во имя создания мира красоты и знания.

Николай Рерих умер в Кулу 13 декабря 1947 года. Его тело было кремировано, а прах захоронен на склоне, обращенном к горам, которыми он восхищался и которые столь искусно изображал на многих своих картинах.

ПИСАТЕЛИ-ХИМИКИ

«*Chimistes et écrivains: Марк Алданов, Борис Пантелеймонов и другие*»

В дискуссии принимали участие:

Василий Зубакин, писатель, профессор, заведующий кафедрой возобновляемых источников энергии РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, автор более 50 научных работ по вопросам экономики и прогнозирования энергетики, автор романов «Жестяной пожарный» и «В тени трона», член Литературной академии премии «Большая книга»;

Иван Родионов, литературный критик, обладатель премий «Литблог», «Чистая книга», «Неистовый Виссарион» и «Гипертекст», автор литературно-критических сборников «сЧетчик» и «На дно, к звездам», член Литературной академии премии «Большая книга».

В.З.: Тема наша велика и обширна...

И.Р.: И порядка в ней нет!

В.З.: Это как посмотреть. Ключевое место в сегодняшней дискуссии будут занимать две фигуры – Марк

Алданов и Борис Пантелеймонов. Чуть позже нужно немного поговорить о феномене писателя-химика. Так сказать, осветить историю вопроса. А пока – общая фактура.

Марк Александрович Алданов и Борис Григорьевич Пантелеймонов – люди с удивительно совпадающими судьбами. Алданов родился в 1886 году, Пантелеймонов – через два года; оба – в провинции: первый – в Киеве, второй – в Сибири; оба – в состоятельных семьях «третьего сословия». Причем, что любопытно, объединяет их еще и... сахар. И отец, и бабушка Алданова по материнской линии – известные сахарозаводчики. А одной из важных научных работ Пантелеймонова-химика стала книга «Анализ сахара и сахаросодержащих веществ», вышедшая в 1922 году в издательстве «Товарищество «Просвещение»». Символическая дихотомия 1922 года: Алданов уже в эмиграции (сахар), а другой молодой ученый поднимает с колен науку Страны Советов

(сахарин). Оба стали профессиональными химиками мирового класса, потом – первоклассными писателями. Причем оба – эмигранты, близкие друзья И. А. Бунина. Наконец, и Алданов, и Пантелеймонов закончили жизнь во Франции в 50-х годах XX века.

Это их объединяет, хотя, конечно, были различия – в образовании, отношении к революции, уровне литературной известности.

Алданову удалось окончить два факультета Киевского университета – физико-математический и юридический – и продолжить обучение в Европе. А Пантелеймонову не повезло – аресты и ссылка за революционную деятельность (он был эсером) не позволили доучиться. Тем не менее по количеству научных работ и, главное, патентов на изобретения сибиряк обогнал киевлянина.

Марк Александрович получил литературную известность в 29 лет, написав книгу о Льве Толстом, а Борис Григорьевич – только в 58 лет, хотя в 27 лет был издателем и редактором журнала под названием «Мыловаренное дело». Во время Первой мировой войны химик Алданов работал в сфере разработки химического оружия, а Пантелеймонов – геройски сражался на фронте в составе химической команды пехотного полка и был награжден орденами Святого Станислава и Святой Анны.

Народник-социалист Алданов покинул Россию в 1918 году, а эсер Пантелеймонов (несколько арестов при советской власти) стал невозвращенцем только в 1929 году; создав производство в Крыму, Борис Григорьевич формировал позднее химическую промышленность в Палестине на Мертвом море.

1930-е для Марка Александровича – пик его популярности в литературе и известность в химической науке; в эти годы происходят и странные события в жизни Пантелеймонова (имитация самоубийства, удивительное проникновение в круг русских литераторов Парижа).

Вторая мировая война «изгнала» Алданова в США, где он создал популярный русский литературный журнал, а Бориса Григорьевича – в антифашистское сопротивление во Франции.

В годы холодной войны Алданов – убежденный антикоммунист, а Пантелеймонов – активный сторонник СССР. При этом последний за какие-то четыре года становится известным писателем в среде русской эмиграции.

Алданов 13 раз (!) был номинирован на Нобелевскую премию по литературе.

Прах Бориса Григорьевича покоится под Парижем, на Сен-Женевьев-де-Буа; прах Марка Александровича – в Ницце, на кладбище Кокад.

И.Р.: И немного о литературных химиках вообще. Долгое время никакого антагонизма между «химиками» и «лириками» не было. Вспомните того же Ломоносова. Но потом пошло некое несколько искусственное разделение. Все помнят, например, слова тургеневского Базарова о том, что порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта. Почему именно в двадцать раз-то? Бог им судьба, этим нигилистам. Никакого антагонизма в этих двух ипостасях нет. И то, и другое – о природе, познании мира. Да и о чем-то высшем тоже.

Возьмем XX век. Гроссман – потомственный химик, у него МГУ за плечами. Причем химик-практик – трудился в Макеевке и Сталино. Старшим научным сотрудником, завлабораторией.

Пятнадцать лет этому делу отдал, между прочим.

Михаил Пришвин учился химии в Лейпцигском университете, когда там преподавал знаменитый Освальд, нобелевский лауреат. И первое время по возвращении в Россию Пришвин пытался делать научную карьеру и опубликовал ряд специализированных работ. Правда, потом от этого опыта сознательно откестился, о чем упомянул в дневнике. Но при этом какие-то химические «хвосты» в его прозе всегда оставались. Неудивительно, например, что существует опубликованная в научном журнале статья от 2017 (!) года, которая озаглавлена так: «Тема химии в творчестве Пришвина».

Николай Носов поступал в Киевский политехнический институт, но его не приняли – не окончил профшколу. Хотя страстно о карьере химика мечтал. Еремей Парнов, кандидат химических наук, работал в системе Академии наук. Помните его книгу «Третий глаз Шивы» – про исчезновение профессора-химика Солитова? Был еще такой писатель Алексей Ливеровский, блокадник, автор книг про природу и охоту. Он был доктором технических наук и даже получил Сталинскую премию в области химии. Два наших прославленных поэта – Владимир Костров и Бахыт Кенжеев, завершивших недавно свой жизненный путь, – в свое время окончили химфак МГУ. И так далее – примеров сопряженья химии и литературы великое множество. Но случай Алданова, конечно, все равно здесь стоит особняком.

В.З.: Да. Начнем с того, что среди главных героев его романов полно химиков. Ласточкин, Браун. Это неспроста – он знал, о чем пишет, поскольку сам был выдающимся химиком. Причем химиком, работавшим именно на войну, на защиту от ядовитых газов и создание газов для нападения. Надо сказать, что для

начала XX века разработка химического оружия была передовой дисциплиной – примерно тем, чем в середине века стал атомный проект.

Кроме того, он даже выстраивает собственную философскую концепцию, как раз на основе диалога между двумя этими ипостасями. У него есть несколько серьезных историко-философских работ, главная из которых – «Ульмская ночь».

С одной стороны, эта работа посвящена роли случая в жизни. Точнее, соединению и борьбе истории «большой» и «малой» (частной, сотканной из этих самых случаев). Тут есть отчасти развитие историко-софских идей Льва Толстого, отчасти – полемика с ними. По форме это классический трактат, какие писали философы несколькими веками ранее, но с акцентами, расставленными по-иному.

И.Р.: Да. Впрочем, и сейчас «Ульмская ночь» читается вполне современно – это хороший гуманитарный нон-фикшн, не потерявшийся среди сборников эссе какого-нибудь Адорно или Сонтаг.

В.З.: С другой стороны, это такой метакомментарий Алданова к его собственным художественно-историческим текстам. Конечно, Алданов не Джойс, и читать его произведения без этого комментария вполне можно. Но «Ульмская ночь» – это своеобразный ключ к пониманию историко-софских идей Алданова, заложенных им в его художественных произведениях.

И этот текст, и некоторые другие работы Алданова построены как диалог писателя и химика. В «Ульмской ночи», например, дискутируют два героя: писатель, обозначенный литерой «А» (Алданов), и химик, обозначенный буквой «Л» (Ландау, настоящая фамилия автора). Интересно: встречаются ли еще где-то в литературе такого рода философские диалоги, когда автор натурально раздваивается, разделяется на две разные

ипостаси, пытаюсь таким образом диалектически установить истину. У Георгия Петровича Щедровицкого в работах Московского методологического кружка это называлось «конфигурированием» знания – когда люди с разными парадигмами смотрят на один и тот же объект и видят разные предметы. Попадалось ли вам подобное в литературе – в российской, в зарубежной?

И.Р.: Ну, если говорить не конкретно про химиков, то такого достаточно. Возьмем старый добрый пушкинский «Разговор книгопродавца с поэтом» – чем здесь не единство и борьба противоположностей, причем в одном лице? Бывают странные раздвоения – как у Розанова, который мог защищать совершенно разные точки зрения по одному и тому же вопросу, прячась под псевдонимами. Однако

если брать конкретно химиков, то это, наверное, действительно единичный и уникальный случай.

В.З.: А такой вопрос: если поста-вить Алданова на условную шкалу исторических романистов, к кому он ближе? К Тынянову? Может, к кому-то из современных авторов? По стилю, сюжетам, жанровым особенностям?

И.Р.: Конечно, это вопрос сложный. Мы неизбежно здесь становимся на тонкую грань предположений. Во-первых, думается, его творчество вполне укладывается в традицию хорошей западной исторической беллетристики. Помните новеллизированные биографии, написанные Цвейгом или Мориа? А во-вторых, можно вспомнить еще одного эмигранта, пусть временного – Алексея Толстого. Если бы он писал, допустим,

о XIX веке, вероятно, у него вышла бы проза сродни алдановской. А вообще, Алданов во всем скорее эдакий мастер гармонии, что ли. Как Бунин или тот же Набоков. Кстати, интересно – конкурировали ли Алданов и Набоков за читателя?

В.З.: У них была длинная и сложная история отношений. Алданов на 13 лет старше Владимира Владимировича, и Набоков-отец – Владимир Дмитриевич – высоко ценил творчество Алданова, особенно повесть «Святая Елена, маленький остров». Первая публикация стихов Набокова (еще не Сирина!) в 1920 году была в парижском журнале Алданова «Грядущая Россия». Личное знакомство состоялось в 1932-м, а в 1936-м Набоков написал рецензию на алдановскую трилогию «Ключ», «Бегство»

и «Пещера», разобрав его основные приемы, «прозрачную простоту слога, лишённого ложных прикрас», систему «ироническо-исторических» сопоставлений.

И.Р.: Алданов же помог семейству Набоковых перебраться в США в 1940 году?

В.З.: Не совсем так: помогли издатель Михаил Карпович и кузен Николай Набоков, обеспечив визы, финансовые гарантии и даже жилье на первое время. Алданов в 1939 году, еще до войны, был приглашен читать курс русской литературы в Стэнфордском университете, но отказался, предложив вместо себя Набокова. А в 1941 году уже Владимир Владимирович помогал выбраться из смертельно опасной для евреев Франции семье Алданова. В 1942 году Марк Александрович начал издавать русский литературный журнал в США, и многие читали его именно из-за публикаций Набокова, уверенно набиравшего в это время популярность.

И.Р.: Из переписки Алданова и Набокова видны острота и горячность автора «Лолиты» и «дипломатическая» сдержанность Алданова.

В.З.: К сожалению, эта крайне интересная переписка не опубликована полностью до сих пор, но даже доступные нам фрагменты позволяют раскрыть новые грани их характеров и взглядов. Ведь в своих книгах авторы всегда как бы в «защитной маске», а их истинное лицо проявляется в переписке с близким человеком. Именно такими были отношения Алданова и Набокова. Охлаждение между ними наступило только в 50-е годы, хотя Набоков очень высоко оценил «Ульмскую ночь», о которой мы уже упоминали.

И.Р.: И они по-разному относились к Бунину.

В.З.: Да, это правда. Алданов высоко ценил все творчество Ивана Алексеевича, а Набоков – только

стихи, считая Бунина прозаиком среднего уровня, ниже Тургенева. Несмотря на уговоры Марка Александровича, успешный американский писатель даже отказался участвовать в благотворительном вечере в Нью-Йорке, когда Алданов собирал деньги для нищего и больного Бунина.

К сожалению, сохранились только письма Алданова Бунину, а вот письма Бунина Алданову – нет: архив пропал во время немецкой оккупации Франции в 1940–1944 годы. Наверняка там тоже было много интересных свидетельств.

И.Р.: Тексты обоих «писателей-химиков» – и Алданова, и Пантелеймонова – очень кинематографичны, как мне кажется.

В.З.: Кстати, про кино. Очень обидно, что Алданова так мало экранизировали. Можно вспомнить разве что спорный, но интересный фильм «Ключ» Павла Чухрая, вышедший в 1992 году. У Алданова это трилогия – «Ключ», «Бегство», «Пещера».

Сценарист «Ключа» – настоящий злодей: он в конце фильма убил в ДТП героев всей трилогии. Это интересная история. Автор сценария – француз левых убеждений. Хорошо было бы поговорить с ним – похоже, он подобрался к разгадке того, кто же все-таки сдал в гестапо главного героя французского Сопротивления Жана Мулена.

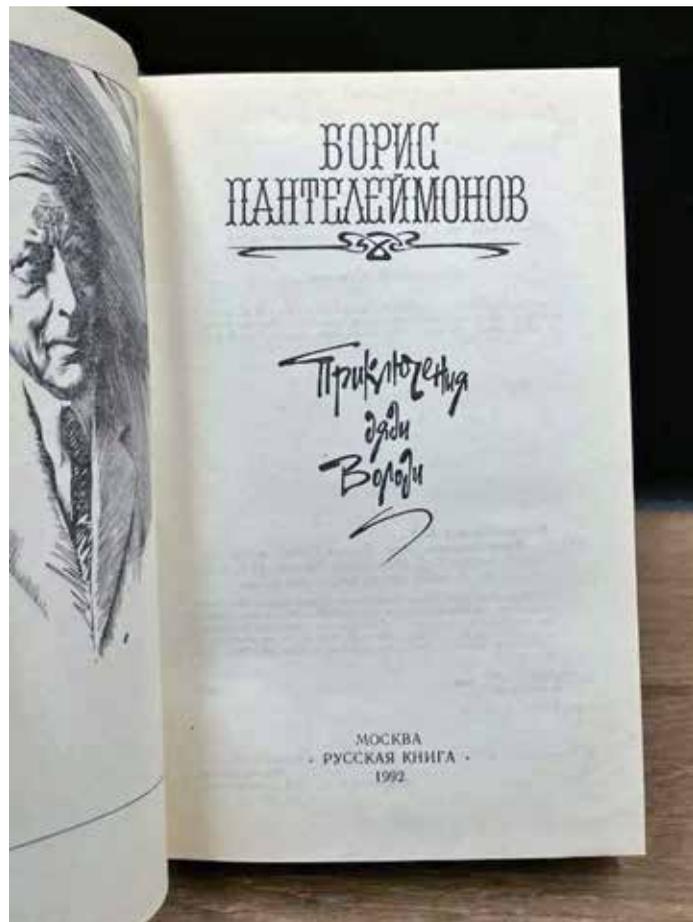
Вообще, книги Алданова – это такой хороший, простите за оксюморон, художественный исторический научпоп. Серия его книг о двухстах годах российской и европейской истории вполне могла бы быть факультативным чтением для студентов-историков и для студентов-гуманитариев. Вот про Суворова. Вот вам Чертов мост, Екатерина II. Вот Павел I, вот Александр I. Любопытно, что Алданов не берет войну 1812 года: он настолько влюблен в Толстого, что

не решается прикоснуться к этой теме. Кстати, первая работа Алданова была как раз посвящена Толстому и Ромену Роллану. Так вот, период наполеоновских войн автор пропускает, а дальше идет подряд – вплоть до 1953 года.

Его романы очень хорошо иллюстрируют российскую историю. Возьмем, например, книгу «Самое убийство». Ее нужно читать, если хочется понять, почему российскую революцию финансировали люди бизнеса, которых эта революция потом уничтожила. А «Святая Елена, маленький остров», а «Убийство Урицкого»? Что ни говори, это исторические романы, которые мы как-то почти не замечаем.

Марк Александрович поднимает в своих книгах вопросы, острые до сих пор. Например, был ли Ленин немецким шпионом? И отвечает: вовсе не обязательно, скорее нет, и различные материалы по этому поводу – это, вероятно, фальсификация. Говоря по-нынешнему, фейк. При этом Ленин первое время объективно действовал в интересах Германии – пусть и неосознанно. В общем, книги Алданова – замечательная историческая беллетристика в хорошем смысле этого слова. Она увлекательна. Она заводит. Там есть интрига, там есть любовь, там есть экшн.

К тому же он тонко чувствовал литературные тенденции. У Алданова есть повесть «Бред», написанная в 1953 году. Ее герой – американский разведчик по фамилии Шелль, который приезжает в Советский Союз. Он профессионал, работал на несколько разведок. Его задача – выкрасть и вывезти из Советского Союза ученого, который придумал способ продления жизни. Ученый болен, он согласен выехать, если его прооперируют за границей. Шелль идет на бал в американское посольство, нарядившись в костюм графа Сен-Жермена, знаменитого авантюриста XVIII века.

советскими авторами, а не подпольными и неподцензурными. Сколько было откликов в свое время на «Ташкент – город хлебный» Неверова! Даже Кафка писал про эту книгу. А, допустим, на выход той же «Белой гвардии» из всей эмиграции отозвался чуть ли не один Ходасевич. И то в том духе, что это по л е з н а я

критиковал Алданов. У него есть цикл критических статей, как раз посвященных творчеству наркома. Такие вот пересечения.

Еще кажется, что со временем тексты Алданова все сильнее уходили в остросюжетность, касаясь шпионских, авантурных сюжетов. Сюжетов про спецслужбы. Это такой мировой тренд был – бондиана и тому подобное?

В.З.: Если брать стилистику и сочетание глубины, психологизма и остросюжетности, Алданову ближе, скорее, Джон Ле Карре и даже, наверное, Грэм Грин.

Кстати, на теме спецслужб можно перевести разговор и на Бориса Пантелеймонова. Он точно каким-то боком был связан с советскими спецслужбами: общается с издателем «Русского патриота» Румановым, агитирует Бунина вернуться в Советский Союз, пойти к советскому послу и тому подобное. И при этом в свое время он представляет СССР на химическом конгрессе в Берлине, а до этого – воюет на фронтах Первой мировой в составе химической команды. Удивительной биографии человек! Еще была история в Палестине, куда он бежал, а после участвовал там в создании британской химической концессии. Тут и добыча серьезнейшего стратегического вещества – нитрата калия, который является основой для пороха. Это было жесточайшее соперничество британцев с немцами, поскольку немцы во время Первой мировой войны и в 20-е годы были калиевыми монополистами. И вот эта концессия досталась британцам, которые ее передали, так сказать, группе товарищей. Одним из этих товарищей, кстати, был небезызвестный Петр Рутенберг, эсер, убийца Георгия Гапона.

Или еще замечательная история. Пантелеймонов был женат четыре раза. В Палестине он ссорится с супругой (очередной), продает все,

закрывает дело, покупает двенадцать букетов цветов и раскладывает их в своей комнате... Журналисты разносят весть о его самоубийстве. Да что журналисты – о суициде Пантелеймонова сообщает даже Горький!

Однако проходит немного времени, и «покойник» появляется на пороге дома Алексея Ремизова во Франции. Входит в ремизовский круг, осваивает художественную манеру тамошней литературной компании. И, по сути, начинает жизнь заново. Правда, с 1940 по 1945 год – лагуна, чем он занимался, неясно. Тэффи писала, что он участвовал во французском Сопротивлении. Был, правда, один полученный им во Франции и Германии патент, дата – 28 января 1943 года. Патент на эффективный способ обработки кожи и одежды, восстанавливающий структуру материала, подвергшегося химическим либо механическим воздействиям. Полезное дело – особенно во время войны.

И.Р.: Как вы уже упомянули, в случае с Пантелеймоновым снова не обошлось без имен Бунина и Тэффи.

В.З.: Да. Это очень интересный сюжет – история взаимоотношений Пантелеймонова, Бунина и Тэффи.

Я провел много часов в архиве Дома русского зарубежья, читая письма Бунина к Пантелеймонову. Когда держишь в руках эти замечательные свидетельства, все время хочется подарить Ивану Алексеевичу пачку простой бумаги, потому что он писал на каких-то бланках, на какой-то оберточной бумаге – увы, в 40-е годы великий писатель жил в нищете.

Например, любопытно: как Бунин обращался в этих письмах к Пантелеймонову? Остроумных прозвищ – масса. «Патриот Патриотович», «Сын трудового народа», «Товарищ», «Пантелей Пантелеевич», «Ермак Пантелеевич» – тут обыгрывается

просоветская ориентация адресата и его сибирское происхождение.

Или почему «Менделеевич»? Бунин прочитал книгу Пантелеймонова о Менделееве. Интересно, что в этой книге описана запретная любовь Менделеева к юной девушке, которая была подругой его дочери и моложе ученого на 26 лет. И в то же время здесь считается аналогия на запретную любовь самого автора, которая довела его до попытки самоубийства в Бейруте (или, может быть, это была просто эвакуация агента советских спецслужб). Инсценировка самоубийства Пантелеймонова стала широко известна благодаря публикации в знаменитом сборнике «День мира. 27 сентября 1935 года» под редакцией Горького и Кольцова.

Обращения «Дядя Володя», «Дядя Боря» взяты, понятно, по названию самого известного произведения Пантелеймонова (Бунин книгу прочитал и оценил достаточно высоко). «Князь Мышкин», «Le Prince Mutchkine» – у Пантелеймонова была ручная мышь, и это изумляло Бунина. «Дядя», «брат», «сестра», «сестричка» – это обращения, принятые в кругу Пантелеймонова, Бунина и Тэффи. «Григорий Борисович» – это Борис Григорьевич наоборот; «Старушек» – это «старичок» по-польски. «Писатель и химик» – ну, тут все понятно. Именно отсюда, кстати, зародилась наша идея сопоставления творчества Алданова и Пантелеймонова.

«Дорогой Нет-но-куа!» – так странно обращается в одном из писем Бунин к своему адресату, и здесь зашифровано сразу несколько сюжетов. Нет-но-куа – это имя приемной матери-индианки Джона Теннера из одноименной статьи Пушкина (Пантелеймонов много заботился о Бунине, помогая в том числе деньгами); снова – намек на радикальную переменную судьбы сибиряка, как и судьбы Теннера – у Пушкина (из Сибири – во Францию,

из химиков – в писатели); Пантелеймонов также (как и Теннер в пушкинском переводе) много пишет об охоте, диких лесах и реках.

Прозвища «Среброволосый автор» и «Граф» намекают на благородную внешность Пантелеймонова, которую иногда связывали с дворянским происхождением, хотя Борис Григорьевич – купеческий сын из таежного Муромцевского района Омской области. «Серебристый канадский бобер»; «Седой канадский тигр» отсылают к сходству Сибири и Канады и седые адресата. Наконец, «Таежный Миклухо-Маклай» – так как Бунин читал книгу Пантелеймонова о Миклухо-Маклае.

Еще более интересно, как подписывался Бунин в письмах Пантелеймонову. «Граф Иван», «Тонкий старичок», «Неприличный карикатурист» (в письмах много картинок 18+), «Доброжелатель», «Пахом Манделеевич», «Иван Терибль», «Иван Иванович», «Сухово-Кобылин», «Благодетель», «Князь Буй-Горбунец», «Князь Игорь Бунин», «Ванин», «Иван Горький», «Невозвращенец»...

А вот эту подпись поймут только астматики: «Действительный статский советник Ефедрин Адrenalинович Астмов». Дело в том, что у Бунина была эмфизема легких, случались удушья и ему приходилось расширять бронхи с помощью эфедрина и адrenalина.

Забавная стихотворная подпись: «(В виде франков и доллАров) Иван Бунин – Граф Уваров», а дальше Бунин делает пояснение: «Я один из потомков графини Уваровой».

Есть «советские» подписи: «Иван Лебедев-Кумач», «Описатель природы, тяжело страдающий без Сталинградской России». Здесь Бунин обыгрывает публикации в газете «Голос Родины», финансируемой советским посольством, в которой часто публиковался Пантелеймонов.

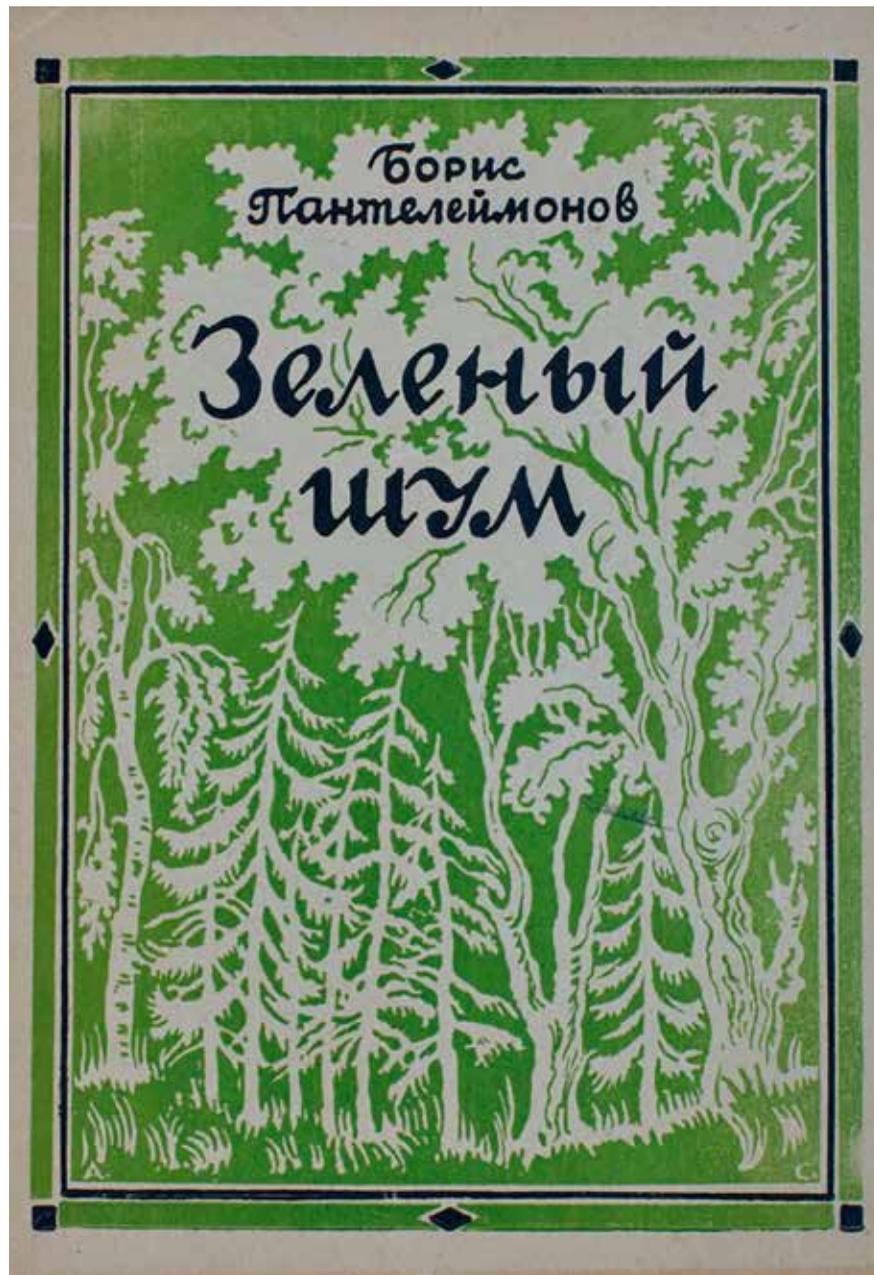
Американский посол не может помочь разведчику, как и хвастливый немецкий фельдмаршал. Тогда Шелль-Сен-Жермен среди шумного бала обращается к пришедшему Иосифу Виссарионовичу как к высшей инстанции. Словом, делает все для того, чтобы спасти этого человека, вывезти его.

Ничего не напоминает? Воланд, Мастер, бал Сатаны в американском посольстве. Только год другой. Едва ли Алданов читал рукопись «Мастера и Маргариты», но совпадения, так сказать, симптоматичны.

И.Р.: Согласен. Любопытно, что Бугаков, Алданов и Паустовский были одноклассниками по Киевской гимназии. А по «Мастеру и Маргарите»... Звучит странно, но писатели-эмигранты первой волны обыкновенно скорее интересовались какими-то правомерными

книга для Советов, которая фиксирует поражение белых.

Есть еще одно интересное пересечение. Нарком Луначарский, как известно, писал пьесы. И это были вовсе не соцреалистические пьесы – на дворе стояли модернистские 20-е годы. И у Луначарского была пьеса «Фауст и город». Исследователи находят в ней много пересечений с «Мастером и Маргаритой» и предполагают, что, возможно, некоторые моменты этой пьесы Бугаков в своем романе пародировал. Еще у Луначарского есть пьеса «Иван в раю», где герой по имени Иван попадает в рай и уговаривает Бога оставить престол и передать власть над миром трудящимся. Причем помогает Ивану в этом деле почему-то Каин. Так вот, все эти тексты Луначарского читал и очень иронично и жестко

Некоторые подписи свидетельствуют о том, что живущий в бедности Бунин относился к себе с горькой иронией: «Известный не только вам, но и всем» – «Великий», «Лауреат», «Почетный академик Российской императорской Академии наук», хотя все это было правдой...

Интересна история подписи «Маркиз De Fournel». Дело в том, что в период дружбы с Пантелеймоновым (конец 1940-х годов)

Бунины подолгу жили в «Русском доме» в Жуан-ле-Пене, в районе Фурнель (Fournel). Пансионат был дешевым, питание – скудным, и жившие на грани нищеты Бунины очень радовались каждому визиту Пантелеймонова и Алданова, традиционно нагруженных сумками со всяческой снедью. Поэтому, подписывая письмо «Маркиз De Fournel», Бунин иронизирует над бедностью своей семьи.

Письма же Пантелеймонова Бунину, к сожалению, не сохранились, об их содержании мы можем только догадываться по ответным письмам.

После смерти Пантелеймонова Иван Алексеевич уговаривал вдову отдать письма, объясняя, что там много «неприличного», что написаны они были иногда «по пьяному делу». Вдова проявила характер и писем не отдала, благодаря этому мы имеем возможность изучать уникальные автографы Бунина.

И.Р.: Интересно! А третья вершина этого треугольника – Тэффи?

В.З.: О своем друге Борисе Пантелеймонове Надежда Тэффи писала в одноименном очерке, где рассказала, что их личное знакомство произошло в начале 1946 года, когда Пантелеймонов готовил к изданию «Русский сборник» и приглашал к участию в нем разных писателей. Сам он тоже написал рассказ, который, судя по всему, Тэффи не очень понравился: слишком сильно в нем было влияние Алексея Ремизова, с которым Пантелеймонов подружился еще до войны. Потом Пантелеймонов написал новый рассказ, который Тэффи похвалила, а автор, как она пишет, пришел благодарить. С этого началась их дружба.

В своем очерке Тэффи называет себя «крестной» первой книги Пантелеймонова «Зеленый шум».

Тэффи пишет о своеобразном «Тройственном союзе»: «Мы любили собираться втроем – Бунин, он и я. Было хорошо, да, было хорошо; они оба называли меня «сестрицей»».

В архиве Дома русского зарубежья хранятся письма Тэффи к Пантелеймонову. Чаще всего Тэффи начинает их с обращения «Дорогой мой друг и брат», «Милый братец», «Брат мой названный», «Милый друг», «Чудесный мой брат». А подписывала свои письма так: «Ваша всегда сестра», «Любящая ваша сестра».

Обсуждая с Пантелеймоновым его произведения, Тэффи давала им прямые оценки, разве что несколько смягчая их своим дружеским расположением к автору. «Братец, дорогой, любимый! «Чары» так себе, нужно много поправить. Зато «Урман» – великолепный, просто замечательно!»

Сестринская любовь Тэффи была ревнивой, и она не стеснялась это показывать. Ревнив был и интерес к советам, которые давал Пантелеймонову Бунин. В письмах Тэффи была насмешлива и остра на язык; в текстах же, предназначенных для публикации, она была мягче. В очерке, характеризуя замечания Бунина, она ограничилась парой коротких фраз. «Бунин классик. Нарушение законных форм для него кощунство». В письме же дала себе больше простора: «Очень интересно, как Иван Алексеевич правил ваш «Вальс»? Я всегда чуть-чуть, оставляю всю вашу индивидуальность, а Иван Алексеевич подминает вас под классику, что не всегда к вашей выгоде. Иногда девочка мила именно с веснушками».

Очерк о Пантелеймонове Тэффи написала после его смерти, отмечая все самое лучшее, что в нем было: «Другом он был пламенным, защищал своих друзей, берег их». Точно так же поступает и сама она по отношению к Борису Григорьевичу. К примеру, она ни словом не обмолвилась о тех подозрениях, которые звучали со стороны авторитетных писателей-эмигрантов в адрес Пантелеймонова в связи с его просоветскими высказываниями.

Пантелеймонов стал для Тэффи самым близким другом из новых послевоенных знакомых. Пронзительная нота, так характерная для воспоминаний Тэффи о людях, которых она искренне любила, звучит и в поминальном очерке о Пантелеймонове. Если Тэффи и любила кого-то, то именно по-русски: так, как она писала своему

другу Борису Пантелеймонову – «без берегов».

Интересно обсудить собственно литературную манеру Пантелеймонова, его язык и стиль. Он менялся от произведения к произведению. Но кто на него влиял больше? Ремизовский «обезьяний орден»? Или Бунин и Тэффи, которые правили Пантелеймонова порой совершенно беспощадно?

И.Р.: Все это достаточно интересная и сложная история: именно с литературоведческой и историко-литературной стороны изучать творчество Пантелеймонова. У него в книгах есть много разного, о чем хочется поговорить. Про те же «Приключения дяди Володи». Тэффи, например, считала образ этого героя очень удачным и ставила его в несколько удивительный ряд – с Базаровым и Иволгиным Достоевского. Почему так? Может быть, потому что это герои не совершенные, не святые, но энергичные, природные, заряжающие других действием. Кроме того, интересна у Пантелеймонова тема рек. Как у Твена (или у Алексея Иванова в «Географы...»), в книгах Пантелеймонова происходит инициация молодых рек. Впрочем, это долгий отдельный разговор.

Что касается авторского стиля, то он у Пантелеймонова действительно несколько ремизовский. Синтаксис своеобразен – короткие предложения, множественное тире. Иногда нет не только прилагательных и наречий, но и глаголов. Та же Тэффи укоряла Пантелеймонова за «ремизовщину». Однако с Ремизовым в прозе та же проблема, что и с Маяковским в поэзии. Стоит самую малость попасть под влияние, и это уже очень заметно. Даром что это все, скорее, общие веяния литературы 1920-х. вспомните того же раннего Пильняка.

И еще одно. Проза Пантелеймонова подкупает в том числе своим

юмором. Добрый хороший юмор в литературе – вещь редкая. А у него он какой-то озорной, размашистый, без эопо-двоемысленных подкладок. Возможно, так вышло потому, что он поздно пришел в литературу, и ему просто не нужно ядовито остричь, как иным молодым авторам. Пантелеймонов начал писать в 59 лет (!), даже позже, чем другой известный автор, связанный с Омском, – поэт Иннокентий Анненский.

В.З.: Надо сказать, что путешествие на корабле дяди Володи – это путешествие по реке Тара. Она на самом деле судоходная только от устья впадения в Иртыш и до Муромцево. И вот они плывут на своем корабле, и это просто совершенно замечательно описано. Действительно, как из «Приключений Гекльберри Финна», только по-русски. А эпизод, когда герои причалили, чтобы взять дров, плохо привязали корабль, и его унесло, а они думают, что его украли цыгане. Все это выписано совершенно волшебным. И очень узнаваемо. Муромцевский район – это 200 километров севернее Омска.

И.Р.: Можно ли назвать Пантелеймонова омским «гением места»? Да, он большую часть жизни прожил не там, он эмигрант – но все-таки: каково его место в тамошнем литературном пантеоне? Ведь в Омске много культурных героев – в диапазоне от тех же Достоевского и Анненского до Егора Летова.

В.З.: Борис Пантелеймонов, пожалуй, в пантеоне омских писателей занимает третье место. Первый, конечно, Достоевский – тоже не местный уроженец, кстати. Второй – знаменитый «король писательский» Антон Сорокин. А третий – Пантелеймонов. И единственный в мире памятник этому писателю находится именно в Омске – на Аллее литераторов.

ОДИНОКИЙ «ЮНКЕРС»

Мы продолжаем публикацию повести Валерия ПОВОЛЯЕВА

Косяков подумал, что к их самолету обязательно подойдет кто-нибудь из аэродромных работников, поинтересуется, не надо ли чем помочь, но и это было не так – никто не подошел... Все вновь погрузилось в безмолвие.

– Что будем делать дальше? – тихо, почти шепотом спросил он у командира, тот в ответ неопределенно приподнял одно плечо.

– Не знаю.
Затем добавил так же тихо, тающим голосом:

– Пока велено только одно – ждать.

Ждать. Должен был появиться оберштурмбанфюрер, фотоснимок которого им показывал полковник, – они находятся в его распоряжении, обер этот и скажет, как действовать дальше... Ох и сложная это штука – ждать. Косяков беззвучно втянул в себя воздух, выдохнул. В промежутки между вдохом и выдохом слышал, как неровно, громко бьется его сердце. Проводя время в ожидании, люди стареют очень быстро, просто стремительно, организм у них преобразуется с космической скоростью.

Более тяжелого испытания, чем ожидание, в мире придумать, наверное, нельзя. Даже физическая боль и та бывает не столь тяжела для человека, как необходимость ждать... Ждать, из последних сил слушать тишину, держать себя в руках и вообще сохранять спокойствие. Это понимали все, кто сейчас находился в салоне «Юнкерса».

Всем помнилась инструкция полковника: в Смоленске на связь ни с кем не выходить, с обслуживанием не общаться, ждать появления известного оберштурмбанфюрера, подчиняться ему и только ему.

Горючего у них было достаточно, во всяком случае, когда прозвучит команда лететь, на обратную дорогу – дорогу домой – им хватит.

Административный домик, расположенный метрах в тридцати пяти от «Юнкерсов», был словно бы безлюден, ни одного движения в нем экипаж не засек, дверь его ни разу не открылась, звуков также никаких не было слышно. Мертвая какая-то зона, как в недоброй колдовской сказке, неведомо какой конец имеющей: то ли хорошо закончится сказка, то ли плохо... Косяков пошевелился, ощутил, как по хребту у него пополз колючий холод. Тепло, которое обогревало их по пути сюда, кончилось, оно словно бы вообще исчезло – навсегда, на всю оставшуюся жизнь.

Косяков снова надавил локтем на кобуру, в которую был засунут парабеллум, убедился, что пистолет на месте.

К Серебрякову подошла Интерна, проговорила негромко:

– Товарищ командир, у меня пять термосов с горячим крепким чаем. Может, чайку налить? Всем хватит.

– А бутерброды есть? – спросил капитан неожиданно спокойным, даже каким-то сонным голосом.

– Бутерброды тоже есть.

– Хорошо, – похвалил Серебряков, – но перекус пока рано устраивать.

– Как скажете, товарищ капитан, – Интерна беззвучно, охотничьим шагом отошла от командира.

Вновь все застыло. Ни шороха, ни скрипа, ни вздохов. С улицы также не доносилось ни одного звука. Даже воздух, кажется, остекленел в пространстве. На площадке, примыкавшей к служебному зданию, тоже ничего не происходило, только

солнце веселилось, вело себя крайне беззаботно, меняло освещение, потихоньку продвигаясь к точке заката. Иногда откуда-то сверху, из необъяснимых высот, падал особенно яркий луч света, и тогда в пожухлой, высушенной до землистой коричневаты травы возникали живые изумрудные искры, веселили взгляд – даже взгляды тех, кто находился сейчас в Серебряковском «Ю-88». Им было не до детских шалостей небесного светила, но и они обращали на это внимание... Луч исчезал, и солнечное марево обрело примесь серых красок, делалось печальным, и печаль эта проникала внутрь людей.

Прошло полчаса.

За полчаса никто, ни один человек не подошел к московскому «Юнкерсу» – ни оберштурмбанфюрер, которого ожидали, ни кто-нибудь из эсэсовцев рангом пониже, которого можно было бы втащить в самолет и тут узнать от него кое-что... Но если это сделать, значит на сто процентов сорвать операцию, что для Серебрякова будет хуже трибунала.

Капитан, почти не двигаясь, продолжал сидеть за штурвалом «Юнкерса» и спокойно поглядывал из кабины то в одну сторону, то в другую, то через застекленный «прозрачный стальной» нос на бетонные плиты площадки и сухую твердую землю, примыкавшую к рулежной дорожке.

Он не суетился, не нервничал, не думал о плохом, и экипаж, поглядывая на него, старался вести себя так же.

Прошло сорок пять минут.

Ситуация не изменилась ни на йоту, не сдвинулась ни туда, ни сюда, солнце все так же лениво, очень неспешно скользило лучами

по земле, занималось «оживляем», рождало в сухой траве зеленые искры, превращая мертвое в живое, старалось развлечь запечатанных в самолете людей, иногда уступало место серой пелене, падающей с неба, и тогда природа делалась мрачной и на душе невольно становилось мрачно, в голове начинали тесниться мрачные мысли... Мысли о войне, о тех, кого не стало, и тех, кто был ранен, увезен в беспомощном состоянии в госпиталь и к однополчанам своим уже не сумел вернуться. Для таких солдат родная часть была потеряна, и таких потерявшихся насчитывалось довольно много. А насчитываться будет еще больше: война есть война.

Приподняв над штурвалом левую руку, Серебряков отогнул обшлаг рукава и посмотрел на циферблат часов, отметив заодно, что хваленая тевтонская куртка начала твердеть.

Прошло уже пятьдесят пять минут. С хвостиком. Хвостик небольшой – секунд двадцать... Служебное здание, вокруг которого должна была крутиться жизнь, по-прежнему было пустым, каким-то кладбищенским – ни одного намека на то, что в эти минуты в нем могут находиться люди. Мертвое оно, нет в нем людей! Даже в эсэсовской форме. Но предпринимать что-либо Серебряков не мог, не имел права. Если допустит от себя отступит, то пойдет под трибунал. Вместе с экипажем.

Оставалось одно – не дергаться, не пускать пузыри, тем более что они пока не идут на дно, но даже если окажутся на дне, все равно – ждать. Затаиться, прикрыться парой каких-нибудь пушистых водорослей и ждать.

Время тянулось медленно и, надо признаться, мучительно. Оно изводило, истязало людей, могло вообще довести до нервного срыва. Серебряков это хорошо понимал, потому и старался быть спокойным, как насадка во сне, как

камень, другие сравнения Косякову в голову не пришли, только эти, а вообще-то, он удивлялся выдержке и спокойствию командира.

Сам Косяков так держаться бы не смог, хотя слабаком себя не считал: и в горящем самолете уже побывал однажды, и на чужую территорию выпрыгивал с парашютом, и уходил от эсэсовских собак, гнавшихся за ним. Хорошо, что собаки были спущены с поводков... Трех псов, преследовавших его, Косяков благополучно застрелил, а проводники, оставшиеся в лесу без собак, не нашли его: нюх имели не тот.

Если покопаться в военной биографии Косякова еще немного, то можно найти другие факты, не очень веселые, скажем так, но среди них окажутся и те, что способны вызвать уважение. Жизнь есть жизнь, и часто она складывается очень уж непросто. Хотя в полку штурмовиков ему определено везло – ни разу не попал в передрагу, где воздух бы был переполнен запахом смерти. В полку Косякову завидовали.

Старший лейтенант вскинулся, словно бы внутри ощутил боль, потер пальцами виски. Глаза скосил на иллюминатор.

Аэродром по-прежнему был голым, вызывал ощущение холода, который, возникнув однажды, начинал нехорошо возиться под сердцем, а потом затихал и даже пропадал вовсе. До следующего своего возникновения, такого же внезапного, как и предыдущее появление. Ну хотя бы какой-нибудь кривоногий фриц вышел из служебной двери и помочился под ближайшим кустом – все веселее было бы.

Хотя Интерне на оправляющегося фрица смотреть было бы неинтересно, особенно если у него кривые, как у кочевника ноги. Такие ноги были у воинов, которые принесли в Россию татаро-монгольское иго. Эти ребята по сорок лет не слезали с лошадей и ноги имели, как обручи

у бочки, крепкие и тонкие. Косяков неожиданно с возмущением потряс головой: ну и мысли бродят у него в голове. Детские, глупые, лишённые всего... Даже обычной человеческой опрятности. И все из-за налетчиков, пришедших на нашу землю. Он снова глянул за плечо командира в освещенное уходящим солнцем аэродромное пространство.

Солнце ослабло уже почти совсем, словно бы решило пообедать, лучи у него сделались какими-то перегретыми, вываренными, водянистыми, словно капуста, вытащенная из начавших закисать щей и брошенная в помойное ведро. Старший лейтенант подумал о том, что напряжение, в котором они сейчас находятся, велико, не все могут потянуть. Причем в напряжении находится не только он один – весь экипаж трофейного «Юнкерса», все, кто выполняет важное, как сказал полковник, задание. Но о задании они почти ничего не знают. Они лишь прокладочный материал, сено, на которое завалят корову: ни деталей, ни конечной цели, ни предмета действий, происходящих (или готовых свершиться, произойти) около них, тоже никто не знает... Сообщить не удалось. Хотя шкурами своими, извините за выражение, не рискуют ни полковник, ни его помощники – рискует экипаж «Юнкерса», надерганный из разных авиационных частей.

О том, что им предстоит сделать, о деталях операции, о том, какова ее конечная цель, где им надлежит быть, скажем, через три часа, не знал никто, даже капитан Серебряков. А уж ему-то знать это совсем не мешало бы. Хотя бы потому, что он – старший в группе.

Интерна вновь подошла к Серебрякову, склонилась над ним.

– Товарищ капитан, может, чайку? – проговорила она тихо, просяще, с какими-то виноватыми нотками в голосе. – Стынут ведь термосы. А, товарищ командир?

Серебряков хорошо понимал, что люди находятся на взводе – ну словно бы перед тяжелым боем, нервы у них натянуты до предела, только вот звона этой проволоки не слышно, хотя нервы могут порваться у кого угодно, экипаж надо чем-то поддержать, успокоить, и капитан разрешающе наклонил голову:

- Давай чай, Интерна.
- А бутерброды?
- И бутерброды давай.

Интерна засуетилась обрадовано, она тоже все понимала, тоже имела нервы, душу, в которой мог всплыть страх, – стоит только немного ослабить вожжи, которыми человек держит себя в сборе, и все потечет, поплывет... Интерна все видела и слышала, и вопрос насчет чая поставила перед командиром вовремя. Раньше было рано, а сейчас – в точку. Умная девушка. Умница!

Горячий чай, заваренный с ягодами шиповника, еще с какой-то травкой, добавленной в сушеном виде (в травах Косяков, к сожалению, не разобрался), оказался очень вкусный и быстро привел экипаж в норму. Ой, какой молодец-молоток Интерна!

Дольше всех прихлебывал чай из своего стакана Серебряков, прихлебывал по капельке, смаковал каждый глоток и, как и раньше, неторопливо, даже как-то лениво поглядывал в окно прозрачной кабины. Движения его были медленными, какими-то заторможенными, словно бы Серебряков делал это специально, – хотя, вполне возможно, что так оно и было, командир побаивался, как бы у кого-нибудь из экипажа не сдали нервы.

Экипаж держался, нервы у народа были все-таки крепкие, никто не дергался, не размахивал кулаками, не повышал голоса и в том, что под Москвой слишком рано началась лютая зима, не винил ни своих командиров, ни генералов на фронте. Старший лейтенант глянул на свои завидные часы, которые, кроме общего

циферблата имели и маленький, размером с однокопеечную монету, даже меньше. На этом циферблате, отсчитывая мелкое время, крутилась очень аккуратной пылинкой тоненькая секундная стрелка, схожая с длинной.

Прошел час с лишним... Уже ровно час десять минут их самолет стоял на вражеском аэродроме, явно мозолил кому-то глаза, это Косяков ощущал собственной шкуркой, лопатками своими, – но никто не подавал даже косвенных признаков жизни, не говоря уже об обычном интересе. А интерес за это время мог нарисоваться даже у толстокожего аллигатора из здешнего зоопарка, не то что у человека.

Не может быть, чтобы на этом аэродроме не было какого-нибудь головастого гестаповца, способного заинтересоваться неведомым «Юнкерсом». Косяков не удержался, снова придавил локтем к ноге черную кожаную кобуру «парабеллума».

Солнце хоть и играло в небесах, резвилось по-детски, а уже начало ощущаться, что оно скоро пойдет на закат. Дни ведь уже стали короткими, даже очень короткими, скоро они сожмутся до размеров тряпицы для протирки очков.

Под Москвой и в самой Москве уже зима. И морозы были, и метели, и снега навалило столько, что вряд ли он сойдет до весны... Бои под столицей нашей Родины шли сильные. Когда ветер тянул в глубину страны, дым пожарищ, пропитанный пороховой кислотой, доползал до самого Урала.

Административное здание, упрямо казавшееся заброшенным, нежилым, преобразилось в считанные минуты: с пружинным стуком в скромном служебном доме запахла центральная входная дверь. На улицу вышел эсэсовец и угодливо придержал ее. Вслед за ним показался еще один эсэсовец, высокий, с мощными плечами,

в хорошо сшитом черном мундире, цепким хозяйским взором глянул на самолеты, занявшие часть аэродромного пространства, посторожничая, пропуская перед собой двух автоматчиков, одетых в полевую, мышинного цвета форму. За автоматчиками возник старый сторбленный генерал с седой щеточкой усов на лице, в распахнутой шинели, с потертым старинным портфелем в правой руке.

Портфель украшала блестящая золоченая пластинка, привинченная к кожаному клапану рядом с замком. Высокий эсэсовец, одно плечо которого украшал плетеный серебряный галун, повернулся к генералу. Это был тот самый оберштурмбанфюрер, чей фотоснимок показывал экипажу полковник в Москве, – показав, просил запомнить его лицо, а потом сообщил, что экипаж поступает в полное распоряжение этого человека. Все приказы его подлежат обязательному исполнению.

Оберштурмбанфюрер по-приятельски ухватил генерала за край распахнутой шинели и начал рассказывать ему анекдот. Генерал хоть и старый был – участвовал, наверное, в какой-нибудь из прусских войн столетней давности, – а в анекдотах кое-что смыслил, смеялся залиvisto, словно гимназист.

Если бы он ничего не понимал, то с какой стати ему было открывать рот, полный великолепных искусственных зубов и так азартно хохотать. Зубы у него были белые, как только что выпавший снег. Вытянувшиеся в струнку автоматчики стояли в пяти шагах от веселой компании и, надо полагать, слышали, что рассказывал оберштурмбанфюрер, но лица их были неподвижными, почти каменными – они умели сдерживать в себе смех, прошли на этот счет хорошую школу.

Тут оберштурмбанфюрер глянул на них, будто видел впервые и сделал рукой отсекающий

жест – отойдите, мол, такие анекдоты не для ваших ушей.

Эсэсовцы послушно оттянулись к стенке служебного корпуса: приказ им отдавал большой начальник, послушаться его они не могли. А оберштурмбанфюрер, взяв генерала под руку, повел его к двум «Юнкерсам», в покорном ожидании застывшим неподалеку.

На этот раз он рассказал такой остроумный анекдот, что генерал не выдержал, остановился и от смеха сложился вдвое, корчился в этой позе примерно с минуту, никак не мог отсмеяться, затем выпрямился и обессилено махнул рукой – пошли, дескать, дальше.

Пока шли к самолетам, оберштурмбанфюрер, успев рассказать еще пару очень смешных анекдотов, и вновь вельможный старичок в добротной шинели чуть в обморок не падал от хохота, навалившегося на него, крутила головой восхищенно и ослепляла пространство яркой белизной искусственных зубов.

Оба они были на высоте – что рассказчик, что слушатель. Серебряков с интересом наблюдал за ними со своего пилотского сидения, сверху. Был он, как и раньше, очень спокоен – ну словно бы экипаж его не находился среди врагов, в глубоком немецком тылу (хотя и на нашей территории, временно оккупированной), и совсем не думал о том, что дальнейшие события способны развернуться по-всякому, может случиться и так, что придется брать за оружие. Причем в любую секунду – как получится, в общем...

Когда штурмбанфюрер с генералом остановились около серебряковского «Юнкерса» и мастер анекдотов начал рассказывать сновному немцу очередную историю, Серебряков скомандовал верхнему стрелку:

– Быкасов, отдать лестницу!

Стрелок-радист действовал стремительно, будто на спортивных

состязаниях, движения его были четкими, отточенными – через несколько секунд приставной трап был спущен на землю. Оберштурмбанфюрер, увидев это, одобрительно наклонил голову.

Примчавшийся из-за административного здания ветер, словно бы выполняя обязанности контролера, пробежался между двумя «Юнкерсами», взвихрил упругий столб пыли, но долго держать его не смог – столб рассыпался на глазах.

Оберштурмбанфюрер взял под козырек и посадил генерала на трап, спущенный из салона Быкасовым.

Генерал, кряхтя, дыша часто, с трудом одолел ступени алюминиевой лестницы и скрылся в салоне серебряковского «Юнкерса».

Эсэсовец помахал прощально рукой, и Быкасов ловко, тихо, без единого стука (мастер, волшебник просто!) втянул трап в самолет.

Оберштурмбанфюрер отошел от «Юнкерса», снизу козырнул Серебрякову и сделал выразительный жест, он подгонял командира экипажа: взлетай скорее!

Лицо у него было усталым, тяжелым, под глазами набрякли мешки, будто этот человек долго не спал, может быть, даже несколько ночей бодрствовал, век не смыкал, поджидая эту минуту. Серебряков все понял, козырнул ответно, поймал взгляд оберштурмбанфюрера. Это был взгляд человека, который отчаянно завидовал Серебрякову: капитан со своими людьми улетал на Родину, домой – не куда-нибудь, а домой, где все ясно, понятно, где друг есть друг, а враг есть враг, – а он оставался в этой сложной мути, в обстановке, где стоит только сделать один плохо просчитанный шаг, всего один – и все, жизнь его на этом завершится. Серебряков очень хорошо понимал оберштурмбанфюрера.

Глаза этого человека не только завидовали экипажу «Юнкерса»,

они были печальными, горькими. Все было понятно без каких-либо объяснений – не нужно ни одного слова. Серебрякова эти глаза даже, кажется, немного обожгли. Оберштурмбанфюрер нетерпеливо махнул рукой: взлетайте скорее!

Пока Серебряков запускал моторы, генералом занималась Интерна. Весело щебеча по-немецки, – а язык этот Интерна, вполне возможно, знала лучше генерала, – она предложила ему прилечь, отдохнуть в отдельном купе, но генерал от предложения отказался, как-то неудобно было ему ощущать себя старой развалиной в присутствии цветущей красивой девушки. Тогда она усадила его в большое кожаное кресло и накрыла шерстяным пледом. Проговорила ласковым шелестящим голосом:

– До Берлина лететь четыре часа, можете немного отдохнуть, герр генерал.

– Спасибо, спасибо, – благодарно пробормотал генерал. – Пожалуй, есть смысл вздремнуть немного, но это позже... Чуть позже.

– Тогда позвольте предложить вам горячий чай и свежие бутерброды.

– С чем бутерброды? – неожиданно деловито осведомился генерал.

– С баварской ветчиной, с французским сыром, с русской икрой...

– Нет, с икрой не надо, – перебил ее генерал, – а вот с ветчинкой баварской, пожалуй, можно.

Интерна быстро организовала ему на колени поднос, на котором стоял чай в серебряном подстаканнике, украшенном свастикой, заключенной в круг (как на хвосте их «Юнкерса»), на блюдечке из того же серебра, что и подстаканник, – два бутерброда с тающей во рту ветчиной, на блюдечке поменьше – несколько кусочков формованного сахара и щипцы. Все было немецкое, еще сутки назад эта находилась в офицерском блиндаже СС на фронте.

Генерал кивнул Интерне, поблагодарив за заботу, с задумчивым видом кинул в стакан три кусочка формованного тростникового сахара и, помешивая чай ложкой, повернулся к иллюминатору, в котором уже медленно проплывали затейливые сгустки довольно редких облаков, показывавших самолету свои кудрявые, подсиненные тенями бока.

Серебряков взлетел легко, экипаж даже не почувствовал, как они оторвались от земли. Лишь фюзеляж закрипел надсажено – ну словно бы земля прочно вцепилась в него и не хотела отпускать самолет.

Взлет Серебряков произвел в сторону, с которой они заходили на посадку – на запад, наполовину спаленный Смоленск обогнули с обкатанной южной стороны... Здесь, на высоте, солнце светило много ярче, чем на земле, в воздухе то возникали, то пропадали, как в пору бабьего лета, яркие лучики, похожие на золотые паутинки, веселили взгляд...

Но веселиться было рано, веселиться они станут, когда приземлятся в Москве, точнее – под Москвой, на своем аэродроме.

На всякий случай Серебряков велел бортиженеру присматривать за генералом – ведь по солнцу, которое при развороте демонстративно переползло с носа в хвост, легко можно было догадаться, что они изменили курс на сто восемьдесят градусов и лететь собрались не в Берлин, а совсем в обратную сторону.

Когда это дошло до генерала, он поперхнулся чаем, а кусок немецкой ветчины, любовно порезанный в подмосковной столовой на аэродроме, прилип у него к нижней губе. Хлеб шлепнулся на колени.

С собой у генерала был пистолетик – маленький, меньше дамского, – висел на брючном ремешке под полой мундира, генерал потянулся было к нему, но Интерна опередила,

возникла перед генералом с «вальтером» в руке.

Бороться с «вальтером» детской пукалкой, которой был вооружен старый вояка, – все равно, что с велосипедным насосом полезть на пулемет. Генерал все понял и быстро скинул. Сочный ломтик ветчины самовольно отклеился от его рта и шлепнулся на кусок булки, лежащий на коленях.

– Хс-се-е-е, – протестующее засипел генерал, и Интерна во избежание всяких неожиданностей быстро и ловко обезоружила его, сунула неказистую дамскую хлопчатку под затейливый накрахмаленный передник, после чего германский военачальник совсем размяк.

Позади Интерны возник Голубенко с автоматом в руках, – сделал это очень кстати, едва не вогнав генерала в обморок. Старый заношенный портфель, который берлинский генерал берег как зеницу ока, лежал на ковре, у ног генерала; пить на нем чай, подложив под поднос, старый служака считал шуткой недопустимой, даже кощунственной с позиций германского генштаба, поэтому портфель положил себе к ногам.

Интерна стремительно наклонилась, подхватила портфель, генерал открыл рот, но сказать ничего не сумел. Была бы сейчас возможность съесть портфель вместе с позолоченной пластиной, с замками и затертой лоснящейся ручкой, с бумагами, находящимися внутри, он съел бы. Но возможности такой у генерала не было.

«Юнкерс» потихоньку потянул на восток, в сторону Москвы. Серебряков рассчитывал, что скоро они достигнут плотного облачного слоя и скроются в нем, но пока они сидели в Смоленске, погода на восточной стороне улучшилась: ясно светившее солнце совсем не думало сдавать свои позиции. И это несмотря на то, что день сделался заметно

короче. По сути, праздничный день седьмого ноября был уже зимним.

Генерал с бледным расстроеным лицом отвернулся к иллюминатору. Интерна бегло проговорила что-то по-немецки, но из-за гула моторов Косяков фразу не разобрал, да и немецкий язык он знал плохо, на слабеньком школьном уровне. Пленник в ответ отрицательно покачал головой и закрыл глаза.

Интерна сняла у него с коленей поднос с недопитым чаем и одним несъеденным бутербродом – все, насытился генерал! Подбородок у него вдруг затрясся мелко, слезно, генерал прикрыл его рукой – неприятно было, что люди видят, насколько он ослаб.

Собственно, генералу было уже много лет, народ в этом возрасте очень часто меняется неузнаваемо, мозги работают не так, как раньше, скрипят, будто их посыпали песком, реакция ослабленная, решения человек принимает излишне медленно, порою неохотно... Другого не дано, поскольку люди, как и вещи, стираются, сходят на нет, хоть и на выпуск всякого нового человека идет индивидуальный материал, изготовленный на небесном производстве...

Косяков вздохнул, оттянул рукав куртки, глянул на часы. Ему казалось, что летят они уже долго, а летели они пока всего ничего – двадцать минут, которые в сознании экипажа могут и растянуться, будто резиновые, а могут и сжаться. Все зависит от внутреннего состояния, от настроения, от того, во что превращается душа человеческая в минуту опасности или близкого ее ощущения... Засветится ли в ней огонек жизни, не позволяющий сгибаться и покрываться трусливой дрожью, или же этого огня не будет... Внутренний свет, который поддерживает человека в тяжелые мгновения, не дает ему согнуться, способен влиять почти на все, не только на судьбу...

И вон ведь как – когда они тренировались, осваивали «Юнкерс», привыкали к новой машине, снег валился с небес просто заволошный, сплошной стеной; в Смоленск отправлялись также в нелетную погоду, слепую, переполненную снегом, перед носом самолетным разглядеть что-либо было просто невозможно и казалось им, что муть эта рассосется очень нескоро... Но что же они видят сейчас? Небо просматривается очень хорошо; кто знает, может, оно стало таким ясным до самой Москвы – «зрячим», как любит говорить командир косяковского полка Теплов... Но до Москвы еще далеко и никому не ведомо, никому, кроме Всевышнего, что может случиться с ними в полете и какая ворона с подбитой харей и свернутым набок клювом повстречается им в пути?

За пятьдесят пять минут полета такая ворона им не повстречалась, это Косяков засек по своим наручным часам. Они продолжали идти на восток.

Неожиданно загрохотал верхний пулемет, это Быкасов ударил по какой-то воздушной цели, попавшей им по пути и решившей приблизиться к «Юнкерсу». Словно бы отзываясь на грохот верхней турели, проснулась и открыла огонь нижняя гондола.

Пулеметы работали в унисон, в один голос, звук был такой громкий, что он даже оглушил Косякова. Старший лейтенант приподнялся и через плечо Малых глянул в иллюминатор. На одной линии с «Юнкерсом» он увидел «Мессершмитт» с крыльями, наполовину выкрашенными в желтый цвет. За желтокрылым «Мессером», похожим на большую хищную стрекозу, чуть ниже и дальше шли еще несколько желтокрылых «Мессершмиттов».

Одна из пуль, выпущенных верхним стрелком, по скользящей

истребителя, взбила длинную струю ярких электрических брызг. «Мессер» внезапно просел, будто от боли, очутился внизу, на уровне самолетов, идущих в нижнем эшелоне. Его тут же взял на прицел стрелок из гондолы, длинная очередь встряхнула корпус «Юнкерса», отдача у крупнокалиберного пулемета была сильной, калибр был такой, что пулемет мог перерезать пополам любой гражданский самолет...

Но мозг Косякова засек совсем другое, в голове забились мысли, которая была совсем не к месту: что за несказанная любовь у фрицев к желтому цвету, откуда она? У «Мессеров» крылья желтые, у «Юнкерса» – хвост с нарисованной по трафарету свастикой... Откуда тяга к желтизне? На этот вопрос, надо полагать, не ответят ни Серебряков, ни Малых, ни сам Косяков. Может ответить, наверное, старый генштабовский генерал, съездившийся в кресле; он сжался, усох, превратился в распадающийся прелый гриб, который обычно выкидывают на помойку, чтобы случайно не оказался под ногой, иначе человек обязательно поскользнется и – затылком о камень. Это очень опасно, иногда вообще смертельно.

Сейчас генерал совсем не был похож на того смеющегося, довольного жизнью старика, который с удовольствием слушал веселые анекдоты и заразительно хохотал, – ну, ничего общего. Косяков покосился на него и неожиданно подумал, что до Москвы он может и не дотянуть. Не надо ли сказать об этом Серебрякову?

А Серебряков как сидел почти неподвижно, очень спокойно в левом пилотском кресле, так и продолжал сидеть; он даже не шевелился и будто бы не слышал работы двух бортовых стрелков. Нервная система у командира была в полном порядке. Даже больше, чем в полном порядке.

Бортовые пулеметы, заглохнувшие было, ожили снова – «Мессеры» перестроились и опять стали приближаться к «Юнкерсу». Быкасов и Юзлов старались не подпустить их к себе.

Но истребители были цепкими, как собаки: нащупав добычу один раз, уже не оставляли ее, пытались дотянуться до горла и перекусить его. Если бы не бортовые стрелки, они бы давно это сделали. Другое было понятно, как круговорот воды в природе: долго держаться стрелки не смогут.

Раз появились «Мессершмитты» – значит, что-то не сработало в команде оберштурмбанфюрера. У Косякова неожиданно сжало горло, похолодели пальцы: значит, штурмбанфюрер раскрыт, вполне возможно, что его уже нет в живых. А ведь это был наш человек, советский, вполне возможно русский по национальности.

Появление «Мессершмиттов» – это сигнал, точнее свидетельство того, что немцы раскрыли оберштурмбанфюрера и решили поставить точку в сложной игре, в которой принимали участие и летчики.

Но об оберштурмбанфюрере думать было некогда. Количество «Мессеров» в воздухе удвоилось, даже спокойный Серебряков этим обеспокоился, сменил эшелон высоты. Бортовые стрелки вели теперь огонь беспрерывно. «Мессеры» тоже начали поливать «Юнкерс» пулеметными очередями. Корпус самолета звенел от пуль – принимал их и усиливал резкий, внезапно возникавший и также внезапно рвущийся звук.

«Ю-88» хоть и считается у немцев транспортным самолетом, а все же он из породы бомбардировщиков. А какой закон главный у летчиков бомбардировочной авиации? Закон простой, как тень, бредущая за мулом по освещенной солнцем дороге: береги свою задницу!

ВЕЛИКИЙ МАСТЕР СОВЕТСКОГО КИНО

Татьяна Лиознова: «Кто пережил войну, никогда ее не забудет – вечная боль и рана»

ВЯЧЕСЛАВ МИЛЯЕВ,
кинопублицист

Хвост – самая уязвимая часть у всякого бомбардировщика, независимо от того, в какой стране он выпущен и чьи вооруженные силы представляет, поэтому фюзеляжи и хвосты у всех тяжелых самолетов тщательно оберегают бортстрелки, отгоняют падких на добычу истребителей стрельбой не только из пулеметов, но и из пушек. У «Ю-88» пушек нет, только пулеметы. Косяков хорошо понимал, что долго отстреливаться ни Быкасов, ни Юзлов не смогут – «Мессеры» все равно возьмут свое.

Противный тягучий холод возник у него в груди, стиснул душу, такое с ним случалось и раньше, в полете, во время тяжелых штурмовок, но всякий раз он брал себя в руки и вышибал этот чертов холод изнутри. Поддавалось ошпаривающее ощущение не просто, сопротивлялось, будто за ним стояла нечистая сила; приходилось напрягаться, чтобы избавиться от холода. Косякову это удавалось, но были в их полку ребята, которым это оказывалось не под силу, и тогда вопрос ставили ребром – о переводе таких летчиков на землю. Небо им закрывали.

Не очень законно, наверное, с позиций солдатской морали, но летчикам, которые ходят в бой парами по формуле «ведущий – ведомый», совсем не хотелось, чтобы во время атаки у них неожиданно оказывался незащищенный хвост, и они откачивались от таких напарников.

Если ведомые подводили, то могли по физиономии получить не только от ведущего, но и от командира эскадрильи и даже от командира полка. Такие случаи бывали, и не раз.

Через плечо Малых Косяков неожиданно увидел «Мессер», по косою направлявшийся к «Юнкерсу», – видать, летчик хотел нащупать мертвую зону, в которой бортовые стрелки его не достанут, но верхний стрелок все-таки

дотянулся до него, обжег свинцом. В воздух полетело сеево огня, будто «Мессер» попал под вращающееся с бешеной скоростью наждачное точило. Немец, спасаясь, поспешно нырнул вниз, но не задымился, уцелел. Быкасов попытался дотянуться до него следующей очередью, – попытка оказалась неудачной. Жаль, что не получилось – неплохо было бы завалить хотя бы одного фрица.

Немецких истребителей стало, кажется, больше, воздух был плотно набит ими. Косяков стиснул зубы, покрутил головой – дело, похоже, пахнет керосином. А может, и не керосином, а чем-нибудь похуже и погорючее... В следующий миг старшего лейтенанта ослепила вспышка радости – рядом с «Юнкерсом» неожиданно появился самолет с красной звездой на боку.

Это был «Як» – машина с четкими контурами, которую ни с каким другим истребителем не перепутаешь, с вытянутым корпусом и мощным мотором – лучший самолет истребительной авиации, который имелся тогда в наших войсках. Так считал не только Косяков. «Яки» иногда сопровождали «Илы», идущие на штурмовку танковых колонн фрицев, стремившихся с наскока брать наши небольшие города. Только не всегда это у них получалось... В горле у Косякова возникло что-то соленое, теплое – то ли кровь, то ли еще что...

«Яки» сцепились с «Мессершмиттами», не подпускали их к одинокому «Юнкерсу», отсекали огнем. «Ю-88» продолжал спокойно двигаться на восток, разрубал крыльями облака, мешавшие Серебрякову видеть, что происходит впереди, сбоку, внизу.

Один час сорок две минуты обратного пути – Косяков прокладывал этот маршрут точно по карте, сверял его поворотные точки с летными приборами и со своими часами, словно бы циферблат

наручного хронометра был определителем, способным засекать отклонения, сбой, вообще неточности в маршруте.

Иногда по корпусу «Юнкерса» словно бы бил тяжелый молоток – это до машины дотягивались очереди, выпущенные «Мессерами», но прорваться к «Юнкерсу» им не удавалось.

Генерал погрузился в какое-то замороженное состояние – ну словно бы его оглушили чем-то тяжелым, ударили с силой, он не только онемел, но и потускнел, постарел, морщин на лице стало больше, загорелые щеки совсем выбелились, обвисли. Даже сапоги у него, начищенные до такого блеска, что в них можно было смотреться, поблекли и сморщились.

«Якам» удалось немного оттеснить немцев. Косяков засек момент, когда очередь одного из «Яков» вдребезги разнесла кабину «Мессера», – только осколки бронированного стекла, выбитого из колпака, блеснув прощально, мелькнули в воздухе и унеслись вниз. Следом унесся и сам «Мессершмитт». Вместе с летчиком.

Через несколько минут Косяков увидел, как два немца атаковали «Як», взяли его в перекрестье пулеметных струй и подожгли. «Як» задымился, винт его мотора замер, заклиненный, и самолет со звездой на фюзеляже устремился вниз. Из-под хвоста у него повалил темный вязкий дым: явно был перебит маслопровод или, может, даже загорелся дополнительный бак с горючим – такие на отдельных самолетах ставят умельцы-техники, чтобы летчик мог находиться в воздухе дольше положенного времени, зафиксированного в инструкции по эксплуатации.

Косяков поморщился, словно от боли, словно он сам находился сейчас в кабине подбитого «Яка».

Продолжение следует

войну, никогда ее не забудет – вечная боль и рана».

Первой самостоятельной кинолентой Лиозновой на военную тему стал вышедший в 1958 году фильм «Память сердца» о судьбе русской учительницы и английского летчика. Главные роли исполняли Тамара Макарова и Андрей Попов.

Татьяну Михайловну всегда вдохновляла тема героизма сильных людей. Это мы видим в фильмах «Им покоряется небо», «Евдокия», «Рано утром».

В 1967 году на экраны выходит мелодрама «Три тополя на Плющихе» по рассказу Александра Борщаговского. Кинокартина вместе с песней Александры Пахмутовой «Нежность» сразу стала для зрителя любимой на долгие годы.

Прошло более 50 лет после выхода 12-серийного художественного телефильма «Семнадцать мгновений весны» (1973). За это время сериал нашел свое почетное место среди лент советского и зарубежного телевизионного кинематографа, в энциклопедиях и книгах по истории кино. Роман писателя Юлиана Семенова и история советского разведчика Исаева-Штирлица в сочетании с документальной кинохроникой придали сериалу особую притягательность. Актеры Вячеслав Тихонов, Ростислав Плятт, Леонид Броневой, Олег Табаков, Евгений Евстигнеев, Лев Дуров, Екатерина Градова, Василий Лановой и многие другие внесли свою лепту в рождение этого шедевра.

Тихонов как-то спросил Татьяну Михайловну: «О чем я буду так долго молчать с сосредоточенным лицом?» И услышал в ответ: «А ты вспоминай таблицу умножения». Железная женщина, способная творить шедевры!

После семи лет преподавательской работы Лиозновой во ВГИКЕ в прокат выходит двухсерийный телефильм «Мы, нижеподписавшиеся» (по пьесе А. Гельмана), рассказавший о том, как в стране, где происходят события с преломлением нравственных и духовных ценностей, меняется человек.

В музыкальной мелодраме «Карнавал» (1981) с Ириной Муравьевой в главной роли режиссер вновь обращается к теме женской судьбы.

В последней работе – телефильме «Конец света с последующим симпозиумом» (1986) по пьесе американского драматурга и сценариста Артура Копита, – звучит призыв уберечь мир, не допустить уничтожения человечества на Земле.

После этого Татьяна Лиознова, народная артистка СССР, заслуженный деятель искусств РСФСР, награжденная шестью орденами и многими призами, до конца своих дней больше фильмов не снимала. Она говорила, что не чувствует дыхания зрителя, не принимает и не понимает время, но добавляла: «Одно удивительно, что и этому времени нужны мои фильмы».

Они не просто нужны, но и необходимы, они делают нас лучше и чище...

МАЛОМУ ТЕАТРУ РОССИИ 200 ЛЕТ

Государственный академический Малый театр России – один из старейших театров страны, настоящий храм русской драматической традиции. Основанный в 1824 году, театр стал культурным символом Москвы и сыграл ключевую роль в формировании русской драматургии и актерской школы. Его репертуар охватывает как классику, так и современные постановки, однако именно приверженность русским классикам – Гоголю, Островскому, Толстому – стала его визитной карточкой.

Малый театр изначально был частью Императорских театров и ставил перед собой задачу просвещения и эстетического воспитания публики. Знаковым событием стали постановки произведений Александра Островского, которые во многом сформировали идейную направленность театра.

На сцене Малого театра некогда блистали такие звезды, как Мария

Ермолова, Иван Мосолов, Александр Южин, Михаил Царев, Виктор Коршунов, Елена Гоголева.

Сегодня Малый театр также славится замечательными мастерами и продолжает следовать своей миссии: сохранять лучшие традиции русского драматического искусства, передавая их новым поколениям. Он остается точкой притяжения для ценителей классической драмы, собирая, как и прежде, полные залы и привлекая не только старшее поколение, но и молодежь.

ВЫСТАВКА ТЕАТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ БАХРУШИНА В ПАРИЖЕ

Этой осенью в Париже, в Российском духовно-культурном православном центре, проходила выставка Бахрушинского театрального музея «Волшебник императорских театров Александр Головин». Впервые за рубежом было так широко представлено

творческое наследие одного из самых известных в мировой культуре российских театральных художников – живописца и сценографа Александра Головина (1863–1930).

Подобно импрессионистам, совершившим революцию в живописи, Александр Яковлевич Головин стал революционером в истории театрально-декорационного искусства.

Перед посетителями выставки предстали эскизы декораций и костюмов к операм «Псковитянка» (Большой театр, 1901), «Руслан и Людмила» (Мариинский театр, 1902), «Кармен» (Мариинский театр, 1908), «Золото Рейна» (Мариинский театр, 1905), балетам «Лебединое озеро» и «Волшебное зеркало» (Мариинский театр, 1903) и множеству других прославленных произведений, включая эскизы, созданные Головиным для «Русских сезонов» Сергея Дягилева.

Всего в экспозицию вошло более 150 театральных эскизов и программ, фотопортретов Головина, а также фотографий спектаклей, поставленных при его участии.

«Сегодня в собрании Бахрушинского музея насчитывается свыше 1300 произведений Александра Головина, включая предметы из его личного архива. Уникальность нашего собрания состоит в том, что помимо большой и разнообразной коллекции театральных эскизов художника, оно включает станковые произведения мастера, наброски и зарисовки, а также фотографии оформленных им спектаклей. Такое сочетание позволяет наиболее объемно представить период Головина в русском и мировом театрально-декорационном искусстве», – отметила генеральный директор Бахрушинского театрального музея Кристина Трубинова.

Первым грандиозным успехом Головина на международной

арене стало участие в «Русских сезонах» Дягилева. На выставке был представлен эскиз художника к опере Мусоргского «Борис Годунов» («Гранд-Опера», Париж, 1908) для первого «Русского сезона» Дягилева в Париже. Головин, в частности, создал знаменитый костюм царя Бориса, а затем портрет Федора Шаляпина в этом образе.

В 1910 Головин оформил для «Русских сезонов» балет Стравинского «Жар-птица» (за исключением двух костюмов Жар-птицы и Царевны, созданных Львом Бакстом). Художественный критик Анри Геон писал: «“Жар-птица” – плод тесного сотрудничества хореографа, композитора и художника (Фокина, Стравинского и Головина) – представляет собой чудо восхитительного равновесия между движениями, звуками и формами. Когда пролетает Птица, кажется, что ее несет музыка. Стравинский, Фокин, Головин – я вижу в них одного автора. Однако какое все это русское, то, что создают русские, и какое все это в то же время французское! Какое чувство меры и фантазии, какая серьезная простота, какой вкус!»

Посетители выставки «Волшебник императорских театров Александр Головин» также смогли увидеть экспонаты, связанные с сотрудничеством Александра

Головина и Всеволода Мейерхольда, поставивших вместе более двадцати спектаклей. Вершиной их совместного творчества стал спектакль «Маскарад», премьера которого

состоялась 25 февраля 1917 года, в день начала Февральской революции. Это был последний спектакль знаменитого императорского Александринского театра.

